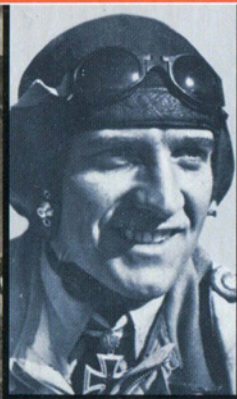

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПИЛОТ «ШТУКИ»

ГАНС—УЛЬРИХ РУДЕЛЬ

ГАНС-УЛЬРИХ РУДЕЛЬ

**ПИЛОТ
«ШТУКИ»**

**МИНСК
ХАРВЕСТ
2003**

Сканировал и создал книгу - vtaкhankov

Серия основана в 1998 году

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Рудель Г.

Р 46 Пилот «Штуки» / Г. Рудель.— Мн.: Харвест, 2003.— 272 с., [16 ил.].— (Военно-историческая библиотека).
ISBN 985-13-1625-3.

Книга «Пилот „Штуки“» написана немецким летчиком-асом Гансом-Ульрихом Руделем, прошедшим во вторую мировую войну путь от простого солдата до полковника Люфтваффе и получившим за боевые заслуги и исключительную храбрость специально учрежденную награду — «Золотые Дубовые Листья с Мечами и Бриллиантами к Рыцарскому кресту». Рассказ о жизни и быте пилотов Люфтваффе, о том, как действовали немецкие летчики,— это отчет Руделя, пилота пикирующего бомбардировщика, о его службе в Военно-воздушных Силах Германии на протяжении всей войны.

Для всех, кто интересуется военной историей.

УДК 355/359
ББК 63.3(4Г)

*Тот, кто уважает своего противника,
уважает самого себя.*

Вернер Рёлл

Об авторе этой книги

Ганс-Ульрих Рудель по праву считается одним из самых известных боевых летчиков второй мировой войны. За неполных четыре года, пилотируя низкоскоростные и уязвимые пикировщики Ю-87 «Штука», он совершил 2530 боевых вылетов — больше, чем любой другой пилот в мире, уничтожил, по официальным немецким данным, 519 советских танков (более пяти танковых корпусов), более 1000 автомобилей, грузовиков, паровозов и других транспортных средств, потопил линкор «Марат», крейсер, эсминец, 70 десантных лодок и катеров, разбомбил 150 артиллерийских позиций, гаубичных, противотанковых и зенитных, разрушил множество мостов и дотов, сбил семь советских истребителей и два штурмовика Ил-2, сам был 32 раза сбит зенитным огнем (и ни разу истребителями). Пять раз был ранен, дважды — тяжело, но продолжал совершать боевые вылеты после ампутации правой ноги, спас шесть экипажей, которые совершили вынужденную посадку на вражеской территории, и в конце войны стал единственным солдатом германской армии, получившим самую высокую и специально для него учрежденную награду своей страны за храбрость — «Золотые Дубовые Листья с Мечами и Бриллиантами к Рыцарскому Кресту».

Рудель начал войну скромным лейтенантом, которого коллеги третировали за любовь к молоку и долгое время не допускали к вылетам как не способного пилотировать самолет в боевых условиях, а закончил ее в звании пол-

ковника Люфтваффе, командиром старейшей и самой известной авиационной части пикировщиков Ю-87 (Schlachtgeschwader) St.G.2 «Иммельман». Гитлер несколько раз запрещал ему летать, полагая, что его гибель станет тяжелейшим ударом для нации, фельдмаршал Фердинанд Шернер считал его стоящим целой дивизии, а Сталин оценил его голову в 100 000 рублей, которые пообещал выплатить любому, кто сможет доставить Руделя, живого или мертвого, в руки советского командования.

После войны вышла книга военных мемуаров Руделя, «Trotzdem», более известная под ее английским названием «Пилот «Штуки», с тех пор многократно переиздававшаяся на многих языках мира общим тиражом более миллиона экземпляров. Тем не менее эта книга, единодушно признанная в свое время литературным событием и ставшая за минувшие десятилетия военной мемуарной классикой, долго не переводилась на русский язык, несмотря на то что Рудель почти все свои боевые вылеты совершил на Восточном фронте. Причины этого будут ясны читателю после чтения первых же глав.

Со страниц книги перед нами встает портрет человека разумного, хладнокровного, волевого, бесстрашного, с яркими командирскими качествами, хотя и не чуждого эмоций, уязвимого, подчас сомневающегося в себе, непрерывно борющегося с нечеловеческим напряжением и усталостью. Вместе с тем Рудель остается убежденным нацистом. Это не какой-нибудь вчерашний студент, обученный наскоро летать по сокращенной программе и брошенный в бой, а кадровый офицер Люфтваффе, который стремится нанести максимальный урон ненавистному противнику любыми способами и любым находящимся в его распоряжении оружием, смысл жизни которого — истребление врагов Германии, завоевание для нее «жизненного пространства», успешные миссии, военная карьера, награды, уважение подчиненных, благосклонное отношение Гитлера, Геринга, Гимmlера, обожание нацией. Рудель останется в истории второй мировой войны и гитлеровской Германии как законченный продукт нацистской «индоктринации», архетип фашистского боевого офицера, бе-

зоговорочно преданного Гитлеру и Третьему рейху, вплоть до конца своей жизни считавшего, что смертельная борьба Гитлера с «азиатскими коммунистическими ордами» была единственно возможной и полностью оправданной.

Нет смысла пересказывать здесь военную биографию Руделя — она описана в книге. Лишь несколько слов о том, как сложилась его судьба после войны.

В середине апреля 1946 года, после выписки из госпиталя в Баварии, где Рудель долечивался после ампутации ноги, бывший гитлеровский ас вынужден был работать транспортным подрядчиком в Вестфалии. На своем протезе, сделанном специально для него знаменитым немецким мастером Стрейде, он принял участие в ряде лыжных соревнований и вместе со своими друзьями и однополчанами Бауэром и Ниерманом совершил горный поход в Южный Тироль. Позднее, лишившись работы и каких-либо перспектив, с ярлыком «ярого милитариста и фашиста», он перебрался в Рим, а в июле 1948 года — в Аргентину, где вместе с рядом других известных ветеранов Люфтваффе, в прошлом генералами Вернером Баумбахом и Адольфом Галландом, пилотами-испытателями Беренсом и Штейнкампом, главным конструктором фирмы «Фокке-Вульф» Куртом Танком помогал создавать аргентинскую военную авиацию, работал консультантом в авиастроительной промышленности.

Обосновавшись в окрестностях аргентинского города Кордова, где находился тогда большой авиазавод, Рудель продолжал активно заниматься любимыми видами спорта — плаванием, теннисом, метанием копья и диска, катанием на горных лыжах и скалолазанием в горах Сьерра-Гранде. В свободное время он работал над своими мемуарами, впервые опубликованными в Буэнос-Айресе в 1949 году. Несмотря на протез, Рудель принял участие в южноамериканском чемпионате по горнолыжному спорту в Сан-Карлос-де-Барилоче и даже занял там четвертое место. В 1951 году Рудель совершил восхождение на Аконкагуа в аргентинских Андах, самый высокий пик в западном полушарии, и почти достиг вершины (более 7000 метров), когда непогода вынудила его повернуть назад.

Находясь в Южной Америке, Рудель познакомился и близко подружился с президентом Аргентины Хуаном Пероном и президентом Парагвая Альфредо Стреснером. Он активно занимался общественной деятельностью среди уехавших из Европы нацистов и иммигрантов немецкого происхождения, участвуя в работе Kameradenhilfe — как полагали его политические противники в Германии, «НСДАП-подобной» профашистской организации, которая тем не менее посылала продовольственные посылки немецким военнопленным и помогала их семьям.

В 1951 году Рудель опубликовал в Буэнос-Айресе два политических памфлета — «Мы, фронтовые солдаты, и наше мнение о перевооружении Германии» и «Удар ножом в спину, или Легенда». В первой книге Рудель, выступая от имени всех фронтовых солдат, утверждает, что снова готов сражаться против большевиков и за «жизненное пространство» на востоке, по-прежнему необходимое для выживания немецкой нации. Во второй, посвященной последствиям покушения на Гитлера в июне 1944 года, Рудель объясняет читателям, что ответственность за поражение Германии во второй мировой войне несет прежде всего немецкий генералитет, не понявший стратегического гения фюрера, и в особенности офицеры-заговорщики, поскольку именно политический кризис, вызванный их покушением, позволил союзникам развить успех после высадки их в Нормандии.

В начале 1950-х, после окончания контракта с аргентинским правительством, Рудель вернулся в Германию, где продолжил успешную карьеру консультанта и бизнесмена. В 1953 году, в разгар первой стадии «холодной войны», когда общественное мнение стало терпимее относиться к бывшим наци, он впервые опубликовал свой «Trotzdem» на родине. Рудель также сделал попытку баллотироваться в бундестаг от ультраконсервативной партии, но потерпел поражение на выборах.

Он принимал активное участие в ежегодных собраниях ветеранов авиационной части «Иммельман», в 1965 году открывал мемориал погибшим летчикам St.G.2.

Несмотря на инсульт, перенесенный в 1970 году, Рудель продолжал активно заниматься спортом, способствовал организации первых чемпионатов Германии для спортсменов-инвалидов. Последние годы жизни он прожил в тирольском местечке Куфштайн, продолжая смущать официальный Бонн своими крайне правыми политическими высказываниями.

Ганс-Ульрих Рудель скончался в декабре 1982 года от кровоизлияния в мозг в госпитале города Розенхайм, ФРГ, в возрасте 66 лет. На его похоронах присутствовали несколько тысяч человек, в том числе ветераны Люфтваффе, Вермахта, войск СС, пришедших отдать последние почести этому сложному, противоречивому, но, по всем меркам, незаурядному человеку.

*Погибает лишь тот,
кто смирился с поражением!*

Глава 1

От зонтика к пикирующему бомбардировщику

1924 год. Я живу в доме моего отца-пастора в маленьком селении Зайфердау в Силезии. Мне 8 лет. Как-то раз, в воскресенье, отец с матерью отправились в соседний город Швайдниц на День авиации. Я в ярости, что мне не разрешили идти вместе с ними, и, вернувшись домой, мои родители должны снова и снова рассказывать мне, что они там видели. От них я слышу о человеке, который прыгнул с большой высоты с парашютом и благополучно опустился на землю. Это восхищает меня, и я извожу моих сестер, требуя точного описания того человека и его парашюта. Мама шьет мне небольшую модель, я привязываю к ней камень, и парашют медленно опускается на землю. Я думаю про себя, что и сам мог бы сыграть роль этого камня. В следующее воскресенье, когда меня оставляют одного на пару часов, я, не теряя времени, решаю воспользоваться своим открытием.

Наверх, на второй этаж! Я карабкаюсь на подоконник с зонтиком, открываю его, смотрю вниз и быстро прыгаю, чтобы не успеть испугаться. Я приземляюсь на мягкой цветочной клумбе и с удивлением обнаруживаю, что сильно ушибся и сломал ногу. Самым обманчивым образом, как склонны вести себя все зонтики, мой «парашют» вывернулся наружу и почти не задержал моего падения. Но я преисполнен решимости: я стану летчиком!

После короткого флирта с современными языками в местной школе, где я глотал классиков и учил греческий

и латынь в Хагене, Ниски, Гёрлице и Лаубахе (отца переводили из одного прихода в другой в прекрасной провинции Силезия), мое школьное образование закончено. Мои каникулы почти всецело посвящены спорту, в том числе и мотоциклетному. Легкая атлетика летом и катание на лыжах зимой заложили основу для крепости тела, так пригодившейся мне в дальнейшем. Мне нравилось все, поэтому я не специализировался в какой-либо одной области. Наша деревня не могла предложить обширного кружозора — мое знание спортивного снаряжения было почерпнуто лишь из журналов, так что я практиковался в прыжках с шестом, перепрыгивая через веревку для сушки белья, повешенную моей матерью. Только позднее, используя подходящий шест из бамбука, я смог взять вполне приличную высоту. Когда мне было десять лет, я отправился за сорок километров от нашего дома с лыжами, подаренными мне на Рождество, и там научился на них кататься.

Неожиданно были созданы Люфтваффе, которым требовались кандидаты в офицерский резерв. Я был «черной овечкой» и не надеялся, что мне удастся сдать вступительный экзамен. Я знал нескольких парней, значительно старше меня, которые пытались его сдать, но так и не смогли. По-видимому, будут отобраны шестьдесят человек из шестисот, и я не могу вообразить себе, каким чудом окажусь среди этих десяти процентов. Судьба тем не менее решила обратное: в августе 1936 года я уже держу в руках уведомление о том, что с декабря буду учиться в военной школе в Вильдпарк-Вердере. За школьным выпускным вечером в августе последовали два месяца работы в составе трудового фронта на строительстве плотины через Нейсе в районе Мюскау. Во время первого семестра в Вильдпарк-Вердере мы, курсанты, прошли этап базовой тренировки. Наша пехотная подготовка была завершена в шесть месяцев. Самолеты мы видели пока только с земли. Строгие правила запрещают курить и пить спиртное, ограничивают все свободное время физическими упражнениями и играми, в моде показное равнодушие

к соблазнам расположенной неподалеку столицы. Я не заработал ни одной низкой оценки по военной и физической подготовке, и поэтому мой надзирающий офицер, лейтенант Фельдман, вполне удовлетворен. Тем не менее я не пользуюсь и репутацией «тихой рыбешки».

Второй семестр мы проводим в соседнем городе Вердер, курорте на озере Хавель. Наконец-то нас учат летать. Опытные инструкторы посвящают нас в таинства авиации. Вместе с фельдфебелем Дизельхорстом мы упражняемся в полетах по кругу и в посадках. Примерно на шестнадцатый раз я способен предпринять одиночный полет, и это достижение позволяет мне стать средним учеником в своем классе. Наряду с летными уроками продолжают занятия по техническим и военным дисциплинам, одновременно мы посещаем и престижный офицерский курс. В конце второго семестра мы получаем звание пилотов. Третий семестр — снова в Вильдпарке, предметов уже поменьше. Полетам уделяется мало внимания, напротив, воздушной тактике, атакам по наземным целям, методам обороны и другим специальным предметам часов отведено гораздо больше. Тем временем меня посылают в Гибелштадт, неподалеку от Вюрцбурга, прелестного старинного города на Майне, где я прикреплен к летной части в качестве офицера-кадета. Постепенно приближается срок нашего проходного экзамена, и начинают распространяться слухи о том, в какой части и кем мы будем служить. Почти все, до последнего человека, мы хотим стать пилотами-истребителями. Но это, очевидно, невозможно. Ходят слухи, что весь наш класс будет приписан к бомбардировочной авиации. Тем, кто сдаст трудный экзамен, обещают повышение в чине до старшего офицера-кадета и службу в элитных частях.

Незадолго до окончания летной школы нас посылают с визитом в школу артиллеристов-зенитчиков на побережье Балтики. Неожиданно туда прибывает Геринг и произносит речь. В конце своей речи он призывает нас вступать добровольцами в части пикирующих бомбардировщиков. Он говорит нам, что нуждается в молодых

офицерах для только что сформированных эскадрилий пикирующих бомбардировщиков («Ju 87 Stuka»). Мне не нужно тратить много времени, чтобы принять решение. «Ты хотел бы стать пилотом-истребителем, — говорю я сам себе, — но придется стать летчиком-бомбардировщиком. Так что ты можешь тоже вызваться добровольцем на Ю-87 и покончить с этим». Во всяком случае я не представляю себя пилотом тяжелого бомбардировщика. Я раздумываю недолго, и вот уже моя фамилия включена в список кандидатов. Через несколько дней нам объявляют, в какие части предстоит отправиться. Почти все выпускники приписаны к истребительной авиации! Я горько разочарован, но ничего не могу поделать. Я — пилот «Штуки». Я вижу, как мои счастливые товарищи разъезжаются кто куда.

В июне 1938 года я прибываю в Грац, в живописной провинции Штирия, чтобы доложить о своей приписке к этой части в качестве старшего офицера-кадета. Три месяца назад немецкие войска вошли в Австрию, и население полно энтузиазма. Эскадрилья, расквартированная в селении Талерхоф, недавно получила Ю-87, и одноместные «Хенцели» больше не будут использоваться в качестве пикирующих бомбардировщиков. Основы боевой учебы — отработка пикирования под всеми возможными углами вплоть до 90 градусов, полеты в строю, стрельба из бортового оружия и бомбежка. Мы вскоре хорошо знакомимся с этой программой. Нельзя сказать, что я учусь быстро, к тому же другие летчики прошли все эти испытания еще до моего прибытия. Мне нужно слишком много времени, чтобы догнать их, слишком много, для того чтобы командир моей эскадрильи был доволен. Я схватываю все так медленно, что он перестает верить, что я когда-нибудь вообще это одолею. Мое положение не становится более легким из-за того, что я провожу свое свободное время в горах или занимаюсь спортом, а не за разговорами в офицерской столовой. Если же я там все-таки появляюсь, то довольствуюсь стаканом молока.

Тем временем я получаю звание офицера-летчика, а в Рождество 1938 года эскадрилье приказано выделить

офицера для подготовки в качестве летчика-разведчика. Все другие эскадрильи вернули незаполненные формы, ни одна из них не захотела отпускать своих людей. Однако это предложение оказалось великолепной возможностью послать любителя молока в самую глушь. Естественно, я возражал, я хотел остаться со «Штуками». Но все мои усилия вставить палку в колеса военной машины не принесли никаких результатов.

Таким образом, в январе 1939 года я в полном отчаянии начал занятия в летной школе разведчиков в Хильдесхайме. Нам читали лекции по теории и практике воздушной съемки. В конце курса прошел слух, что нас пошлют служить в части, которые должны будут совершать специальные миссии для командования военно-воздушных сил. В самолете-разведчике наблюдатель играет и роль штурмана, а все мы получили соответствующую подготовку. Вместо того чтобы пилотировать самолет, мы должны были сидеть неподвижно и доверить свою жизнь пилоту, к которому мы естественным образом относились как к дилетанту, пророчествуя, что в один прекрасный день он разобьется и мы вместе с ним. Мы изучали аэрофотосъемку, делали вертикальные и панорамные фотоснимки в районе Хильдесхайма. Остальное время было посвящено однообразной теории. В конце курса мы были назначены в свои части. Я переведен в эскадрилью дальней воздушной разведки 2F 121 в Пренцлау.

Два месяца спустя нас переводят в район Шнайдемюля. Началась война с Польшей! Я никогда не забуду свой первый полет через границу другого государства. Я сижу напряженно в своем самолете, ожидая того, что должно произойти дальше. Мы испытываем благоговейный страх перед зенитным огнем и относимся к нему с известным почтением. Польские истребители поднимаются в воздух редко и с большим опозданием. То, что было сухим предметом в классной комнате, становится сейчас волнующей реальностью. Мы фотографируем железнодорожные станции в Торунь и Кульме, чтобы установить направление движения и районы сосредото-

чения польских войск. Позднее наши полеты идут все дальше на восток к железнодорожной линии Брест-Литовск—Ковель—Луцк. Верховное командование хочет знать, как перегруппировываются на востоке поляки и что делают русские. Для полетов в южной зоне мы используем в качестве базы Бреслау.

Война в Польше вскоре окончилась, и я возвращаюсь в Пренцлау с Железным крестом 2-й степени. Здесь мой командир сразу же понимает, что у меня не лежит душа к разведывательным полетам. Но он полагает, что при нынешнем состоянии дел мое прошение о переводе в часть пикирующих бомбардировщиков не будет иметь успеха. И в самом деле: несколько моих попыток оканчиваются ничем.

Мы проводим зиму во Фрицларе, неподалеку от Касселя. Наша эскадрилья совершает полеты на запад и северо-запад, поднимаясь в воздух с приграничных аэродромов. Мы летаем на очень большой высоте, и поэтому каждая команда должна пройти специальное обследование для проверки пригодности для таких полетов. Вердикт Берлина — я не смог пройти тест на пригодность к полетам на большой высоте. Поскольку «Штуки» летают на малой высоте, эскадрилья поддерживает прошение о моем переводе в часть пикировщиков, и я обретаю надежду, что смогу воссоединиться со своей «первой любовью». Однако, когда два экипажа один за другим пропадают бесследно, меня снова посылают на обследование. На этот раз меня сочли «исключительно пригодным для полетов на больших высотах»; очевидно, в первый раз они допустили ошибку. Но хотя министерство не отдает конкретных приказов о моем назначении, я переведен под Вену, в авиационный тренировочный полк, который потом переедет в Крайльсхайм.

Во время кампании во Франции я исполняю обязанности адъютанта в полку. Все мои попытки обойти соответствующие каналы и напрямую связаться с отделом по кадрам Люфтваффе не помогают — я черпаю сведения о войне по радио и из газет. Никогда я так не падал духом, как в то время. Я чувствовал себя так, словно

был сурово наказан. Только спорт, которому я отдавал всю свою энергию и каждую свободную минуту, приносил мне некоторое облегчение. В это время я редко поднимался в воздух, да и то лишь на легком спортивном самолете. Основная моя работа заключалась в военной подготовке новобранцев. Вылетев на выходные дни в отвратительнейшую погоду на самолете «Хейнкель-70» с командиром в качестве пассажира, я чуть не разбился в Швабских Альпах. Но нам повезло, и мы благополучно вернулись в Крайльсхайм.

Мои бесчисленные письма и телефонные звонки наконец-то возымели действие — вероятно, потому, что меня сочли занудой, от которого надо избавиться. И вот я возвращаюсь в свой старый полк пикирующих бомбардировщиков, который в данный момент базируется в Кане у берегов Ла-Манша. Боевые действия здесь практически подошли к концу, и мой друг, вместе с которым я служил еще в Граце, во время тренировок передает мне свой опыт полетов в Польше и во Франции. Я усваиваю его уроки достаточно быстро, поскольку ждал этого момента целых два года. Но никто не может схватить все за пару дней, и даже теперь я учусь новому не слишком быстро. У меня нет практического опыта. Здесь, во французской атмосфере вечной погони за развлечениями, мой образ жизни, пристрастие к спорту и привычка пить молоко еще более кажутся подозрительными, чем прежде. И поэтому, когда нашу эскадрилью переводят на юго-восток Европы, меня посылают в резервную часть в Грац ожидать дальнейших распоряжений. Научусь ли я когда-нибудь своему ремеслу?

Начинается кампания на Балканах, и снова я оказываюсь не у дел. Грац временно используется в качестве базы для частей пикировщиков. Тяжело это видеть. Идет война в Югославии и Греции, а я сижу дома и практикуюсь в полетах в строю, бомбометании и ведении огня из бортового оружия. Я занимаюсь этим три недели, и в одно прекрасное утро неожиданно говорю себе: «Наконец-то прозвенел звонок, и ты можешь делать с самолетом все, что захочешь». И это правда. Мои

инструкторы изумлены. Дилль и Йоахим могут выделывать любые трюки, когда показывают наш «цирк», но моя машина всегда держит свое место в строю, справа прямо за ними, словно я прикреплен невидимым канатом, неважно, начинают ли они петлю, пикируют или летят вниз головой. Во время учебного бомбометания я почти никогда не кладу бомбу дальше десяти метров от цели. В стрельбе с воздуха я обычно выбиваю 90 очков из 100. Иными словами, я закончил обучение. В следующий раз, когда приходит запрос на пополнение для эскадрильи, находящейся на фронте, я буду одним из них.

Вскоре после пасхальных каникул, которые я провожу, катаясь на лыжах в окрестностях Пребихля, долгожданный момент настает. Поступает приказ перегнать самолет в эскадрилью «Штук», расквартированную на юге Греции. Одновременно приходит приказ о моем переводе в эту часть. Лечу через Загреб и Скопье в Агрос. Здесь я узнаю, что должен следовать дальше на юг. Эскадрилья находится в Молаи, на самой южной оконечности Пелопоннеса. Того, кто получил классическое образование, полет особенно впечатляет и пробуждает многие школьные воспоминания. Не теряя времени, докладываю командиру своей новой части о прибытии. Я глубоко взволнован: наконец-то пришел мой час, и я вскоре приму участие в серьезных военных операциях. Первым меня встречает адъютант, его и мое лица одновременно мрачнеют. Мы — старые знакомые... это мой инструктор из Кана.

«Что ты здесь делаешь?», — спрашивает он. Его тон действует на меня, как холодный душ. — «Докладываю о прибытии». — «Не будет тебе никаких боевых задач, пока не научишься как следует управлять «Штукой».

Я с трудом сдерживаю гнев, но стараюсь контролировать себя, даже когда он добавляет с ухмылкой: «Ты хотя бы чему-нибудь научился с тех пор?» Ледяное молчание — до тех пор, пока я не нарушаю нетерпимую паузу: «Я умею управлять самолетом. Почти с презрением (или мне так только показалось?) он говорит с уда-

рениями, которые окатывают меня ледяной волной: «Я передам твое дело на рассмотрение командиру, и будем надеяться на лучшее. Пусть он решает. Это все. Можешь идти и привести себя в порядок».

Выхожу из палатки в слепящее солнечное сияние и мигаю — не только потому, что оно такое яркое. Я борюсь с нарастающим внутри меня чувством отчаяния. Затем здравомыслие подсказывает мне, что у меня нет причин терять надежду. Адъютант, допустим, настроен против меня, но его мнение обо мне — это одно, а решение командира может быть совсем иным. Предположим даже, что адъютант имеет некоторое влияние на командира, но возможно ли, что решение будет принято не в мою пользу? Нет, вряд ли командир будет колебаться, потому что он даже не знает меня и, конечно же, составит свое собственное мнение. Приказ немедленно доложить о себе командиру прерывает мои размышления. Я уверен, что он сам решит, как поступить со мной. Я докладываю. Он отвечает на мое приветствие довольно апатично и подвергает меня длительному и молчаливому осмотру. Затем, растягивая слова, произносит: «Мы уже знаем друг друга»: Вероятно, заметив выражение несогласия на моем лице, он предупреждает мой молчаливый протест движением руки: «Конечно, это так, поскольку мой адъютант знает о вас все. Я знаю вас с его слов настолько хорошо, что вплоть до дальнейших распоряжений вы не будете летать с моей эскадрильей. Вот если в будущем у нас не будет хватать людей...»

Я не слышу, что он мне говорит. В первый раз на меня что-то находит, какое-то чувство в глубине живота, чувство, которое я не испытывал несколько лет, до момента, когда однажды возвращался на самолете, изрешеченном вражескими пулями, с серьезной потерей крови, которая высасывала мои силы.

Не имею ни малейшего представления о том, сколько времени говорит командир, а еще меньше — о чем. Во мне все бурлит, и я чувствую, как в моей голове молотом стучит предупреждение: «Нет, не делай этого..»

не делай...». Затем голос адъютанта возвращает меня к реальности: «Вольно!».

Я вижу его в первый раз. Вплоть до этого момента я не был уверен в его присутствии. Он смотрит на меня каменным взглядом. Теперь я полностью восстановил контроль над собой.

Несколько дней спустя начинается операция по захвату Крита. Двигатели режут над летным полем. Я сижу в своей палатке. Крит — это проба сил между «Штуками» и английским флотом. Крит — остров. Согласно всем военным аксиомам, только при превосходстве военноморских сил можно отобрать остров у англичан. Англия — морская держава. Мы — нет. Конечно же нет, потому что Гибралтар преграждает путь в Средиземноморье нашим судам. Но эта военная аксиома — господство Англии на море — сейчас поставлена под сомнение бомбами наших пикирующих бомбардировщиков. А я сижу один в своей палатке...

«Вплоть до дальнейших распоряжений вы не будете летать с моей эскадрильей!» Тысячи раз в день это решение возмущает меня — высокомерное, саркастическое, делающее меня посмешищем. Снаружи раздаются голоса членов экипажей, взволнованно рассказывающих о своем опыте и о высадках наших воздушно-десантных войск. Иногда я пытаюсь убедить одного из них позвонить мне лететь вместо него. Тщетно. Даже дружеский подкуп не достигает цели. Иногда, как мне кажется, я могу прочесть нечто вроде симпатии на лицах моих коллег, затем горло пересыхает от еще более горького гнева. Когда взлетает самолет, я хочу заткнуть уши, чтобы не слышать музыки моторов. Но не могу. Я слушаю. Не могу с собой ничего поделать! «Штуки» работают непрерывно, один вылет сменяет другой. Они делают историю где-то там, в битве за Крит, а я сижу в своей палатке и плачу от ярости.

«Мы уже знаем друг друга». Совсем наоборот! Ни в малейшей степени! Я совершенно уверен, что даже сейчас мог бы быть полезным эскадрилье. Я умею летать. У меня хватит воли выполнить задание. Предубежденность

стоит между мной и шансом получить рыцарские шпоры. Предубежденность моего начальника, который отказывается дать мне возможность убедить его в том, что его «суждение» неверное.

Я собираюсь доказать, вопреки его мнению, что со мной обошлись несправедливо. Я не позволю существовать этим предубеждениям против меня! Так с подчиненными нельзя обращаться — сейчас я это понимаю. Снова и снова пламя неповиновения бушует внутри меня. Дисциплина! Дисциплина! Дисциплина! Контролируй себя, только путем самоограничения ты сможешь чего-то достичь. Ты должен научиться понимать все, даже ошибки. Даже слепоту старших офицеров. Нет другого способа сделать себя более пригодным, чем они, к роли командира. И понять ошибки своих подчиненных. Сиди в палатке и сдерживай свой темперамент. Твое время придет. Никогда не теряй уверенности в себе!

Война против Советов

Операция на Крите подошла к концу. Мне приказано доставить поврежденный самолет в ремонтную мастерскую в Котбусе и ждать там дальнейших распоряжений. Вновь возвращаюсь в Германию через Софию и Белград.

В Котбусе я не получаю никаких известий об эскадрилье и не имею ни малейшего представления о том, что собираются со мной делать. В последние дни распространились слухи о новой кампании, основанные на том, что многочисленные наземные команды и летные соединения перемещены на восток. Большинство из тех, с кем я обсуждал эти слухи, полагают, что русские позволят нам через свою территорию двигаться на Ближний Восток. Таким образом, мы сможем дойти до месторождений нефти и подорвать военный потенциал Британии. Но все это домыслы чистой воды.

В 4 часа утра 22 июня я слышу по радио: только что началась война с Россией. Дождавшись рассвета, иду в ангар, где чинят самолеты, принадлежащие эскадрилье «Иммельман», и спрашиваю, нет ли здесь какого-нибудь уже исправного. Около полудня ремонт одного из самолетов закончен, и уже ничто не может меня удержать. Как полагают, моя эскадрилья стоит где-то на границе с Восточной Пруссией. Сначала, для того чтобы навести справки, я приземляюсь в Инстербурге. Здесь получаю информацию из штаб-квартиры Люфтваффе. Место, куда я должен направиться, называется Разки и находится к юго-востоку. Приземляюсь там через полчаса и оказываюсь среди множества самолетов, которые только что вернулись с заданий и вскоре снова собираются взлететь, после того как будут заправлены топливом и загружены бо-

ебрипасами. Все поле забито самолетами. Поиски моей эскадрильи, которая столь негостеприимно встретила меня во время кампании в Греции, занимают довольно много времени. В штабе все заняты полетами, и у них нет для меня времени.

Командир сообщает мне через адъютанта, что я должен доложить о своем прибытии в первой группе. Я докладываю о себе командиру группы, который приветствует меня и не собирается становиться в оппозицию ко мне только потому, что кто-то нарек меня «черной овечкой». Он скептически относится к тому, что говорят обо мне коллеги в эскадрилье, и у меня изначально есть преимущество, поскольку он не расположен ко мне отрицательно. Я должен передать им самолет, на котором прилетел из Котбуса, но мне разрешают участвовать в следующем вылете на какой-то совсем допотопной машине. В голове у меня только одна мысль: «Я намерен показать всем вам, что знаю свою работу, а ваша убежденность против меня — несправедлива». Я летаю ведомым с командиром группы, который поручает мне следить за соблюдением технических требований. С помощью старшего механика я должен обеспечивать наибольшее число самолетов, участвующих в каждом вылете, а также поддерживать связь с инженером группы.

Во время полетов я, как репей, цепляюсь к хвосту моего ведущего, так что он начинает нервничать: не протараню ли я его сзади? Успокаивается, пока не убеждается, что я уверенно контролирую свою машину. К вечеру первого дня я уже совершил четыре вылета к линии фронта между Гродно и Волковыском. Русские пригнали сюда огромную массу танков и грузовых автомашин. Мы видим в основном танки КВ-1, КВ-2 и Т-34. Бомбим танки, зенитную артиллерию и склады боеприпасов, предназначенных для снабжения танков и пехоты. То же самое и на следующий день: первый вылет — в 3 утра, последняя посадка — в 10 часов вечера. О полноценном ночном отдыхе приходится забыть. Каждую свободную минуту мы ложимся под самолет и моментально засыпаем. Затем, если кто-то зовет, вскакиваем на ноги, даже не понимая, откуда раздался голос. Двигаемся, словно во сне.

Во время первого вылета замечаю множество укреплений, сооруженных вдоль границы. Они тянутся на сотни километров. Частично они еще не достроены. Мы летим над незаконченными аэродромами: там — только что построенная бетонная взлетная полоса, а здесь — уже стоят самолеты. Например, вдоль дороги на Витебск, по которой наступают наши войска, находится один из таких почти законченных аэродромов с множеством бомбардировщиков «Мартин». Им не хватает либо горючего, либо экипажей. Пролетая над этими аэродромами и укреплениями, каждый понимает: «Мы ударили вовремя... Похоже, Советы делали эти приготовления, чтобы создать базу против нашего вторжения. Кого еще на Западе хотела бы атаковать Россия? Если бы русские завершили свою подготовку, не было бы почти никакой надежды их остановить».

Наша задача: атаковать противника перед ударными клиньями наших армий.

Некоторое время мы стоим в Улле, Лепеле и Яновичах. Наши цели всегда одни и те же: танки, машины, мосты, полевые укрепления и зенитные батареи. Иногда в списке целей появляются железнодорожные станции или бронепоезда, которые Советы пытаются использовать для поддержки артиллерией своих войск. Сопrotивление перед нашими клиньями должно быть сломлено, чтобы увеличить скорость и силу нашего наступления. Оборона на различных участках разная. Наземная оборона значительна — от огня из стрелкового оружия до залпов из зенитных орудий, уже не говоря о пулеметном огне с воздуха. У русских только один истребитель — И-16 «Рата», сильно уступающий нашему Ме-109. Где бы ни появились эти «крысы», их сбивают, как мух. Они не стали серьезным противником для наших «Мессершмиттов», но они маневренны и, конечно же, гораздо быстрее наших «Штук». Поэтому мы не можем полностью их игнорировать. Советские военно-воздушные силы — и истребительные, и бомбардировочные части — безжалостно уничтожаются как в воздухе, так и на земле. Их огневая мощь слаба, их машины, такие, как бомбардировщики «Мартин» и ДБ-3, устарели. Почти не видно самолетов нового

типа Пе-2. Только позже американские поставки двухмоторных бомбардировщиков «Бостон» становятся заметными. По ночам на нас часто совершают налеты маленькие самолеты, цель которых — не дать нам выспаться и нарушить снабжение. Больших успехов они обычно не добиваются. Впервые это случается в Лепеле. Некоторые из моих коллег, ночевавших в палатке, разбитой в лесу, стали их жертвами. Где только эти «воздушные змеи», как мы называем эти маленькие, опутанные тросами бипланы, заметят горящий свет, они тут же бросают небольшие осколочные бомбы. И делают это повсюду, даже на линии фронта. Часто они выключают свои двигатели, чтобы затруднить свое обнаружение, и планируют. Все, что мы слышим, — это свист ветра в их растяжках. Маленькие бомбы сбрасываются в полной тишине, затем двигатели самолетов начинают работать снова. Это не столько обычный метод ведения войны, сколько попытка расшатать нам нервы.

Группа получает нового командира — обер-офицера Штеена, прибывшего из той же части, где я получал первые уроки полетов на «Юнкерсах». Он привыкает к тому, что я следую за ним, как тень, и держусь лишь в нескольких метрах от него во время пикирования на цель. Его меткость изумительна, но если он промахивается, я накрываю цель наверняка. Другие самолеты могут сбросить свои бомбы на зенитные орудия и другие цели. Он восхищен, а когда эскадра немедленно сообщает ему обо всех «барашках-любимчиках», к числу которых причислен и я, ничего не отвечает. Не раз его спрашивают: «Ну как там Рудель, в порядке?» Если он отвечает: «Это лучший пилот из тех, с кем мне доводилось летать», вопросов больше не возникает. Он признает мои способности, но, с другой стороны, и предупреждает, что я протяну недолго, потому что «сумасшедший». Термин отчасти используется в шутку, как оценка одного летчика другим. Он знает, что я обычно пикирую почти до самой земли, чтобы убедиться, что цель поражена точно и бомбы не потрачены зря.

«Это когда-нибудь приведет тебя к беде», — вот его мнение. В общем и целом он, может быть, и прав, но пока

мне везет. Но опыт приходит с каждым новым вылетом. Я в большом долгу перед Штееном и считаю себя счастливым, что летаю с ним.

Тем не менее в течение этих нескольких недель все выглядит так, как будто его предсказания вот-вот сбываются. Во время атак на низкой высоте дороги, по которой пытаются наступать русские, один из наших самолетов получает повреждения и совершает вынужденную посадку. Самолет наших товарищей садится на маленькой просеке, окруженной кустарником и русскими.

Команда ищет укрытие под самолетом. На песке я вижу фонтанчики от пуль, выпущенных из русских пулеметов. Если наших пилотов не подобрать, они погибнут. Но красные уже рядом. Черт возьми! Я должен их подобрать! Я выпускаю закрылки и планирую к земле. Уже могу разглядеть светло-зеленую форму «иванов» среди кустов. Бум! Пулеметная очередь — попадание в двигатель. Нет никакого смысла садиться на поврежденном самолете: если я даже и смогу сесть, то мы потом не взлетим. С моими товарищами все кончено. Я их вижу в последний раз, они машут нам вслед руками. Двигатель сначала работает с большими переборами, но затем его работа как-то налаживается, что дает мне возможность подняться над подлеском в другом конце просеки. Масло хлещет на лобовое стекло кабины, и я ожидаю, что один из поршней в любой момент остановится. Если это произойдет, мой двигатель заглохнет навсегда. Красные прямо подо мной, они бросаются на землю, некоторые из них открывают огонь. Самолеты поднимаются на высоту около 300 метров и выходят из шквала огня из стрелкового оружия. Мой двигатель работает ровно, пока я не достигаю линии фронта, затем он останавливается, и я приземляюсь. Меня доставляют назад, на базу, на грузовике.

Сюда только что прибыл офицер-кадет Бауэр. Я знаю его еще с того времени, когда он учился летать в Граце. Позднее он отличился в боях и один из немногих сумел пережить эту кампанию. Но день, когда он присоединился к нам, трудно назвать счастливым. Повреждено правое крыло моего самолета, потому что во время рулежки меня

окутала густая туча пыли и в результате я столкнулся с другим самолетом. Это означает, что нужно заменить крыло, но запасного на аэродроме нет. Мне говорят, что один поврежденный самолет все еще стоит на нашей старой взлетной полосе в Улле, его правое крыло в целости и сохранности. Штеен разгневан: «Полетишь, когда твой самолет будет в исправности, и не раньше!» Быть прикованным к земле — суровое наказание. Так или иначе последний на сегодняшний день вылет уже закончен, и я лечу назад в Уллу. Здесь оставлены два механика из другой эскадрильи, они помогают мне. Ночью мы с помощью нескольких пехотинцев ставим на мой самолет новое крыло. В три часа ночи заканчиваем работу и несколько минут отдыхаем. Я рапортую о своем прибытии на исправном самолете как раз вовремя, для того чтобы участвовать в первом вылете в четыре тридцать. Мой командир усмехается и качает головой.

Через несколько дней я переведен в 3-ю эскадрилью в качестве офицера-инженера и должен распрощаться с 1-й эскадрильей. Штеен не может препятствовать моему переводу. Я только что прибываю, когда командир эскадрильи покидает часть, а на его место назначен новый. Кто он? Ober-офицер Штеен!

«Твой перевод и наполовину не был таким уж плохим делом, как видишь сейчас сам. Да, никогда не следует пенять на судьбу!» — говорит Штеен, когда мы с ним снова встречаемся. Он присоединяется к нам в палатке в Яновичах, где находится офицерская столовая, и здесь начинается просто суматоха. Один местный старик пытается наполнить свою зажигалку из большой железной канистры с бензином как раз в тот момент, когда он щелкает ею, чтобы убедиться, что она работает. Раздается страшный грохот, канистра взрывается у него перед носом. Досадная потеря хорошего бензина: многие старушки были бы рады выменять его на несколько яиц. Конечно, это запрещено, потому что бензин предназначен совсем для других целей. Это не спиртное, которое делают местные жители. Впрочем, все это — дело привычки. Алтарь деревенской церкви превращен в кинозал, неф — в конюшню. «У каж-

дого народа — свои обычаи», — говорит Штеен, посмеиваясь.

Шоссе Смоленск—Москва — цель многих вылетов, оно запержено огромным количеством военной техники и имущества. Грузовики и танки стоят друг за другом почти без интервалов, часто тремя параллельными колоннами. «Если бы все это двинулось на нас...» Я не могу помногу думать, атакуя эту неподвижную цель. Теперь же всего за несколько дней все это превратится в море обломков.

Наша армия идет вперед, и ничто не может ее остановить. Вскоре мы перебазировемся в Духовщину, неподалеку от железнодорожной станции Ярцево, за которую потом начнутся тяжелые бои.

В один из следующих дней «Рата» пикирует прямо в наш строй и таранит Бауэра. «Рата» падает на землю, а Бауэр возвращается домой на серьезно поврежденной машине. В тот вечер московское радио восхваляет советского пилота, который «протаранил и сбил проклятого фашистского пикировщика». Радио всегда право, а мы с детства любим слушать сказки.

Глава 3

Полет в плохую погоду

В Резекне (Режице) летом очень жарко. Как только служба заканчивается, мы ложимся на наши походные койки в прохладе палаток. Наш командир живет в одной палатке с нами. Нам не доводится подолгу говорить, но у нас есть чувство взаимопонимания. Мы, должно быть, схожи с ним характерами. Вечером, после разбора полетов, он идет прогуляться в лес или по полю, а я, если не сопровождаю его, поднимаю тяжести, метаю диск и совершаю пробежку вокруг аэродрома. Так мы отдыхаем после тяжелого дня, просыпаемся свежими и отдохнувшими на следующее утро. Потом усаживаемся в нашей палатке. Он не любитель выпить и не имеет ничего против того, что и я не пью. Почитав немного книгу, он смотрит на кого-нибудь и замечает: «Ну что, Вейнике, ты, должно быть, сегодня совсем утомился?», а перед тем, как это начнут отрицать, говорит: «Ну хорошо. Значит, пора спать». Мы всегда ложимся спать пораньше, и меня это устраивает. «Живи и давай жить другим» — вот его девиз. Прошлый опыт Штеена — такой же, как у меня. Он использует его и хочет стать лучшим командиром, чем те офицеры, под командованием которых он служил сам. Во время полетов он оказывает на нас странное влияние. Не любит плотного огня зениток, как и другие, но ни одна ПВО не способна заставить его сбросить бомбы с большой высоты. Он отличный товарищ, исключительно хороший офицер и первоклассный летчик. Комбинация этих достоинств делает его поистине редкой птицей. Бортовым стрелком у Штеена — самый старый солдат в нашей эскадрилье, унтер-офицер Леман. У меня — самый молодой, ефрей-

тор Альфред Шарновски. Альфред — тринадцатый по счету ребенок в простой восточнопрусской семье. Он редко открывает рот, и, возможно, по этой причине его ничто не может вывести из равновесия. С ним я никогда не беспокоюсь о вражеских истребителях, поскольку никакой «иван» наверняка не мрачнее моего Альфреда.

Здесь, в Резекне, иногда случаются настоящие бури. На огромных пространствах России царит континентальный климат, и за благословенную прохладную погоду приходится платить штормами. В разгар дня внезапно все вокруг темнеет, облака ползут почти по земле. Дождь льет, как из ведра. Видимость сокращается до нескольких метров. Как правило, встретив бурю в воздухе, мы стремимся ее обогнуть. Тем не менее рано или поздно мне неизбежно придется столкнуться с непогодой поближе.

Мы оказываем поддержку нашей армии в лужском секторе фронта. Время от времени нас посылают также на задания в далеком тылу противника. Цель одной из таких миссий — железнодорожная станция Чудово, важный транспортный узел на линии Москва—Ленинград. Из опыта прошлых миссий мы знаем, что там сильная противовоздушная оборона. Огонь зениток очень плотный, но, пока не прибыли свежие истребительные соединения противника, мы не предвидим здесь особых сюрпризов.

Перед нашим взлетом наш аэродром атаковала группа русских штурмовиков, которых мы прозвали «Железными Густавами». Мы бросаемся в укрытие, вырытое за самолетами. Лейтенант Шталь прыгает вниз последним и приземляется прямо мне на спину. Это неприятней, чем даже налет «Железных Густавов». Наши зенитки открывают по ним огонь, «Густавы» сбрасывают бомбы и уходят, прижимаясь к земле. Затем мы взлетаем. Курс — северо-восток, высота — 3000 метров. На небе ни облачка. Я лечу ведомым у командира. Во время полета догоняю его и заглядываю в кабину. Спустя некоторое время впереди начинают искриться темно-си-

ние воды озера Ильмень. Сколько раз мы летали по этому маршруту на Новгород, расположенный у северного берега озера, или на Старую Руссу, на южной стороне. Когда мы приближаемся к цели, на горизонте встает черная грозовая стена. Перед целью она или за ней? Я вижу, как Штеен изучает свою карту, и сейчас мы летим сквозь густое облако грозового фронта.

Я не могу найти цель. Она где-то внизу, под грозовыми облаками. Если судить по часам, мы сейчас очень близко от нее. В этом монотонном ландшафте лоскутные облака затрудняют ориентировку на глаз. Несколько секунд мы летим в темноте, затем снова свет. Я приближаюсь к Штеену на расстояние в несколько метров, чтобы не потерять его в облаках. Если я потеряю его, мы можем столкнуться. Но почему Штеен не поворачивает обратно? Мы, конечно же, не сможем атаковать в такую бурю. Самолеты, летящие за нами, тоже начинают перестраиваться — наверное, им пришла в голову та же мысль, что и мне. Возможно, командир пытается найти вражескую линию фронта с намерением атаковать там несколько целей. Он спускается ниже, но везде облака. Штеен отрывает взгляд от своей карты и неожиданно резко накреняет машину. Скорее всего, он принял, наконец, в расчет плохую погоду, но не обратил внимания на близость моей машины. Моя реакция молниеносна: я резко бросаю самолет в сторону и ухожу в глубокий вираж. Самолет накренился на такой угол, что уже летит почти вверх колесами. Он несет 700 килограммов бомб, и сейчас их вес тянет нас вниз с непреодолимой силой. Я исчезаю в чернильном облачном слое.

Вокруг меня абсолютная чернота. Я слышу свист и удары ветра. Дождь просачивается в кабину. Время от времени вспыхивает молния и освещает все вокруг. Яростные порывы ветра сотрясают кабину, корпус самолета дрожит и трясется. Земли не видно, нет горизонта, по которому я мог бы выровнять самолет. Стрелка индикатора вертикальной скорости перестала колебаться. Воздушный пузырек, который указывает положение самолета относительно поверхности земли, прижат к краю

шкалы. Но с каждой секундой скорость самолета растет. Я должен сделать что-либо, чтобы привести приборы в нормальное положение, и как можно быстрее, поскольку, судя по альтиметру, мы продолжаем нестись вниз.

Индикатор скорости вскоре показывает 600 километров в час. Ясно: я пикирую почти вертикально. Вижу в подсвеченном альтиметре цифры 2300, 2200, 2000, 1800, 1700, 1600, 1300 метров. При такой скорости до катастрофы всего несколько секунд. Я весь мокрый. От дождя или от пота? 1300, 1100, 800, 600, 500 метров на альтиметре. Постепенно мне удается заставить другие приборы функционировать нормально, но по-прежнему ощущаю тревожащее меня «сопротивление» ручки управления.

Я продолжаю пикировать. Индикатор вертикальной скорости продолжает показывать максимум. Все это время я полностью во тьме. Призрачные мерцающие вспышки пронзают темень, делая полет по приборам еще более трудным. Я обеими руками тяну на себя ручку управления — хочу привести самолет в горизонтальное положение. Высота 500, 400 метров! Кровь приливает к голове, я судорожно вдыхаю в себя воздух. Что-то внутри меня говорит, что пора прекратить борьбу с разбушевавшейся стихией. Зачем продолжать? Все мои усилия бесполезны. Только сейчас до меня доходит, что альтиметр остановился на 200 метрах, но стрелка слегка колеблется. Это означает, что катастрофа может последовать в любой момент. Нет, полет продолжается! Внезапно раздается тяжелый удар. Уж теперь я точно покойник. Мертв? Но если бы это было так, я не мог бы размышлять. Кроме того, слышен рев двигателя. Вокруг такая же темень, как и раньше. А невозмутимый Шарновски говорит спокойно: «Похоже, мы с чем-то столкнулись».

Я ничего не говорю на это. Но знаю одно: я все еще в воздухе. И это знание помогает мне сосредоточиться. Конечно, даже при полной тяге я не могу лететь быстрее, но приборы показывают, что я начинаю идти вверх, а этого уже достаточно. Компас показывает строго на

запад — совсем неплохо. Нужно надеяться, что эта штука еще работает. Не отрываю глаз от приборов, вроде как гипнотизирую их силой воли. Наше спасение зависит от них. Я должен тянуть ручку изо всех сил, иначе шарик опять соскользнет в угол. Управляю самолетом осторожно, словно это живое существо. Я упрощаю его вслух и вспоминаю вдруг о Верной Руке и его лошади.

Шарновски прерывает мои мысли: «У нас две дыры в крыльях, и из них торчит пара березок. Мы потеряли также кусок элерона и закрылок».

Я оглядываюсь назад и понимаю, что вышел из нижнего облачного слоя и сейчас лечу уже над ним. Снова дневной свет! Вижу, что Шарновски прав: две большие дыры в каждом из крыльев доходят до главного лонжерона и в них торчат куски березовых веток. Я начинаю понимать: дырки в крыльях объясняют потерю скорости, отсюда и трудности с управлением машиной. Как долго доблестный Ю-87 сможет это выдержать? Догадываюсь, что нахожусь, вероятно, в 50 километрах от линии фронта. Теперь и только теперь вспоминаю о моем грузе бомб. Я сбрасываю их, и лететь становится легче. Во время каждой вылазки мы встречаемся с истребителями противника. Сегодня одному из них даже не понадобится стрелять в меня, чтобы сбить, — ему достаточно просто посмотреть недружелюбно в мою сторону. К счастью, я не вижу ни одного истребителя. Наконец, я пересекаю линию фронта и медленно приближаюсь к нашему аэродрому.

Я прикажу Шарновски немедленно прыгать с парашютом. Отдам этот приказ на тот случай, если не смогу больше управлять самолетом. Воссоздаю в памяти недавнее чудо, которое продлило мне жизнь: разразилась гроза; пока я приводил приборы в рабочее положение и выравнивал машину, самолет оказался очень близко к земле. На такой скорости я, должно быть, пролетел между двумя березами и именно там подцепил эти ветки. Невиданная удача — дыры находятся посредине крыльев и березы не задели пропеллер, иначе

полет закончился бы в несколько секунд. Сохранить стабильность полета после такого потрясения и доставить меня домой благополучно не смог бы ни один самолет, за исключением Ю-87.

Обратный полет занимает гораздо больше времени, но, наконец, прямо перед собой я вижу Сольцы. Напряжение спадает, и я снова распрямляю плечи. Над Сольцами патрулируют несколько наших истребителей, до аэродрома остается уже совсем немного.

«Шарновски, тебе нужно будет выброситься с парашютом над летным полем». Не имею понятия, на что моя машина похожа с земли и как дыры в крыльях повлияют на ее аэродинамику при посадке. Сейчас следует по возможности избежать лишних жертв. «Я не буду прыгать. У вас все получится», — отвечает он своим обычным голосом. Что на это можно ответить?

Аэродром прямо под нами. Я гляжу на него новыми глазами. И вид у него какой-то домашний. Здесь мой самолет мог бы отдохнуть. Здесь мои товарищи, знакомые лица. Где-то там, внизу, висит мой китель. В кармане последнее письмо, полученное из дома. Что в нем написала мама? Нужно было читать внимательнее!

Эскадрилья, похоже, на построении. Может быть, получают задание на следующий вылет? В таком случае мы должны поторопиться. Вот все устались на наш самолет и разбегаются, чтобы освободить мне полосу. Я готовлюсь сесть и снижаю скорость, насколько это возможно. Наконец-то приземление! Мой самолет еще долго несется по земле. Кто-то бежит рядом с нами последнюю сотню метров. Я вылезая из самолета, за мной спускается Шарновски с бесстрастным видом. Вот уже коллеги окружили нас и хлопают по спинам. Я торопливо прокладываю себе путь сквозь толпу встречающих и рапортую командиру: «Пилот Рудель вернулся с задания. Особый инцидент — контакт с землей в районе цели. Самолет временно к полетам непригоден».

Штеен пожимает нам руки, на его лице — улыбка. Затем он идет в штабную палатку. Конечно же, мы должны повторить свою историю всем остальным. Они рас-

сказывают, как уже построились, для того чтобы услышать краткую поминальную речь командира. «Пилот Рудель и его экипаж пытались выполнить невозможное. Они атаковали цель, спикировав на нее через грозу, и смерть настигла их». Он опять наполнил воздухом легкие, чтобы начать новую фразу, но тут наш поврежденный Ю-87 появился над аэродромом. Штеен побледнел от волнения и поспешил распустить строй. Даже сейчас, в палатке, он отказывается верить, что я не просто спикировал в бурю, а был поглощен чернотой, потому что летел слишком близко к его самолету, когда он начал делать разворот.

«Уверяю вас, я сделал это не нарочно». — «Ерунда! Именно этого от вас и можно было ожидать. Вы намеренно остались, чтобы атаковать станцию». — «Вы меня переоцениваете». — «Будущее покажет, что я прав. Мы сейчас опять вылетаем».

Часом позже я лечу рядом с ним в другом самолете на бомбежку целей в лужском секторе. Вечером снимаю внутреннее напряжение и физическую усталость в игре. Потом делаю нечто чрезвычайно важное: сплю, как убитый.

На следующее утро наша цель — Новгород, где большой мост через Волхов рухнул под нашими бомбами. Пока не поздно, Советы пытаются перевезти как можно больше людей и имущества через Волхов и Ловать, которая впадает в озеро Ильмень с юга. Поэтому мы должны продолжать атаки на мосты. Их уничтожение откладывает переправу, но ненадолго, мы понимаем это очень быстро. Рядом быстро наводят понтонные мосты: Советы упорно ликвидируют ущерб, который мы им нанесли.

Эти постоянные полеты приносят с собой симптомы усталости, иногда с обескураживающими последствиями. Командир очень быстро ее замечает. Во избежание ошибок оперативные приказы из полка, которые передаются по телефону в полночь или даже позже, должны прослушиваться и записываться Штееном и мною одновременно. В некоторых случаях утром возникает недопонимание, за которое, как каждый из нас убеж-

ден, другие бранят именно его. Причина этого — только общее истощение сил.

Командир и я должны совместно прослушивать полуденные инструкции из штаба авиаполка. Однажды в штабной палатке звонит телефон. На проводе командир полка: «Штеен, встречаемся с истребителями эскорта в 5 утра над Батайским», Точное место очень важно. Мы ищем его на карте с помощью карманного фонарика, но не находим никакого Батайского. Без подсказки не можем догадаться, где это место находится. Наше отчаяние так же велико, как и Россия. Наконец, Штеен говорит: «Прошу прощения, господин полковник. Я не могу найти это место на карте». Тотчас же сердитый голос командира полка пронзительно лает с берлинским акцентом: «Что?! Называете себя командиром эскадрильи, а не знаете, где находится какое-то Батайское!» «Господин полковник, пожалуйста, дайте мне координаты», — говорит Штеен. Продолжительное молчание, которое тянется до бесконечности. Затем неожиданно: «Будь я проклят, если и сам знаю, где это место. Но я вам даю Пекруна. Он знает, где оно».

Его адъютант спокойно объясняет точное положение крохотной деревушки на болоте. Своеобразный парень наш полковник. Когда сердит или хочет быть особенно дружелюбным, он говорит, как типичный берлинец. Там, где речь идет о дисциплине и системе, наш полк многим ему обязан.

Битва за Ленинград

Эпицентр борьбы все больше смещается на север. 30 сентября 1941 года нас посылают в Тырково, к югу от Луги, в северный сектор Восточного фронта. Мы летаем каждый день над районом Ленинграда, где армия начала наступление с запада и с юга. Географическое положение этого города между Финским заливом и Ладожским озером дает защитникам большие преимущества, поскольку возможных направлений для атаки очень мало. Некоторое время наступление идет медленно. Возникает впечатление, что мы просто топчемся на месте.

16 сентября Штеен вызывает нас на совещание. Он объясняет военную ситуацию и рассказывает нам, что одной из трудностей, сдерживающей дальнейшее наступление наших армий, является присутствие русского флота, который курсирует вдоль побережья на определенном расстоянии от берега и вмешивается в ход сражений своими мощными морскими орудиями. Русский флот базируется в Кронштадте, на острове с тем же названием в Финском заливе. Это самая крупная военно-морская база СССР. Приблизительно в 20 километрах к востоку от Кронштадта находится Ленинград, южнее — порты Ораниенбаум и Петергоф. Вокруг этих двух городов, на полосе побережья длиной в 10 километров, скопились очень крупные силы противника. Нам приказано очень точно отметить позиции наших войск на картах, чтобы знать наверняка, где находится наш передний край. Когда Штеен дает другой поворот беседе, мы начинаем понимать, что именно концентрации войск русских будут нашими целями. Он

возвращается к русскому флоту и объясняет, что наибольшую озабоченность вызывают два линейных корабля — «Марат» и «Октябрьская революция». Оба они имеют водоизмещение по 23 000 тонн. Кроме того, есть четыре или пять крейсеров, а также несколько эсминцев. Корабли постоянно меняют свои позиции в соответствии с тем, какие секторы на материке требуют поддержки их опустошительным и точным огнем.

Тем не менее линкоры, как правило, ходят взад-вперед лишь в глубоководном канале между Кронштадтом и Ленинградом. Наша эскадрилья только что получила приказ атаковать русский флот в Финском заливе. Для этой операции нельзя использовать обычные бомбардировщики и обычные авиабомбы, особенно в условиях сильного зенитного огня. Штеен говорит нам, что ожидается прибытие 1000-килограммовых бомб, оснащенных специальными детонаторами. Бомбы с обычными детонаторами взорвутся без всякого эффекта на бронированной верхней палубе, и, хотя взрыв, несомненно, повредит надстройки, судно останется на плаву. Мы не можем ожидать, что прикончим двух этих левиафанов, если только не используем бомбы замедленного действия, которые пробьют палубу без детонации и взорвутся глубоко внизу в корпусе судна.

Несколько дней спустя в ненастную погоду мы получаем вдруг приказ атаковать линкор «Марат», ведущий огонь по нашим позициям; он только что был обнаружен самолетом-разведчиком. Погода испортилась до самого Красногвардейска, что в 30 километрах к югу от Ленинграда. Плотность облачного покрова над Финским заливом составляет семь десятых. Нижняя кромка находится на высоте 800 метров. Это будет означать полет почти через двухкилометровый слой облаков. Весь полк поднимается в воздух и берет курс на север. Сегодня у нас насчитывается 30 самолетов, согласно штатному расписанию мы должны иметь 80 машин, но цифры не всегда являются решающим фактором. К сожалению, 1000-килограммовые бомбы еще не прибыли. Поскольку наши одномоторные «Штуки» не могут летать вслепую, веду-

щий должен полагаться на показания всего двух приборов: индикатора крена и датчика вертикальной скорости. Остальные держат строй, прижимаясь друг к другу так, чтобы можно было видеть крыло соседа. Если летишь в густых темных облаках, нельзя держать интервал между концами крыльев более 3—4 метров. Тут всегда рискуешь потерять соседа навсегда и протаранить идущий следом самолет. Эта мысль всегда вызывает ужас. При такой погоде безопасность всего полка в высочайшей степени зависит от того, как летит ведущий про приборам.

Спустившись на высоту около 2 километров мы оказываемся в густом облачном покрове, отдельные машины немного отклонились от строя. Вот они снова подошли ближе. Земли по-прежнему не видно. Если судить по часам, мы очень скоро будем над Финским заливом. Облачный покров становится чуть тоньше. Под нами сверкает синева — это вода. Должно быть, мы приближаемся к нашей цели. Но где же она находится? Невозможно определить, потому что разрывы в облаках едва заметны. Облачный покров никак не может быть в 7/10, только изредка это густое мессиво растворяется и открывает отдельные просветы.

Неожиданно через один из таких просветов я что-то вижу и сразу связываюсь со Штееном по радио. «Кениг 2 — Кенигу 1... отвечайте». Он тут же откликается: «Кениг 1 — Кенигу 2, прием». — «Вижу большое судно прямо под нами... кажется, Марат».

Мы продолжаем переговариваться. Штеен снижается и устремляется в разрыв между облаками. Не договорив до конца, я тоже начинаю пикирование. За мной следует Клаус на другом штабном самолете. Сейчас я могу видеть корабль. Конечно же, это «Марат». Усилим воли подавляю волнение. На оценку ситуации и принятие решения у меня есть лишь несколько секунд. Именно мы должны нанести удар, поскольку крайне маловероятно, что все самолеты пройдут через окно. И разрыв в облаках, и судно движутся. Пока мы находимся в облаках, зенитки можно наводить только на слух.

Они не смогут точно прицелиться в нас. Что ж, очень хорошо: пикируем, сбрасываем бомбы и снова прячемся в облаках! Бомбы Штеена уже в пути... промах. Я нажимаю кнопку бомбосбрасывателя... Мои бомбы взрываются на палубе. Как жаль, что они весят всего 500 килограммов! В тот же момент вижу — начинается огонь из зениток. Я не могу себе позволить наблюдать за этим долго, зенитки лают яростно. Вон там другие самолеты пикируют через разрыв в облаках. Советские зенитчики понимают, откуда появляются эти «проклятые пикировщики», и концентрируют огонь в этой точке. Мы используем облачный покров и, поднявшись выше, скрываемся в нем. Тем не менее мы уже не можем покинуть этот район без каких-либо последствий для себя.

Как только мы прилетаем домой, начинается игра в угадайку: какой ущерб нанесен судну тем прямым попаданием? Военно-морские специалисты утверждают, что с бомбой такого калибра полного успеха достигнуть невозможно. С другой стороны, некоторые оптимисты полагают, что это вполне реально. И словно для того, чтобы подтвердить их мнение, в ходе нескольких последующих дней наши разведывательные самолеты, несмотря на самые тщательные поиски, не могут обнаружить «Марат». В следующей операции после попадания моей бомбы крейсер тонет в считанные минуты.

После первой вылазки нам уже не везет с погодой. Вечное ярко-голубое небо и убийственный заградительный огонь. Ни на каком другом театре военных действий я не видел ничего похожего. По оценкам нашей разведки, сотни зенитных пушек сконцентрированы на территории в 10 квадратных километров в районе цели. Разрывы снарядов образуют целые облака. Мы слышим не отдельные разрывы, а беспрестанно бушующие звуки вроде грома аплодисментов в судный день. Зоны плотного огня начинаются сразу же, как только мы пересекаем прибрежную полосу, которая все еще находится в руках русских. Затем идут Ораниенбаум и Петергоф, их гавани хорошо защищены. На открытой воде полно понтонов, барж, лодок и мелких судов, все

они напичканы зенитными средствами. Для размещения своих зениток русские используют все пригодные для этого места. Например, для защиты от наших подводных лодок устье ленинградской гавани закрыто гигантскими стальными сетями, концы которых закреплены на бетонных блоках, возвышающихся над поверхностью воды. Зенитные пушки стреляют в нас даже с этих блоков.

Еще через десять километров мы видим остров Кронштадт с его огромной военно-морской гаванью и город того же названия. И гавань, и город хорошо укреплены. Помимо того, на якорях в гавани и рядом с ней стоит весь русский Балтийский флот. И он тоже ведет по нам огонь. Мы летим на высоте 3—4 километра, очень низко. К тому же мы хотим и во что-то попасть. Пикируя на суда, используем тормозные решетки, чтобы гасить скорость. Это дает нам больше времени на обнаружение цели и корректировку прицеливания. Чем тщательнее мы целимся, тем лучше результаты атаки, а все зависит от них. Но, уменьшая скорость пикирования, мы упрощаем задачу зениткам, особенно когда не можем подняться достаточно быстро после атаки. Однако в отличие от других самолетов, идущих позади, мы обычно не пытаемся набрать высоту после пикирования — используем другую тактику и выходим из пикирования на низкой высоте, у самой воды. Затем нам приходится совершать разные маневры по уклонению от огня над занятой противником прибрежной полосой. Только после того как оставишь ее за собой, можно снова вздохнуть свободно.

Мы возвращаемся на наш аэродром в Тырково в состоянии транса и заполняем наши легкие воздухом так, словно только что обрели право дышать. Эти дни очень напряженные. Во время наших прогулок Штеен и я в основном молчим, каждый из нас пытается догадаться, о чем думает другой. Наша задача — уничтожить русский флот, а мы не расположены обсуждать те или иные трудности. Споры были бы пустой тратой сил. Мы повинемся приказам. Мы возвращаемся в палатку,

внутренне расслабленные и готовые утром вновь идти в этот ад.

Во время одной из таких прогулок со Штееном я нарушаю обычное молчание и спрашиваю его с некоторым колебанием: «Как вам удается быть таким хладнокровным и собранным?». Он останавливается на мгновение, смотрит на меня искоса и говорит: «Дорогой мой, не воображай себе, даже на секунду, что я всегда был таким. Я обязан этим безразличием тяжелым годам горького опыта. Знаешь, плохо, если, находясь на службе, ты не видишься со своими начальниками... если они не оставляют разногласия для офицерских столовых и не могут забыть их в служебной обстановке, — это может стать сущим адом. Но самая закаленная сталь получается только в самом горячем огне. И если ты проходишь свой путь сам, не теряя при этом связь с друзьями, ты становишься сильнее». Длинная пауза. Я знаю теперь, почему он так хорошо меня понимает. Хотя и уверен, что мои замечания не будут слишком «уставными», я говорю ему: «Когда я был кадетом, то пообещал себе если мне когда-нибудь доверят командовать, я никогда не буду поступать так, как некоторые из моих начальников». Штеен, помолчав немного, добавляет: «Есть и другие вещи, которые делают мужчиной. Мало кто из наших товарищей понимает это и способен понять мои серьезные взгляды на жизнь. Однажды я был помолвлен с девушкой, которую любил. Она умерла в тот день, когда мы должны были пожениться. Когда такое происходит с тобой, забыть это непросто».

Я молча возвращаюсь в палатку. Потом долго думаю о Штеене. Сейчас я понимаю его лучше, чем прежде. Понимаю, как много значат на фронте такое взаимопонимание между людьми и тихие разговоры, придающие силы. Разговоры — не для солдата. Он выражает себя иначе, нежели гражданский человек. И поскольку война лишает человека претенциозности, вещи, которые говорит солдат, даже если они принимают форму клятвы или примитивной сентиментальности, всецело искренние и подлинные, поэтому и лучше любой риторики штатских.

21 сентября на наш аэродром прибывают 1000-килограммовые бомбы. На следующее утро разведка сообщает, что «Марат» стоит у причала кронштадтской гавани. Очевидно, они устраняют повреждения, полученные во время нашей атаки 16-го числа. Вот оно! Пришел день, когда я докажу свою способность летать! От разведчиков получаю всю необходимую информацию о ветре и всем прочем. Затем становлюсь глухим ко всему, что меня окружает. Если я долечу до цели, то не промахнусь! Я должен попасть! Мы взлетаем, поглощенные мыслями об атаке, под нами — 1000-килограммовые бомбы, которые должны сделать сегодня всю работу.

Ярко-синее небо, ни облачка. То же самое — над морем. Над узкой прибрежной полосой нас атакуют русские истребители, но они не могут помешать нам дойти до цели. Мы летим на высоте 3 километра, огонь зениток смертоносен. При такой интенсивности стрельбы можно ожидать попадания в любой момент. Дорль, Штеен и я держимся на курсе. Мы говорим себе, что «иван» не стреляет по отдельным самолетам, он просто насыщает разрывами небо на определенной высоте. Другие пилоты полагают, что, меняя высоту и курс, они затрудняют работу зенитчиков. Один самолет даже сбросил бомбу за несколько минут до подхода к цели. Но наши два штабных самолета с синими носами идут прямо сквозь строй. Дикая неразбериха в воздухе над Кронштадтом, опасность столкновения велика. Мы все еще в нескольких милях от нашей цели, впереди я уже вижу «Марат», стоящий у причала в гавани. Орудия стреляют, рвутся снаряды, разрывы образуют маленькие кудрявые облачка, которые режутся вокруг нас. Если бы все не было столь убийственно серьезным, можно было бы даже подумать, что это воздушный карнавал. Я смотрю вниз, на «Марат». За ним стоит крейсер «Киров». Или это «Максим Горький?» Эти корабли еще не участвовали в обстрелах. То же самое было и в прошлый раз. Они не открывают по нам огонь до тех пор, пока мы не начинаем пикировать. Никогда наш полет сквозь заградительный огонь не казался та-

ким медленным и неприятным. Будет ли Штеен использовать сегодня воздушные тормоза или, столкнувшись с таким огнем, не будет их пускать в дело? Вот он входит в пике. Тормозные решетки в выпущенном положении. Я следую за ним, бросив последний взгляд на его кабину. На мрачном лице сосредоточенное выражение. Мы идем вниз вместе. Угол пикирования должен быть около 70—80 градусов, я уже поймал «Марат» в прицел. Мы мчимся прямо к нему, постепенно он вырастает до гигантских размеров. Все его зенитные орудия направлены прямо на нас. Сейчас ничто не имеет значения, только наша цель, наше задание. Если мы достигнем цели, это спасет наших братьев по оружию на земле от этой бойни.

Но что случилось? Самолет Штеена вдруг оставляет меня далеко позади. Он пикирует гораздо быстрее. Может быть, он убрал воздушные тормоза, чтобы увеличить скорость? Я делаю то же самое. Мчусь вдогонку за его самолетом. Я уже у него на хвосте, лечу гораздо быстрее и не могу погасить скорость. Прямо впереди вижу искаженное ужасом лицо Лемана, бортового стрелка Штеена. Он ожидает, что я в любую секунду срежу хвост самолета своим пропеллером и протараню их.

Я увеличиваю угол пикирования. Теперь он наверняка почти 90 градусов. Чудом проскакиваю мимо самолета Штеена, буквально на волосок от него. Предвещает ли это успех? Корабль точно в центре прицела. Мой Ю-87 держится на курсе стабильно, не отклоняется ни на сантиметр. У меня возникает чувство, что промахнуться невозможно. Затем прямо перед собой я вижу «Марат». Матросы бегут по палубе, тащат боеприпасы. Я нажимаю на кнопку бомбосбрасывателя и тяну ручку на себя изо всех сил. Но смогу ли я выйти из пике? Сомневаюсь, потому что пикирую, не выпуская тормозов, а высота, на которой я сбросил бомбу, не превышала 300 метров. Во время инструктажа командир сказал, что 1000-килограммовая бомба должна быть сброшена с километровой высоты, поскольку именно

на такую высоту летят осколки, и сброс бомбы на меньшей высоте связан с возможной потерей самолета. Но сейчас я напрочь забыл все — я собираюсь поразить «Марат». Тяну ручку на себя что есть сил. Ускорение слишком велико. Я ничего не вижу, перед глазами все чернеет, ощущение, которое я никогда не испытывал прежде. Я должен выйти из пике, если это вообще возможно. Зрение еще не восстановилось полностью, когда я слышу возглас Шарновски: «Взрыв!».

Осматриваюсь. Мы летим всего в 3—4 метрах над водой с небольшим креном. Позади нас остался «Марат», облако дыма над ним поднимается на полукилометровую высоту — очевидно, взорвались орудийные погреба.

«Мои поздравления, господин лейтенант!»

Шарновски — первый. Тут же в эфире начинается галдеж — поздравления сыпятся с других самолетов. Со всех сторон слышу: «Вот так зрелище!». Постой-ка! Неужели это голос командира полка? Я испытываю чувство возбуждения, как после успешного легкоатлетического соревнования. Представляю, что вижу глаза тысяч благодарных пехотинцев.

Идем назад на низкой высоте по направлению к побережью. «Два русских истребителя», — рапортует Шарновски. «Где они?» — «Преследуют нас. Они летят над своим флотом буквально в разрывах зенитных снарядов. Сейчас их свои же и собьют». Это многословие и, помимо прочего, волнение в голосе Шарновски — нечто новое для меня. Такого никогда с ним раньше не случалось.

Мы летим вровень с бетонными блоками, на которых установлены зенитные орудия. Мы можем снести артиллерийские расчеты в море своими крыльями. Они продолжают стрелять в наших товарищей, атакующих другие корабли. На мгновение все заволакивает столб дыма от пораженного «Марата». Грохот там, у поверхности воды, должно быть, ужасный: зенитчики замечают мой самолет, только когда он ревет прямо над их головами. Затем они разворачивают свои орудия и стреляют мне вдогонку, не обращая внимания на основной строй, летящий выше. Удача все еще сопутствует мне.

Тут кругом зенитки, воздух насыщен снарядами. Теперь пересекаю прибрежную полосу. Эта узкая полоса — опасное место. Не набираю высоту, потому что не смогу сделать это достаточно быстро. Поэтому остаюсь внизу и пролетаю над самыми головами русских. Они в панике бросаются на землю. Тут Шарновски вдруг кричит: «Рата» заходит сзади!».

Я оглядываюсь и вижу русский истребитель в 100 метрах за нами. «Шарновски, стреляй!» Тот не издает ни звука. «Иван» пронесется мимо на расстоянии всего в несколько сантиметров. Я пытаюсь маневрировать. «Ты что, Шарновски, с ума сошел?! Огонь! Я тебя под арест посажу!», — кричу я ему. Шарновски не стреляет. Потом говорит медленно: «Я не стреляю, господин лейтенант, так как вижу, что сзади приближается «Мессершмитт». Если я открою огонь по «Рате», то могу и в него случайно попасть». Это закрывает тему, как ее понимает Шарновски, но меня прошибает пот. Трассирующие пули проходят справа и слева. Я раскачиваю машину из стороны в сторону, как сумасшедший.

«Можете обернуться. «Ме» сбил эту «Рату».

Я накрению самолет и гляжу назад. Мимо нас проходит «Мессершмитт». «Шарновски, будет большим удовольствием подтвердить успех нашего пилота». Он не отвечает. Скорее всего, обиделся на то, что я не доверился раньше его суждениям. Я знаю его: будет сидеть там и дуться, пока мы не приземлимся. Сколько вылетов мы совершили вместе, когда он не размыкал губ все время, пока мы находились в воздухе.

После приземления все экипажи выстроены перед штабной палаткой. Штеен говорит нам, что командир полка уже звонил и поздравил 3-ю эскадрилью с успехом. Он лично видел впечатляющий взрыв. Штеену приказано доложить имя офицера, который нанес решающий удар, для того чтобы рекомендовать его к Рыцарскому Кресту. Посмотрев на меня, он говорит: «Простите, но я сказал коммодору, что настолько горд своей эскадрильей, что предпочел бы наградить за этот успех всех подряд». В палатке он пожимает мне руку.

«Больше в депешах об этом линкоре уже не прочтешь», — говорит он с мальчишеским смехом.

Звонит командир полка: «Сегодня для 3-й — день тонущих кораблей. Вылетайте немедленно для еще одной атаки на «Киров», стоящий на якоре около обломков «Марата». Успешной охоты!». Фотографии, снятые недавно с самолета, показывают, что «Марат» разломился надвое. Это видно на снимке, сделанном после того, как огромное облако дыма стало рассеиваться. Снова звонит телефон: «Штеен, не разглядели, куда упала моя бомба? Я не видел, и Пекрун тоже». «Она упала в море, герр полковник, за несколько минут до атаки». Мы, молодежь, сидящая в палатке, с трудом сохраняем невозмутимые лица. Короткий треск в трубке, и это все.

Мы не виним командира нашей эскадры, который по возрасту годится нам в отцы. Вероятно, он занервничал и преждевременно нажал кнопку бомбосбрасывателя. Он заслуживает всяческих похвал за то, что сам летает с нами на такие трудные задания. Между пятидесятилетними и двадцатипятилетними пилотами большая разница. Это особенно верно относительно тех, кто летает на пикирующих бомбардировщиках.

Мы снова готовимся к атаке на «Киров». Штеен попал в небольшую аварию, когда рулил по земле после первого вылета: одно колесо самолета попало в воронку, поврежден пропеллер. 7-я эскадрилья обеспечивает нам замену, но Штеен снова наталкивается на препятствие — и этот самолет тоже выходит из строя. Замены нет, все самолеты в небе. Никто из штаба не летает, кроме меня. Штеен вылезает из самолета и карабкается ко мне на крыло. «Знаю, вы будете злиться на меня, потому что я взял ваш самолет. Но, поскольку я командир, я должен лететь с эскадрилей. На этот вылет возьму с собой вашего Шарновски».

Раздосадованный и сердитый; иду к мастерским и какое-то время занимаюсь работой в качестве офицера-инженера. Через полтора часа эскадрилья возвращается. «Единица», штабной самолет с синим носом, мой

самолет, отсутствует. Предполагаю, что командир сделал вынужденную посадку на нашей стороне фронта.

Как только все мои коллеги приземлились, я спрашиваю, что случилось с командиром. Никто не дает мне прямого ответа, пока один не говорит: «Штеен спикировал на «Киров» и получил прямое попадание на высоте два с половиной или три километра. Зенитный снаряд повредил хвост, и самолет потерял управление. Я видел, как он пытался направить свой самолет прямо на крейсер, работая элеронами, но промахнулся и упал в море. Взрыв его 1000-килограммовой бомбы нанес «Кирову» серьезные повреждения».

Потеря нашего командира и моего верного ефрейтора Шарновски, тяжелый удар по всей эскадрилье, становится трагическим пиком сегодняшнего в других отношениях успешного дня. Этот отличный парень Шарновски погиб! Штеен погиб! Оба были в своем роде образцовыми солдатами, и никто не сможет их заменить. Им повезло, и они погибли в тот момент, когда были еще убеждены, что после всех этих страданий Германия и вся Европа обретут свободу.

Старший из командиров эскадрилий временно принимает на себя командование группой. Я выбираю в качестве своего бортового стрелка ефрейтора Хеншеля. Он был послан к нам из резерва в Граце, где летал со мной на тренировках. Время от времени я беру с собой и других: сначала нашего казначея, потом офицера разведки. Но никто из них особенно не позаботился бы о моей жизни. Затем я стал брать с собой Хеншеля постоянно, и он был переведен к нам в штаб. Он всегда впадает в ярость, если я не беру его с собой и кто-то другой летит вместо него. Он ревнует меня, как маленькая девочка.

Мы совершаем боевые вылеты над Финским заливом до конца сентября, и нам удастся потопить еще один крейсер. Нам не везет со вторым линкором, «Октябрьская революция». Он поврежден бомбами меньшего калибра, но не очень серьезно. Когда нам удастся во время одного из налетов добиться попадания

1000-килограммовой бомбой, она не взрывается. Несмотря на самое серьезное расследование, нам не удастся определить, что с ней случилось. Так что Советам удастся сохранить один линкор.

В ленинградском секторе устанавливается затишье, а мы нужны на ключевом направлении. Участь пехоты мы облегчили, русские позиции вдоль побережья расчечены надвое и блокада города установлена. Но Ленинград не пал, поскольку защитники удержали Ладожское озеро и тем самым сохранили магистраль, по которой шло снабжение города.

Глава 5

Под Москвой

Мы выполняем еще несколько заданий на Волховском и Ленинградском фронтах. Во время последнего вылета в воздухе тихо, и нам начинает казаться, что события назревают где-то в другой части фронта. Нас посылают назад, в центральный сектор Восточного фронта. Как только мы туда добираемся, видим: пехота готовится к новым боям. Ходят слухи о наступлении в направлении Калинин—Ярославль. Взлетев с авиабазы Мошна-Кулишевка, мы пролетаем над Ржевом и приземляемся в Старице. Нашего последнего командира на посту командира эскадрильи сменяет Прейслер. Он переведен к нам из соседнего полка.

Постепенно устанавливается холодная погода, и мы получаем первое представление о приближающейся зиме. Падение температуры приносит мне, офицеру-инженеру, массу разнообразных технических проблем. Начинаются неприятности с нашими самолетами, которые лишь частично объясняются холодом. Проходит немало времени, прежде чем опыт научил меня, как с этими проблемами бороться. Старшие механики обеспокоены, особенно сейчас, когда каждый делает все от него зависящее, чтобы в воздух поднималось как можно больше самолетов. Мой механик тоже попадает в аварию. Он выгружал бомбы из грузовика, одна из них перевернулась и расплющила ему стабилизатором пальцы на ноге. Я стоял рядом, когда это случилось. Долгое время он не может ничего сказать, затем комментирует, глядя с сожалением на свой палец: «Теперь уже мне в длину не прыгнуть». Погода еще не стала по-настоящему суровой. Унылое небо затянуто облаками.

Наши войска заняли Калинин, но Советы сопротивляются отчаянно и по-прежнему удерживают позиции около города. Для наших дивизий наступление будет трудным делом, особенно теперь, когда погода играет русским на руку. Кроме того, непрерывные бои серьезно снизили боеспособность наших войск. Наши линии снабжения работают с перебоями, потому что главная дорога между Старицей и Калинином находится в руках противника, который оказывает на нас сильное давление. Вскоре я и сам убеждаюсь, насколько ситуация трудна и запутанна. Пригодных к полету самолетов совсем немного. Причины — потери, погода и прочее. Я лечу ведущим, в отсутствие командира, на Торжок, железнодорожный узел к северо-западу от Калинина. Наши цели — железнодорожная станция и тыловые линии снабжения. Погода скверная, облачность на высоте 600 метров. Очень низко. Для атаки цели с чрезвычайно сильной противовоздушной обороной очень плохо. На случай, если погода ухудшится в такой степени, что будет препятствовать нашему полету обратно, нам приказано садиться на аэродроме в Калинине. Долго ждем эскорта истребителей в месте встречи. Они так и не показались — вероятнее всего, погода слишком плоха для них. Но, напрасно ожидая их, мы потратили зря много горючего. Мы обходим Торжок на средней высоте, пытаюсь обнаружить наиболее слабо защищенное место. На первый взгляд кажется, что оборона сильна повсюду, но затем, найдя самое подходящее место, мы прорываемся и атакуем железнодорожную станцию. Я рад: после атаки все наши самолеты летят в строю позади меня.

Погода еще больше ухудшается, идет густой снег. Возможно, у нас хватило бы горючего, чтобы долететь до Старицы, если бы не пришлось сделать такой большой крюк из-за непогоды. Я быстро принимаю решение и беру курс на ближе расположенный Калинин. Кроме того, на востоке небо выглядит более светлым. Мы приземляемся в Калинине. Все бегают вокруг в касках. Здесь уже находятся самолеты соседнего авиаполка. Как только я включаю зажигание, тут же слышу и вижу, как танко-

вые снаряды разрываются на аэродроме. Некоторые самолеты уже продырявлены осколками. Тороплюсь найти штаб переведенной сюда части, чтобы получить более точную картину ситуации. Из того, что я узнаю, следует, что у нас нет времени на обслуживание самолетов. Советы атакуют аэродром танками при поддержке пехоты, они всего в полутора километрах от нас. Только немногочисленная пехота защищает наш периметр, железные монстры могут навалиться на нас в любой момент. Мы, «Штуки», — настоящий подарок для наземных войск, защищающих позиции. Вместе с Хе-123 из полка истребителей-бомбардировщиков мы совершаем постоянные налеты на русские танки до самого вечера, приземляемся всего через несколько минут после взлета. Наземный персонал работает, не покладая рук: все понимают, что, пока танки не выведены из строя, мы находимся в опасности.

Мы проводим ночь в казармах на южной окраине города. Нас будит какой-то звук, похожий на скрип мельничных жерновов. Наш трактор-тягач движется или это «иван» со своими танками? Утром наши пехотинцы говорят нам, что вчера несколько танков ворвались в город через наши передовые посты, стреляя по всему, что появлялось в поле видимости. Вот откуда шел тот грохот орудий. Наша тыловая артиллерия стреляет по русским, снаряды проносятся прямо у нас над головами.

Ночью темно, как в яме, облака стелются совсем низко. Воздушные бои идут на очень низкой высоте. Дорога, по которой шло снабжение, перерезана, измотанным боями войскам начинает не хватать боеприпасов. Но они продолжают сражаться. В неожиданно наступивший сорокаградусный мороз замерзает обычная смазка. Наше бортовое оружие не может стрелять. Говорят, что холод не оказывает на русских никакого воздействия, потому что они хорошо подготовились к зиме. У нас постоянные проблемы с необходимым оборудованием, его нехватка серьезно ослабляет наши силы при таком холоде. Припасы практически не доходят до нас. Местные жители не могут припомнить такой суровой зимы за

последние двадцать или тридцать лет. Битва с холодом тяжелее, нежели битва с врагами. Советы не могли бы и желать более ценного союзника. Наши танкисты жалуется, что танковые башни не поворачиваются, все замерзло.

Мы остаемся в Калининне на несколько дней и постоянно совершаем боевые вылеты. Вскоре мы знаем здесь каждую канаву. Линия фронта отодвинулась на несколько километров к востоку от нашего аэродрома, и мы возвращаемся на базу в Старице, где нас уже заждались. Отсюда мы продолжаем боевые вылеты в направлении Осташкова, затем нам приказано перебираться в Горстово, неподалеку от Руссы, в восьмидесяти километрах от Москвы.

Наши дивизии, брошенные сюда, идут вперед вдоль шоссе Можайск—Москва. Танковая группа, наступающая через Звенигород—Истру, находится в десяти километрах от русской столицы. Другая группа пробилась еще дальше на восток и заняла два плацдарма: севернее города, на восточном берегу канала Москва—Волга, и в Дмитрове.

Декабрь, термометр опускается до 40—50 градусов ниже нуля. Облака плывут низко, зенитки свирепствуют. Пилот Клаус, исключительно одаренный летчик и один из немногих ветеранов, убит, возможно, случайным попаданием из русской танковой пушки. Здесь, как и в Калининне, погода — главный наш враг и спаситель Москвы. Русские солдаты сражаются отчаянно, но тоже измотаны, без такого союзника они не смогли бы остановить наше наступление. Даже свежие сибирские полки, брошенные в бой, не стали бы решающей силой. Немецкие армии побеждены холодом. Поезда практически не ходят, нет резервов и снабжения, раненых нельзя вывезти с поля боя. Одной железной решимости недостаточно. Мы достигли предела нашей способности воевать. Нет самого необходимого. Машины стоят, транспорт не работает, нет горючего и боеприпасов. Единственный вид транспорта — сани. Трагичные сцены отступления наблюдаются все чаще. У нас осталось совсем мало самолетов. При низкой

температуре двигателя живут недолго. Если раньше, владея инициативой, мы вылетали на поддержку наших наземных войск, то теперь сражаемся, чтобы сдержать наступление советских войск.

Через некоторое время мы оттеснены от канала Москва—Волга. Мы не можем удерживать за собой большую плотину к северо-востоку от Клина. Испанская «Голубая дивизия» после отчаянного сопротивления вынуждена оставить Клин. Вскоре наступает наша очередь.

Приближается Рождество, и «иван» все еще наступает в направлении Волоколамска, к северо-западу от нас. Мы стоим со штабной эскадрильей в местной школе, спим на полу большого класса. Каждое утро, когда я встаю, мне повторяют мое ночное бормотание. Другая часть эскадрильи расквартирована в обмазанных глиной хижинах, которые тут обычны. Когда вы входите в них, вам кажется, что вы перенеслись в какую-то примитивную страну, на три столетия назад. Мужчины курят низкосортный табак, который они называют «махоркой», и клубы дыма окутывают все. Привыкнув к ним, можете рассмотреть лучший предмет обстановки — огромную кирпичную печь, окрашенную известкой. Вокруг нее три поколения живут, едят, смеются, плачут, рождаются и умирают. В богатых домах перед печью обычно находится загородка для поросенка и других домашних животных. С наступлением темноты отборные и толстые клопы пикируют на тебя с потолка с такой точностью, которая делает их поистине «Штуками» в мире насекомых. В доме стоят вонь и духота, но мужчины и женщины похоже не обращают на это никакого внимания. Они не знают ничего другого. Их предки жили так столетиями, они живут и будут жить так же. Только нынешнее поколение, наверное, утратило искусство рассказывать сказки. Вероятно, они живут слишком близко к Москве.

Москва-река течет через нашу деревню на своем пути к Кремлю. Когда мы не летаем из-за непогоды, то играем на ее льду в хоккей. Только так мы можем поддерживать эластичность мышц, хотя кое-кто получает травмы во

время игры. Наш адъютант, например, чуть не сломал себе нос. Но игра отвлекает нас от печальных событий на фронте. После яростного матча на льду реки я всегда иду в сауну. В деревне есть несколько таких паровых финских бань. Но там так темно и скользко, что однажды я наступил на острый край лопаты, стоявшей у стены, и упал, получив резаную рану.

Советы обошли нас с севера, самое время перелететь на другой аэродром, находящийся в тылу. Но мы не можем этого сделать: уже много дней облака висят так низко, что полеты невозможны. На аэродроме кучи снега. Если нам не повезет, «иван» постучится в нашу дверь, как Санта-Клаус. С уверенностью можно сказать, что русские части, которые обошли нас, не знают о нашем присутствии, в противном случае они пригвоздили бы нас здесь уже давно.

Так что мы проводим Рождество все еще в горстовской школе. Когда сгущается темнота, мы погружаемся в тишину и вздрагиваем при любом звуке. Но после нашего рождественского пения мрачное настроение вскоре исчезает. Пара стаканов шнапса способны поставить на дыбы даже самых умеренных. После обеда нас навещает командир полка, чтобы вручить награды. Я первым в нашей эскадрилье получаю Золотой крест. Первого января мы тщетно посылаем приглашение нашим коллегам-летчикам в Москву, чтобы они прилетели к нам на рождественский матч. Ответа нет, и мы сами играем на льду Москвы-реки в хоккей. Плохая погода держится в течение многих дней.

Как только она улучшается, мы можем перебазироваться на запад. Идем над густыми лесами, а потом над шоссе в направлении Вязьмы. Когда мы взлетаем, погода портится. Летим плотным строем над самыми верхушками деревьев. Но и в этом случае трудно не потерять друг друга из виду. Все в серой пелене, клубящейся смеси тумана и снега. Успех полета зависит от мастерства ведущего. Эти полеты требуют гораздо больше усилий, нежели самые горячие вылазки. Черный день для нас: мы потеряли несколько экипажей, которые не смог-

ли справиться с задачей. Над Вязьмой поворачиваем вправо и летим в направлении Сычевка—Ржев. Мы приземляемся в глубоком снегу в Дугине, в двадцати километрах к югу от Сычевки, и размещаемся в местном колхозе. Все тот же безжалостный холод. Наконец, по воздуху прибывают необходимое оборудование и зимняя одежда. Каждый день на наш аэродром приземляются транспортные самолеты, которые доставляют меховую одежду, лыжи, сани и другие вещи. Однако слишком поздно: Москву уже не захватить, не вернуть наших товарищей, которые замерзли от холода, не спасти десятки тысяч солдат, которые отморозили пальцы на руках и ногах; слишком поздно — армия уже не может продолжать движение вперед. Она вынуждена окопаться и перейти к обороне под ударами невообразимо тяжелой зимы.

Сейчас мы летим над районами, которые помним по прошлым вылетам: в районе истоков Волги к западу от Ржева, рядом со Ржевом, вдоль железнодорожной линии на Оленино и дальше на юг. Глубокий снег затрудняет движение наших войск, но Советы в своей стихии. Технически умен здесь тот, кто использует наиболее примитивные методы работы и передвижения. Двигатели больше не заводятся, все замерзло насмерть, гидравлика вышла из строя, полагаться на любой технический инструмент — просто самоубийство. Утром двигатели не заводятся, хотя мы укрываем их соломенными матами и одеялами. Механики часто проводят в поле всю ночь, разогревая двигатели каждые полчаса, чтобы их можно было завести, когда эскадрилье придется вылетать. Во время этих страшно холодных ночей нередки случаи обморожения. Как офицер-инженер время между полетами я провожу с техниками, чтобы не упустить шанс ввести в строй хотя бы еще один самолет. Мы не мерзнем в воздухе. В плохую погоду мы вынуждены летать низко, оборона русских сильна, так что все слишком заняты, чтобы замечать холод. Конечно, это не гарантирует нас от того, что, вернувшись в тепло, мы не обнаружим симптомы обморожения.

В начале января генерал фон Рихтгофен приземляется на нашем поле в своем «Шторхе» и от имени фюрера награждает меня Рыцарским крестом. В приказе особо отмечены мои успешные действия в прошлом году: я бомбил корабли и мосты.

Холод усиливается, все труднее поддерживать самолеты в работоспособном состоянии для вылета на следующий день. Я видел отчаявшихся механиков, пытавшихся разогреть двигатели с помощью открытого пламени. Один из них говорил мне: «Они или сейчас заведутся, или сгорят так, что одни угли останутся. Если не заведутся, то проку все равно от них не будет».

Однако костры кажутся мне слишком радикальным средством решения нашей проблемы, и я придумываю другой способ. Горючее можно жечь в маленькой жестяной печке, к ней приделать трубу с решеткой, чтобы она задерживала искры. Мы помещаем это устройство под двигателем и разводим огонь, расположив трубу таким образом, чтобы от нее грелся первичный насос. Мы ждем до появления результата. Решение примитивное, но как раз для русской зимы. Мы получаем сложные нагреватели и всякие технические приспособления. Они великолепно сконструированы, но, к сожалению, их работа зависит от хрупкой машинерии вроде маленьких моторчиков или сложных устройств. Их следует запускать первыми, для того чтобы вся конструкция начала работать. Но как раз этого-то и не получается из-за холода. На протяжении всей зимы у нас очень мало самолетов в строю. Немногочисленные пригодные к полету машины пилотируются старыми опытными экипажами, так что недостаток количества в какой-то степени компенсируется качеством.

Несколько дней мы летаем в район железной дороги Сычевка—Ржев, где русские пытаются прорвать фронт. Наш аэродром оказывается в той же ситуации, как и в Калининe, где мы размещались несколько недель назад. На этот раз наземных войск, которые могли бы удерживать наш фронт, нет, и однажды ночью «иваны», наступая от Сычевки, оказываются вдруг на окраине

Дугина. Краскен, командир нашей штабной роты, собирает боевую группу, набранную из нашего наземного персонала и находящихся рядом частей, чтобы защитить аэродром. Наши отважные механики проводят ночи в траншеях с винтовками в руках, а днем возвращаются к своим обязанностям по обслуживанию самолетов. Днем ничего не может случиться, потому что на аэродроме у нас пока есть запасы горючего и бомб.

Два дня подряд нас атакуют кавалерия и батальоны лыжников. Затем ситуация становится критической, и мы сбрасываем бомбы практически по периметру нашего аэродрома. Советские потери велики. Краскен, в мирное время — спортсмен, вместе со своей группой предпринимает попытку наступления. Мы кружим над русскими, стреляя и сбрасывая бомбы на тех, кто пытается сдерживать их. Подступы к аэродрому снова очищены от противника. В начале войны летчики Люфтваффе и не предполагали, что их будут использовать в таком качестве.

Бронетанковые части нашей армии расширяют наши завоевания, вновь захватывают Сычевку и размещают в ней свой штаб. Ситуация снова более или менее стабилизируется, и наш сектор прикрывает новый фронт вдоль линии Гжатск—Ржев. Дни монотонного отступления позади. Лисы переносят холод лучше, чем мы. Всякий раз, возвращаясь из района Ржева на низкой высоте над покрытыми снегом равнинами, мы видим, как они пробиваются по снегу. Если мы проносимся над ними на высоте 3—4 метра, они приседают и испуганно смотрят на нас. Якель, у которого еще осталось несколько пулеметных патронов, выпускает очередь наудачу. Он попадает в цель и потом возвращается на это место на «Шторхе», оборудованном лыжами. Однако вскоре обнаруживается, что лисья шкура совершенно испорчена пулевыми отверстиями.

Я неприятно удивлен новостью о том, что за свою работу по обеспечению полетов поощрен отпуском домой. По истечении отпуска мне приказано следовать в Грац в Штирии, чтобы передать новым экипажам мой недавний опыт. Одно за другим следуют торжественные заявления, что

я не нуждаюсь в отдыхе, что не хочу покидать часть, но они ничего не приносят. Приказ окончательный и обжалованию не подлежит. Лейтенант Преслер обещает затребовать меня обратно, как только я окажусь на моей новой работе, и я хватаюсь за эту возможность.

Одним утром я следую на запад в транспортном самолете через Витебск, Минск и Варшаву в Германию. Провожу свой отпуск, катаясь на лыжах в Тироле, пытаюсь побороть свою ярость физическими упражнениями и солнечными ваннами. Постепенно мирный вид этого горного мира, красота его сверкающих на солнце покрытых снегом вершин снимает напряжение от ежедневных боевых вылетов.

Глава 6

Тренировка и практика

До того как я приступил к работе по подготовке новых экипажей, я женился. Мой отец все еще служит сельским священником. Проводит церемонии в нашей небольшой деревушке, с которой я связан столькими счастливыми воспоминаниями беззаботного детства.

Затем поездка в Грац, на этот раз в качестве инструктора, а не курсанта. Полеты в строю, пикирование, бомбометание, огонь из бортового оружия. Я нередко нахожусь в своем самолете по восемь часов в день, поскольку у меня нет помощников. В плохую погоду или во время технического обслуживания в расписании появляются военные учения или спорт. Экипажи, которые присылают ко мне школы летчиков, после тренировок отправляются на фронт. Когда они закончат обучение, я встречу некоторых из них в недалеком будущем. Может быть, даже в своей части. В часы отдыха продолжаю легкоатлетические тренировки, играю в теннис, плаваю или брожу по величественным окрестностям Граца.

Через два месяца я получаю помощника. Пилот Якель из 3-й эскадрильи, только что награжденный Рыцарским крестом, откомандирован в нашу учебную часть. Мы делаем налеты на мирные цели, имитируя ситуации на фронте. Я располагаю двумя «Мессершмиттами», способными имитировать перехват «Штук» вражескими истребителями. Тренировки трудные и напряженные, но я считаю, что экипажи, которые их выдерживают и делают то, что от них требуется, учатся многому. Физические силы и выносливость выковываются спортом. Почти каждое утро по понедельникам я устраиваю для всех забег на 10 километров, это послужит только хорошему. После обеда мы от-

правляемся поплавать и проверить нервы. Все курсанты участвуют в прыжках с шестом и с энтузиазмом соревнуются за разряд по плаванию. Якель моложе меня на несколько лет и все еще совсем мальчишка. На него невозможно сердиться, в какие странные ситуации он порой ни попадал бы. Он, всегда живой и весельчак, старается жить полной жизнью. По воскресеньям я обычно отправляюсь в горы.

Перед караульным помещением есть автобусная остановка, и я всегда сажусь здесь в автобус, идущий в город. Тень автобуса путешествует вместе с нами, и по ее форме я вдруг замечаю, что на крыше кто-то есть. Там веселятся и дурачатся, особенно когда по улице идет какая-нибудь девушка. Я могу догадаться, кто они, по их кепкам. Это солдаты с нашей базы, но это не могут быть мои курсанты, потому что неоднократно отдавались приказы, запрещающие военнослужащим ездить на крышах автобусов. Я говорю лейтенанту из наземной службы, который сидит рядом: «Эти парни, там, наверху, должно быть, ваши?». С некоторым удовольствием в голосе он отвечает: «Вы будете смеяться, но это ваши!».

Когда солдаты возвращаются в Грац, я отдаю приказ явиться ко мне в 11.00 в понедельник. Они появляются. Я говорю: «Какого дьявола, что вы себе позволяете?! Вы знали, что нарушаете приказ?! Это неслыханно!». Вижу по их лицам: они хотят мне что-то сказать. Спрашиваю, что они скажут в свое оправдание. «Мы думали, что все в порядке, поскольку с нами ехал и инструктор Якель». Я быстро отпускаю их и раздражаюсь смехом. Затем представляю себе Якеля, восседающего на крыше автобуса. Когда я объясняю ему, во что он меня втравил, он изображает наивное удивление, и я уже не могу сохранять строгое выражение на лице.

В Граце через несколько дней мы с женой еле-еле избежали несчастья. Планерный клуб слезно упросил меня буксировать их планер на старом чешском биплане, потому что у них не было другого пилота. Я согласился и, кроме того, решил воспользоваться возможностью подняться в воздух вместе с женой, которая обожает летать.

После двух с половиной часов полета я спросил, сколько осталось горючего, потому что датчик уровня топлива не работал. Мне сказали, что горючего хватит на четыре часа и я могу продолжать полет и ни о чем не беспокоиться. Я поверил их словам. Когда мы пролетали на низкой высоте над картофельным полем, двигатель вдруг заглох. Я успел лишь крикнуть: «Держись крепче!», потому что жена не была пристегнута ремнями, как самолет пошел вниз, прямо на борозды. Он удачно перескочил какую-то канаву, а затем замер посреди кукурузного поля. Мы заняли у местного фермера немного горючего, я вновь поднялся в воздух и долетел до аэродрома, находившегося в трех километрах.

Сколько моих товарищей, особенно служивших в Люфтваффе, прошли через сражения с врагом без единой царапины и разбились насмерть из-за какого-нибудь необыкновенно глупого «гражданского» несчастного случая. Этот тривиальный инцидент вновь подтвердил необходимость соблюдения одного банального правила: мы должны быть осторожными везде, а не только на фронте. Точно так же в бою нам не позволено рисковать без необходимости, даже если и не думаешь о своей жизни.

Когда я снова приземляюсь на аэродроме на старом биплане, узнаю, что резерв другой эскадрильи уже переведен в Россию. Скоро и до нас дойдет очередь. Уже несколько месяцев я нахожусь дома, но вдруг понимаю, что мне не терпится вернуться на фронт. Я постоянно мучаюсь оттого, что меня так долго держат вдали от него. Особенно сильно ощущаю, что столь долгое отсутствие может быть довольно опасным для меня. Я всего лишь человек, и мои инстинкты говорят мне, что предпочли бы поменять близкое знакомство со смертью на еще более близкие отношения с жизнью. Я хочу жить, и желание жить растет во мне с каждым днем — оно стучит во мне, как удары сердца, когда я опять избегаю смерти, но чувствую его в упоении скоростным спуском на лыжах по крутому альпийскому склону. Я чувствую это желание каждым дыханием, каждой порой кожи, всеми фибрами моего тела. Не боящийся смерти, я часто смотрел ей в

лицо долгие секунды и никогда первым не отводил взгляда, но всякий раз после такой встречи радовался безмерно и иногда кричал в восторге, пытаюсь перекричать рев моторов.

Обо всем этом я размышляю, когда механически глотаю ужин в столовой. Затем принимаю твердое решение: я буду дергать за все ниточки, пока меня не заберут отсюда, из этой рутины, и не вернут назад, во фронтовую часть.

Я не добился намеченной цели, но вскоре нам приказано лететь в Крым. Наша новая база находится неподалеку от Симферополя; здесь мы во всяком случае ближе к фронту, чем раньше. Мы решили транспортную проблему, используя наши Ю-87 в качестве буксировщиков для грузовых планеров. Пролетев по маршруту Краков—Львов—Проскуров—Николаев, мы вскоре оказываемся на месте. Аэродром здесь очень большой и пригоден для тренировочных целей. Наше самодельное жильё практически не отличается от того, какое было у нас на фронте. Но там, где есть желание, выход всегда найдется.

Мы возобновляем наши обычные тренировки, такие же, как в Граце. Нам особенно нравится практиковаться в посадках на других аэродромах. Утром мы садимся, например, на западе, на побережье Черного моря, а после обеда, возможно, — на северо-востоке, на побережье Азовского. Мы купаемся по крайней мере по полчаса на великолепных пляжах в жарком солнечном сиянии. Здесь нет возвышенностей, за исключением холмов неподалеку от Керчи, а на юге — крымской Яйлы, горной гряды, которая тянется вдоль южного побережья Крыма. Вся остальная часть полуострова имеет плоский рельеф — это обширные степи, в центре которых находятся огромные помидорные плантации. Очень узкая береговая полоса, тянущаяся между морем и Яйлой, считается Русской Ривьерой. Мы часто бываем здесь и возим отсюда дрова на грузовиках, потому что там, где находится наша база, лесов нет. Сравнение с Ривьерой оказывается поверхностным. Я вижу несколько пальм в Ялте, но два или три дерева не превращают ее в Ривьеру. На расстоянии дома

ярко блестят на солнце, особенно когда летишь на небольшой высоте вдоль побережья. Они производят удивительно приятное впечатление. Но если вы гуляете по улицам Ялты и видите все с близкого расстояния, общий примитивизм и вульгарность этого советского курорта вызывают большое разочарование.

Соседние города — Алушка и Алушта — мало чем отличаются от Ялты. Мои люди радуются: между этими городами много виноградников, сезон сбора ягод только начинается. Мы пробуем гроздь на каждом склоне и нередко приходим домой с опозданием и с чудовищными резами в животе.

Спустя некоторое время я начинаю нервничать, что меня не посылают обратно на фронт. Я надоедаю генералу, командующему авиацией на Кавказе, и предлагаю ему мои «Штуки» в качестве боевого подразделения, поскольку считаю, что большинство экипажей уже пригодны для фронта. Я указываю на то, что боевые вылеты стали бы великолепной тренировкой для них, что любой полк не против заполучить летчиков, которые уже имеют боевой опыт. Поначалу мы получаем приказ перебазироваться в Керчь. Оказывается, советские транспортные суда часто проходят вдоль южного побережья. Отсюда мы могли бы атаковать их. Но дальше этого «бы» дело не идет! Часами мы ждем появления транспортников. Но ничего не происходит. Однажды я хочу попробовать счастья на нашем «Мессершмитте», моя цель — вражеские самолеты-разведчики. Но те сразу же отклоняются от курса и уходят в сторону моря по направлению к Туапсе и Сухуми. Я бессилен их догнать, поскольку не мог взлететь, пока мы их не заметили. Тем не менее вскоре я добиваюсь нашего перевода в Белореченскую, неподалеку от Майкопа, где стоит другой авиаполк. Здесь мы сможем получить опыт боевых вылетов, поскольку нас предполагается использовать для поддержки наступления в направлении Туапсе.

Мы сразу становимся фронтовой частью, загруженной разными заданиями. Находимся в воздухе с утра до вечера, летаем над районом, где армия атакует в направлении Туапсе. Непростая работа для нас. Ведь в нашей учеб-

ной части мы используем относительно старые самолеты, а полк, действующий здесь, с которым мы летаем, имеет на вооружении новейший тип пикировщика. Когда мы летим в строю на большой высоте, это ставит нас в невыгодное положение.

Полеты в узких долинах — захватывающее занятие. Мы часто неосторожны: побуждаемые желанием драться, попадаем в ловушку, если преследуем неприятеля или слишком настойчиво пытаемся обнаружить его укрытия. Если во время наших поисков мы входим в одну из таких узких долин, то часто вообще не можем маневрировать. Иногда в конце долины вздымается вверх гора, блокируя путь вперед. Мы должны быстро реагировать, вновь и вновь обязанные своим спасением лишь хорошим характеристикам нашего самолета. Но это только детская игра в сравнении с ситуацией, когда мы оказываемся в долине, а в 200 метрах над нами горы окутаны густыми облаками.

Вершины гор находятся здесь на высоте 1200—1500 метров. Все становится проще, когда мы пролетели над всеми долинами по нескольку раз и знаем, какие из них имеют выходы и за какой из гор можно выйти на открытое место. Но все это становится игрой в угадку, если мы летаем в плохую погоду или под низкими облаками. Когда мы атакуем на небольшой высоте какую-нибудь дорогу в долине, нас иногда обстреливают сверху, потому что склоны гор по обеим сторонам от нас тоже заняты «иванами».

Наши немногочисленные горные войска упорно сражаются с превосходящим их количественно противником, укрепившимся в горах. Мы находимся в тесном контакте с наземными войсками и делаем все, что в наших силах, чтобы реагировать на все просьбы об атаке и воздушной поддержке. Бои в горных лесах особенно трудны, это как драка с завязанными глазами. Если наш офицер по управлению полетами дает нам разрешение атаковать определенные участки леса, мы следуем его инструкциям, даже если не можем видеть цели отчетливо. Именно в таких случаях армия хвалит полезность и эффективность наших атак.

Соседние высоты находятся в наших руках. С упорными боями мы пробиваемся вперед, на юго-запад. Менее двадцати километров отделяют наших товарищей от Туапсе. Но потери в этих горных схватках слишком велики, и практически больше нет резервов. Наступление отменено, и мы не добиваемся полного успеха.

Битва за железнодорожную станцию у Гойтхского перевала. Советский бронепоезд выпускает тяжелые снаряды по нашей немногочисленной атакующей цепи. Этот бронепоезд ведет бой умело. Он извергает огонь и затем, как дракон, уползает в свое логово. Это логово — горный туннель неподалеку от Туапсе. Если мы поднимаемся в воздух, он, завидев наше приближение, несется назад в туннель, и мы видим только его хвост. Однажды мы застали его дремлющим, врасплох, точнее, почти застали. Мы уже «подкрались» к нему, но в последнюю минуту его, должно быть, предупредили. Он получил попадание, но ущерб не мог быть серьезным, через пару дней его починили — появляется снова. Но теперь этот стальной монстр чрезвычайно осторожен, мы уже никогда его не видим. Принимаем решение: если не можем подойти к этому поезду ближе, то нанесем смертельный удар по его ангелу-хранителю. Мы блокируем выход из туннеля, бросая бомбу и предотвращая его появление, даем нашим товарищам на земле хотя бы на время столь необходимую им передышку. «Давать и брать — в этом заключается философия жизни», — говорит мой бортстрелок с ухмылкой.

Мы атакуем также порт Туапсе, который, как и все порты, сильно защищен зенитками. Город и сама гавань, находящиеся за горной грядой, все еще в руках русских. Если мы летим на высоте 3000 метров, зенитки накрывают нас задолго до того, как мы приближаемся к цели. Зенитные орудия размещены в горах вдоль последних нескольких миль нашего маршрута. Для того чтобы избежать их огня, мы летаем на высоте всего 800 метров в направлении горных хребтов, которые вздымаются отвесно из моря почти на 1500 метров. Наши атаки направлены на доки, портовое оборудование и суда, стоящие в порту, в основном танкеры. Обычно все, что может двигаться

ся, начинает кружить, чтобы избежать наших бомб. Им это не удастся — значит, мои экипажи стали настоящими боевыми летчиками. Огонь зениток над портом совсем несопоставим с обороной Кронштадта, тем не менее он производит сильное впечатление. Мы не можем возвратиться назад над горными хребтами, потому что они слишком высоки. Обычно пикируем над гаванью и затем набираем максимальную высоту, летя по направлению к морю и, таким образом, быстро выходя из радиуса действия вражеских зениток. Но над морем нас уже поджидают советские истребители. Теперь нам приходится карабкаться на высоту 3000 метров, для того чтобы лететь домой по крайней мере в 300 метрах над горами, ведь во время воздушного боя легко потерять высоту.

Условия, в которых мы атакуем, такие же, как в районе Геленджика, где мы также время от времени участвуем в атаках на аэродромы или морские цели в геленджикской бухте. Русские вскоре обнаруживают нашу базу в Белореченской, они бомбят ее днем и ночью. Действуя небольшими силами и с незначительным ущербом для материальной части, им тем не менее удается нанести серьезный удар по полку, у которого мы в гостях. Его командир, майор Ортхофер, убит во время одного из таких налетов. Как назло, именно в этот момент я приземляюсь и вырुливаю на стоянку, бомбы падают справа и слева. Мой самолет поврежден многочисленными осколками и выходит из строя, но я, однако, не ранен.

Генерал Пфлюгбейль, который командует всеми находящимися здесь частями Люфтваффе, часто присутствует на наших построениях. Он сообщает новость о том, что мы должны переместиться еще дальше на восток, на аэродром на реке Терек. Здесь началось другое наступление, и мы должны его поддержать. Оно идет в направлении Грозный—Каспийское море. Мы летим на нашу новую базу в Солдатской над Георгиевской, Пятигорском и Минеральными Водами, откуда уже виден огромный и великолепный Эльбрус. Мы делаем короткую посадку на полпути в Минеральных Водах и отдыхаем. Здесь множество мышей. В соломенных матрасах, в шкафах и щелях в полу, в

каждой дыре и углу — мыши. Они выпрыгивают из наших вещмешков и жрут все подряд. Спать просто невозможно — слышно, как они возятся даже в подушках. Я кидаю в них все, что попадает под руку, чтобы их спугнуть. На несколько минут воцаряется тишина, но затем шум начинается снова и еще сильнее, чем прежде. В Солдатской мы избавляемся от этого мышиноного нашествия. Наверное, «иваны», постоянно сбрасывающие здесь свои бомбы, отпугивают их.

У нас мало зениток. Мы не летаем, как предполагалось раньше, для поддержки танковых клиньев на востоке, первая наша миссия — на юге. Через несколько дней Нальчик захвачен немецкими и румынскими войсками. Панорама, по мере того как мы приближаемся к цели, восхитительна. Впереди вздымаются снежные пики высотой до 5 километров, сверкая на солнце всеми воображаемыми красками, под нами — зеленые луга с желтыми, красными и синими пятнами. Эти пятна — деревья и цветы. Над нами бриллиантовое голубое небо. Приближаясь к цели, я часто напрочь забываю про бомбы, которые несу, и про свою задачу. Все производит такое успокаивающее, умиротворяющее и прекрасное впечатление. Мир гор, в центре которого находится Эльбрус, оказывает гигантское, пересиливающее все воздействие, здесь в той или в этой долине уместилось бы несколько альпийских хребтов.

После захвата Нальчика мы делаем еще несколько вылазок на восток от Терека, за Моздок. Затем довольно неожиданно приходит приказ о возвращении в Белореченскую, в зону Туапсе, где продолжается напряженная борьба за все те же ключевые позиции. Бои там идут до ноября. Я совершаю свой 650-й вылет и в течение нескольких следующих недель чувствую себя нездоровым. Желтуха! Я уже догадывался об этом, но надеялся, что она пройдет сама собой и можно будет продолжать летать. Белки моих глаз пожелтели, кожа такого же цвета. Я отрицаю, что со мной что-то неладно, и успокаиваю генерала Пфлюгбейля, который довольно долго пытался уложить меня на больничную койку. Некоторые зловердные

личности утверждают, что я съел слишком много взбитых сливок. Возможно, в этом есть доля правды. Генерал привез с собой ящик шампанского, чтобы отметить мой 600-й вылет, и был весьма удивлен, когда я объяснил, что моя слабость исходит от других причин. Через несколько дней прибыл огромный торт с двумя ведрами взбитых сливок, достать их было не такой уж большой проблемой, особенно если принять во внимание большое количество молочных коров в этих местах. В течение двух дней мы не едим практически ничего, кроме этих вкусностей, на третий вряд ли можно найти хотя бы один экипаж, пригодный к вылету.

Поскольку я пожелтел, как айва, прибывает «Мессершмитт-108» с приказом генерала забрать меня, если нужно, даже силой, в госпиталь в Ростове. Мне удастся уговорить их приземлиться на базе моего полка в Карпове, рядом со Сталинградом. Мы летим туда курсом на север через Элисту. Я готов двигать небеса и землю, чтобы остаться с полком и отсюда передать командование своей частью кому-нибудь еще. Это не срабатывает, но командир полка обещает мне 1-ю эскадрилью, в составе которой я начал кампанию в России.

Но прежде всего — в госпиталь!

И в середине ноября я оказываюсь в госпитале в Ростове.

Сталинград

Это пребывание в госпитале действует мне на нервы. Нахожусь здесь уже целую неделю и не вижу почти никаких перемен в моем состоянии, если не считать того, что я не возвращаю силы строгой диетой и пребыванием в постели. Никто из коллег меня не навещает, поездка ко мне в госпиталь заняла бы у них слишком много времени.

Хотя мы находимся рядом с морем, становится уже холодно. Я могу судить об этом по ветру, который дует в палату через окна, закрытые чаще всего не стеклами, а крышками от коробок.

Мой лечащий врач — отличный парень, но он уже потерял со мной всякое терпение и становится чрезвычайно строгим в тот день, когда входит в мою палату и говорит бесцеремонно: «Послезавтра в Германию идет санитарный поезд, я организую там для вас место». — «Я не поеду». — «Но вы просто должны вернуться домой на лечение. О чем вы только думаете?» — он явно возмущен. «Но вы не можете отправить меня с фронта по причине такой, просто смехотворной, болезни. Это очень хороший госпиталь, но я уже достаточно повалился в постели». Чтобы не оставить у него никаких сомнений в том, что я имею в виду именно то, что сказал, я говорю ему: «Я должен вернуться в мою эскадрилью сейчас же». Теперь доктор по-настоящему рассержен. Он открывает рот, снова его закрывает и, наконец, начинает яростно протестовать: «Я не беру на себя никакой ответственности! Вы поняли меня? Никакой ответственности». Он молчит секунду, потом добавляет решительно: «Более того, я должен указать это в ваших бумагах».

Я упаковываю свои вещи, забираю документы из канцелярии и отправляюсь на аэродром. Здесь работает механик, который часто ремонтировал самолеты моего полка. Мне нужно только немного везения. Именно в этот момент отремонтированный самолет выкатывают из ремонтной мастерской. Его должны доставить в Карпово, в пятнадцать километрах от Сталинграда. Не могу сказать, что чувствую себя выздоровевшим, ноги у меня заплетаются, словно я во сне. Но я объясняю это не столько болезнью, сколько влиянием свежего воздуха.

Два часа спустя я стою на аэродроме в Карпове после полета по маршруту Тацинская—Суровикино—Калач. Поле забито самолетами, в основном «Штуками» нашего полка и соседней эскадрильи. Само место не позволяет маскировать машины, оно находится в открытой степи. Поле имеет небольшой наклон.

После посадки я начинаю искать указатель, который может подсказать, где находятся наши самолеты. Вскоре я нахожу штаб полка. Это сооружение, находящееся в центре аэродрома, представляет собой крытую яму, называемую в военных донесениях бункером. Мне приходится немного подождать, прежде чем я смог доложить командиру о своем прибытии. Он только что поднялся в воздух вместе с моим другом Клаусом — короткий боевой вылет. Когда он возвращается, я докладываю о своем возвращении.

Командир никак не ожидал увидеть меня так скоро: «Ну и вид у тебя! Глаза и все вокруг желтого цвета, как у айвы». Мне нужно придумать какое-то оправдание, и я без всякого стыда отвечаю: «Я здесь только потому, что меня отпустили как выздоровевшего». Это срабатывает. Командир смотрит на начальника штаба и говорит, качая головой: «Если он годен к полетам, то я больше знаю о желтухе, нежели все доктора вместе взятые. Между прочим, где твои медицинские бумаги?». Деликатный вопрос. На аэродроме в Ростове мне позарез понадобилось немного бумаги, и я нашел своему сертификату более выгодное и подходящее применение. Не долго думая, отвечаю тем же самым тоном: «Кажется, медицинские бумаги были высланы с курьером».

В соответствии с обещанием, которое мне дали десять дней назад, я принимаю командование своей старой эскадрилей.

Мы редко совершаем боевые вылеты. Только однажды мы делаем налет на одну волжскую пристань около Астрахани. Наша главная задача — атаки на цели уже в пределах Сталинграда. Советы превратили город в крепость. Командир нашей группы сообщает мне последние новости. Наземный персонал остался тем же. Все здесь — от оружейника Гётца до старшего механика Писсарека. Летный состав — совсем иное дело, прежде всего из-за потерь. Все новые экипажи, которые я тренировал, были направлены в резервную эскадрилью. Жилые и служебные помещения находятся под землей. За очень короткое время я снова обрел ощущение дома.

На следующий день мы совершаем полет над Сталинградом, приблизительно две трети которого находятся в наших руках. Правда, у русских остается лишь треть, но они удерживают эту часть города с поистине религиозным фанатизмом. Сталинград носит имя Сталина, а Сталин — бог для всех этих молодых киргизов, узбеков, татар, туркменов и других монголов. Они держатся мертвой хваткой за каждую кучу камней, они прячутся за каждым обломком стены. Для своего Сталина они играют роль огнедышащих чудовищ-стражников, а когда эти чудовища спотыкаются, меткие выстрелы из револьверов политкомиссаров пригвозждают их к земле, которую они защищают. Эти азиатские приверженцы тотального коммунизма и комиссары, стоящие за их спинами, судьбой предназначены для того, чтобы принудить Германию, а с ней и весь мир, оставить убаюкивающую веру в то, что коммунизм — всего лишь политическое кредо наравне со многими другими. Теперь они показывают нам первым, что являются последователями нового вероучения. И Сталинград должен стать Бетлехемом нашего столетия. Но это Бетлехем войны и ненависти, уничтожения и разрушения.

Эта мысль все больше занимает наши умы, по мере того как мы совершаем вылет за вылетом к красной кре-

пости. Часть города, удерживаемая Советами, находится на правом берегу Волги, и каждую ночь русские волокут через нее все необходимое своим красногвардейцам.

Ожесточенные бои вспыхивают за городские кварталы, за каждый подвал, кусок фабричной стены. Мы должны сбрасывать наши бомбы чрезвычайно аккуратно, потому что наши солдаты находятся всего в нескольких метрах, в другом подвале или за обломками соседней стены. На наших фотоснимках города различим каждый дом. Цель каждого пилота точно помечена красной стрелкой. Мы летим с картой в руках, нам запрещено сбрасывать бомбы, пока мы наверняка не опознаем цель и не определим точно положение своих войск.

Пролетая над западной частью города, вдали от линии фронта, удивляешься царящей здесь тишине и почти обычному движению по дорогам. Все, в том числе и гражданские лица, занимаются своими делами, как будто город находится далеко за линией фронта. Вся западная часть города сейчас находится в наших руках, только в меньшей восточной части, на самом берегу Волги, еще остались очаги русского сопротивления, и здесь идут яростные атаки. Часто русские зенитные орудия замолкают к полудню — возможно, потому что они уже израсходовали все боеприпасы, которые им подвезли из-за реки прошлой ночью. На другом берегу Волги советские истребители взлетают с нескольких аэродромов и пытаются ослабить наши атаки на занимаемые русскими районы Сталинграда. Они редко преследуют нас над нашими позициями и обычно поворачивают обратно, как только под ними уже нет их собственных войск.

Наш аэродром находится рядом с городом, и, когда летим строем, мы должны сделать один или два круга, чтобы набрать необходимую высоту. Этого достаточно для советской воздушной разведки, чтобы своевременно информировать зенитчиков. Судя по тому, как идет дело, слишком многое стоит на кону, мы чувствуем это инстинктивно. Мне не нравится мысль о том, чтобы отлучиться даже на час. На этот раз я нахожусь на грани физического срыва. Но если решат, что я болен, это будет озна-

чать потерю моего подразделения. Этот страх придает мне новые силы.

После двух недель, в течение которых я чувствовал себя скорее в Гадесе, подземном царстве теней, а не на земле, я постепенно восстанавливаю силы. Между делом мы наведываемся в сектор севернее города, где линия фронта пересекает Дон. Несколько раз мы атакуем цели рядом с Бекетовом. Здесь зенитки ведут особенно сильный огонь, выполнить задание очень трудно. Согласно показаниям захваченных в плен русских, эти зенитные орудия обслуживаются исключительно женщинами. Когда мы собираемся на дневные вылеты в этот сектор, наши экипажи всегда говорят: «У нас сегодня свидание с этими девушками-зенитчицами». Это ни в коем случае не звучит пренебрежительно, по крайней мере для тех, кто уже летал в этот сектор и знает, насколько точно они стреляют.

Мы регулярно бомбим мосты через Дон к северу от города. Самый большой из них находится рядом с Клетской, и этот плацдарм на западном берегу Дона особенно бдительно сторожат зенитки. Пленные рассказывают нам, что здесь находится штаб. Плацдарм постоянно расширяется, и каждый день Советы перебрасывают сюда все больше людей и снаряжения. Наши атаки на мосты замедляют прибытие этих подкреплений, но русские способны быстро восстанавливать их с помощью понтонов, так что вскоре переправа через реку возобновляется.

Здесь, на Дону, линия фронта удерживается в основном румынскими частями. Немецкая 6-я армия сражается в самом Сталинграде.

Однажды утром после получения срочного сообщения наш полк взлетает и направляется в сторону плацдарма у Клетской. Погода скверная: низкие облака, идет снег. Температура воздуха около 20 градусов ниже нуля, мы летим на небольшой высоте. Но что за части идут нам навстречу? Мы еще и полпути не пролетели. Масса людей в коричневой форме — это русские? Нет, румыны! Некоторые из них даже бросают винтовки, чтобы бежать быстрее. Какое позорное зрелище! Готовимся к самому худшему.

му. Мы пролетаем над колонной бегущих на север, потом над артиллерийскими позициями. Пушки брошены, но не выведены из строя. Рядом лежат снаряды. Мы пролетаем еще какое-то расстояние и видим советские войска. Они обнаруживают, что румынские позиции перед ними никто не защищает.

Сбрасываем бомбы, стреляем из пушек и пулеметов, но что толку, если никто не оказывает сопротивления на земле. Мы охвачены слепой яростью, в голове рождаются ужасные предчувствия: как предотвратить эту катастрофу? Я стреляю из пулеметов в эти безбрежные желто-зеленые волны приближающихся войск, которые ринулись на нас из Азии и Монголии. У меня уже не осталось патронов, нечем даже защитить себя в случае атак истребителей. Быстро назад, заправиться и пополнить боеприпасы. Против этих орд наши атаки — что капля в море, но я не склонен думать сейчас об этом.

На обратном пути снова видим бегущих румын. Им повезло, что у меня кончились боеприпасы и нечем остановить их трусливый бег. Они побросали все: свои плохо защищаемые позиции, тяжелую артиллерию, склады боеприпасов. Их трусость наверняка приведет к катастрофе для всего фронта. Не встречая сопротивления, советское наступление катится дальше, на Калач. Если Советы захватят Калач, они могут сомкнуть кольцо вокруг захваченной ими части Сталинграда.

В пределах города наша 6-я армия удерживает свои позиции. Под градом массированного артиллерийского огня она отражает атаки красных, волну за волной. 6-я армия буквально «истекает кровью», она сражается прижатой к рассыпающейся на куски стене и продолжает наносить ответные удары. Южнее Сталинграда фронт идет вдоль цепочки озер, вытянувшейся с севера на юг, а затем по степи. В этом океане равнин нет ни одного островка на сотни километров вплоть до небольшой Элисты.

Немецкая мотопехотная дивизия, занимающая город, контролирует эти необозримые степные пространства. Наши союзники закрывают также разрыв между этой

дивизией и 6-й армией в Сталинграде. Красная Армия подозревает, что здесь наш фронт ослаблен, особенно в северной части озерного района. И Советы решают прорваться здесь, в западном направлении. Они пытаются выйти к Дону! Еще пара дней, и русские выходят к реке. Прорыв красных образует брешь в наших линиях, они пытаются выйти к Калачу на Дону. Это означает смертельный приговор для 6-й армии. Две атакующие группировки русских соединяются в Калаче, и кольцо вокруг Сталинграда замыкается. Все происходит обескураживающе быстро. Наши резервы ошеломлены действиями русских и попали в их клещи, как в ловушку. Во время этой фазы один акт анонимного героизма сменяет другой. Ни одна немецкая часть не сдается, пока не выпустит последнюю пулю, не бросит последнюю гранату, не продолжит бой до горького конца.

Мы летаем над котлом во всех направлениях, там, где наиболее угрожающая ситуация. Сохраняется советское давление на 6-ю армию, но немецкий солдат держится твердо. Где бы ни возникала угроза прорыва, она тут же блокируется, и контратаки отбрасывают противника назад. Наши товарищи делают невозможное, чтобы предупредить прорыв. Они удерживают позиции, уже зная, что путей к отступлению нет из-за трусости и предательства, которые наруку Красной Армии. Наш аэродром часто становится мишенью для атак советских самолетов, нападающих с малой и большой высоты. Однако по сравнению с усилиями, которые они затрачивают, наш ущерб очень мал. Но сейчас у нас так мало бомб, боеприпасов и горючего, что становится неблагоприятным держать все эскадрильи в пределах «котла». Все самолеты улетают несколькими группами по очереди, и после нашего отлета воздушной поддержки с этого аэродрома уже не будет. Специальная группа под командованием Юнгклаузена остается в котле, чтобы обеспечивать поддержку, пока она еще способна подниматься в воздух, ожесточенно атакуемой 6-й армией. Весь остальной персонал летит из «котла» в Обливскую, в 150 километрах к западу от Сталинграда.

Довольно сильные немецкие силы идут в атаку со стороны Сальска во взаимодействии с двумя только что прибывшими бронетанковыми дивизиями, которые были сняты с фронта. Мы знаем, что это хорошо отдохнувшие элитные части. Атака начинается в северо-восточном направлении — необходимо восстановить прерванное сообщение со Сталинградом и тем самым вызволить из окружения 6-ю армию. Мы поддерживаем эту операцию, летая от восхода солнца до наступления темноты. Она должна увенчаться успехом, окруженные дивизии должны быть освобождены. Наступление развивается успешно. Вскоре наши товарищи захватывают Абганерово в каких-нибудь 30 километрах к югу от «котла». В тяжелых боях они прошли более 60 километров.

Несмотря на усиливающееся сопротивление, мы продолжаем наступать. Если сейчас 6-я армия смогла бы оказывать давление изнутри на южную стенку котла, операция ускорила бы и упростилась. Но армия вряд ли способна сделать это, даже несмотря на приказ: 6-я армия физически истощена. Только железная решимость солдат заставляет ее продолжать сопротивление.

Разложение окруженной армии еще более усугубляется нехваткой самого необходимого. Сейчас там не хватает еды, боеприпасов и горючего. Температура обычно 20—30 градусов ниже нуля. Шанс прорыва из кольца зависит от успешных поставок хотя бы минимума припасов в «котел». Но бог погоды явно на стороне врага. Длительная непогода не дает нам возможности доставить припасы. В предыдущих битвах в России операции по разблокированию «котлов» всегда оказывались успешными. Но на этот раз только небольшая доля незаменимых припасов может помочь достичь цели. Позднее возникают трудности и с посадкой, и мы вынуждены сбрасывать грузы на парашютах, часть которых пропадала. Несмотря на это, мы доставляем грузы даже в метель, но в этих условиях некоторая часть ценного груза попадает в руки «иванов».

Другое несчастье приходит с новостями о том, что Советы пробили гигантскую брешь на участке фронта к югу от нас, который удерживается нашими союзниками. Если

этому прорыву не помешать, он может стать катастрофическим для всего южного фронта. Наличных ресурсов нет. Прорыв должен быть предупрежден. Ударная группа, намеревающаяся пробиться к Сталинграду с юга, — единственная, имеющаяся в распоряжении. Наиболее боеспособные части из нее направлены в опасную зону. Мы ежедневно летаем над немецкими атакующими войсками и знаем силу сопротивления противника. Мы знаем также, что эти немецкие дивизии могли бы дойти до «котла» и освободить тех, кто оказался там в окружении.

Поскольку наступательный потенциал ослаблен, все кончено. Слишком поздно выводить из окружения 6-ю армию, ее трагический конец неизбежен. Решение остановить наступление на Сталинград должно стать жестоким ударом, слабые остатки этих сил не в состоянии сделать это самостоятельно. В двух решающих местах наши союзники поддались давлению русских.

Не по вине немецкого солдата погибла 6-я армия, вместе с ней оставлен Сталинград, а вместе со Сталинградом — надежда на уничтожение ударных сил Красной Армии.

Глава 8

Отступление

Юнгклаузен только что истратил весь запас бомб и горючего и вернулся в полк. Он проделал отличную работу в трудной ситуации, но даже здесь, в Обливской, условия, в которых он нашел нас, можно назвать повсякому, но только не состоянием покоя. Однажды утром на дальнем краю аэродрома слышится ружейная стрельба. Как обнаружилось позже, наземный персонал другой части вступил в бой с регулярными советскими частями. Метеорологи объявляют тревогу, пуская в воздух красные ракеты. Я немедленно взлетаю вместе с эскадрилей и рядом с аэродромом вижу лошадей и спешившихся всадников — это «иваны». Севернее нас — неисчислимое множество лошадей, людей и военного снаряжения. Не надо много времени, чтобы понять: русская кавалерийская дивизия наступает, и нет никого, кто мог бы ее остановить. К северу от нас еще нет сплошного фронта, так что Советы просочились незамеченными через снова появившийся разрыв. Их главные силы находятся на расстоянии четырех-пяти километров от нашего аэродрома, а их передовые части уже подошли к нему вплотную. В этом районе нет наземных войск, следовательно, положение чрезвычайно опасное. Первое, что нам нужно сделать, — уничтожить их артиллерию бомбами и пушечным огнем, прежде чем они смогут занять позиции, потом мы атакуем все остальное. Спешившиеся кавалеристы движутся медленно и теряют свою эффективность. У нас поэтому нет иного выбора, кроме как перестрелять всех лошадей.

Мы взлетаем и садимся без перерывов, лихорадочно торопимся. Если мы не сотрем их с лица земли до захода

солнца, наш аэродром окажется под угрозой ночного нападения.

После полудня видим несколько советских танков. Они идут на полной скорости в направлении к аэродрому. Мы должны их уничтожить, в противном случае все пропало. Мы сбрасываем на них бомбы, они маневрируют, чтобы их избежать. Необходимость защитить себя дает нам точность, какой мы никогда раньше не достигали. После атаки набираем высоту и возвращаемся на аэродром самым коротким путем, удовлетворенные проделанной работой и успехом наших оборонительных мер. Неожиданно прямо перед собой я вижу... справа, на краю летного поля... просто невероятно! Последний советский танк избежал суматохи, вызванной нашей бомбежкой, и намеревается выполнить свою задачу. Он один может расстрелять и сжечь все самолеты, стоящие на земле. Я пикирую, и хорошо направленная бомба попадает в цель, уничтожив танк в нескольких метрах от взлетной полосы.

Вечером совершаю семнадцатый вылет за этот день. Мы внимательно глядим на поле боя. Здесь тихо, все стерто с лица земли. Сегодня ночью мы можем спать, ни о чем не беспокоясь. Во время последних вылетов наши зенитки оставили свои позиции и сформировали нечто вроде защитного экрана на краю аэродрома на случай, если каким-нибудь оставшимся в живых «иванам» ночью взбредет в голову бежать не в ту сторону. Думаю, что это маловероятно. Немногие уцелевшие будут скорее докладывать в каком-нибудь штабе, что их кавалерийская дивизия уже не вернется и должна быть списана.

Незадолго перед Рождеством мы стоим в Морозовске, чуть дальше к западу. Здесь с нами происходит почти то же самое. «Иван» прячется в нескольких километрах от аэродрома, в Урюпинске. Погода мешает полетам. Мы не хотим, чтобы «иван» атаковал нас ночью, когда мы не можем нанести ответный удар с воздуха. 24 декабря мы должны в любом случае перелететь на другой аэродром юго-восточнее. Все та же плохая погода заставляет нас во время полета повернуть обратно и провести Рождество в Морозовске. В рождественскую ночь мы знаем,

что наша охрана может поднять тревогу в любой момент. В этом случае нам придется защищать аэродром и самолеты. Никто не чувствует себя в полной безопасности, кто-то лучше скрывает свои чувства, кто-то — хуже. Хотя мы поем рождественские песни, нет атмосферы настоящего праздника.

На следующий день узнаем, что в рождественскую ночь Советы захватили соседний аэродром в Тацинской, в 50 километрах к западу, где расположена наша транспортная эскадрилья. Советы проявляют небывалую жестокость: тела некоторых наших товарищей страшно изуродованы, с выколотыми глазами, отрезанными ушами и носами.

Сейчас мы видим сталинградскую катастрофу в полном объеме. В течение рождественской недели атакуем советские силы севернее Тацинской и около нашего аэродрома. Постепенно подтягиваются из тылов боеспособные соединения Люфтваффе и из резервистов формируются свежие наземные части, которые прикрывают наши аэродромы. Оптимисты могут назвать это фронтом, но эти части не могут драться по-настоящему, пока не подкреплены испытанными регулярными войсками, способными переломить ситуацию. Впереди много трудностей, и нужна импровизация. В новой ситуации мы уже не способны оказывать поддержку фронту на реке Чир, в районе Нижнего Чира и Сурувикина.

Этот фронт — первый только что созданный барьер, тянущийся с востока на запад, против противника, атакующего с севера. Местность здесь совершенно плоская, никаких естественных препятствий нет. Вокруг расстилается только степь. Единственное укрытие — так называемые балки, или овраги, метров в десять глубиной. Они относительно широкие, и в них можно укрыть машины, но только если их ставить одну за другой. Вся эта степная страна простирается на сотни километров от Ростова до Сталинграда. Если врага не удалось накрыть на марше, его всегда можно найти в таких потайных местах.

В ясную холодную погоду утром часто стоит туман. Как только он рассеивается, мы поднимаемся в воздух. Во время одного из полетов к Чире мы уже легли на

обратный курс, когда туман внезапно сгустился. Я тут же приземлился вместе со всей эскадрильей на большом поле. наших войск здесь не видно. Хеншель отправляется с несколькими бортстрелками на разведку. Через три часа они возвращаются — они смогли найти нас, только крича во все горло. Я едва вижу на расстоянии вытянутой руки. Незадолго перед полуднем туман немного рассеивается, и вскоре мы успешно приземляемся на нашем аэродроме.

Январь проходит быстро. Прежде чем перебазироваться в Шахты, мы временно размещаем нашу штаб-квартиру в Тацинской. Вылетаем отсюда в основном атаковать те вражеские силы, которые угрожают району Донца. Для боевых вылетов дальше к северу моя эскадрилья использует аэродром в Ворошиловграде. Отсюда недалеко до Донца, легче бороться с возможными попытками противника организовать переправу. Из-за непрекращающихся вылетов и сильных боев под Сталинградом резко уменьшается число самолетов, которые мы способны поднять днем в воздух. Во всей эскадрилье из самолетов можно сформировать одну сильную группу. Вылеты одновременно на несколько целей редко не дают результата, и мы летаем одной группой, руководство которой обычно возлагают на меня. В районе Донца много промышленных объектов, в основном шахт. Если Советам удастся здесь закрепиться, их потом почти невозможно выбить. Здесь они могут найти хорошие укрытия и маскироваться. Атаки на малой высоте среди труб и терриконов имеют обычно лишь ограниченный успех: пилотам приходится уделять слишком много внимания разным препятствиям, и они не могут сконцентрироваться на своем задании.

Один из этих дней — день рождения Ниермана и Кюфнера.

Северо-западнее Каменска мы обнаруживаем врага, в частности танки. Часть самолетов отделяется от строя. На хвост самолета Кюфнера и Ниермана садится Ла-5. Я предупреждаю их об опасности, но Ниерманн переспрашивает: «Где?». Он не видит вражеского истребителя, потому что тот зашел сзади и уже открыл огонь с близкого рас-

стояния. Я немедленно поворачиваю обратно, хотя и без особой надежды успеть вовремя. В долю секунды я сбиваю врага, прежде чем тот успевает сообразить, что происходит. Потом Ниерман уже не утверждал, что всегда способен заметить любой истребитель.

Такое «празднование» дня рождения обычно проходит очень весело, и часто кого-нибудь разыгрывают. Так и на этот раз. С нами сидит наш врач. Наши летчики говорят, что он не может выдержать «грохота стрельбы». Рано утром Юнгклаузен идет к телефону и поднимает доктора прямо с постели. Юнгклаузен изображает из себя начальника медицинского корпуса: «Немедленно собирайтесь, полетите в «котел». — «Простите, не расслышал?» — «Немедленно собирайтесь, полетите в сталинградский «котел». — «Я не понимаю». Доктор живет этажом ниже, и мы удивляемся, почему он не слышит громкого голоса Юнгклаузена, доносящегося из комнаты наверху. Должно быть, он слишком взволнован: «Знаете, у меня сердце большое». — «Это не подлежит обсуждению. Приказываю вам отправляться в котел немедленно». — «Но меня недавно оперировали. Нельзя ли послать кого-нибудь другого?» — «Вы это серьезно? Не могу поверить, что вы отказываетесь выполнить этот приказ. В какой же дрянной ситуации мы оказались, если не можем даже на вас рассчитывать!»

Мы покатываемся от хохота. На следующий день доктор бегает кругами, но клянется любому, кто его слушает, что, возможно, и ему придется выполнить крайне опасное задание. Через несколько дней ему открывают карты, и он подает рапорт о переводе в другую часть. Лучше для него, лучше и для нас.

В эти дни на короткое время мы используем аэродром в Ровенках и затем перемещаемся в Горловку, недалеко от города Сталино, промышленного центра Донбасса. Сильные метели мешают вылетам, подъем эскадрильи в воздух требует всегда много времени.

В качестве замены к нам посылают Швирблатта, и свой первый боевой вылет он совершает со мной в район Артемовска. Я взлетаю чуть раньше, потому что у него явные

проблемы с разбегом по снегу. Затем, после взлета, вместо того чтобы держаться ко мне поближе, он следует за мной на большом расстоянии. Несколько Ла-5 режутся вокруг него, используют его самолет для тренировки в стрельбе на меткость. Просто чудо, что его еще не сбили. Он летит по прямой, не пытаясь уклониться, очевидно, думает, что все так и должно быть. Мне приходится повернуть и идти за ним, после чего истребители исчезают. После посадки он обнаруживает пулевые отверстия в фюзеляже и в хвосте: «Досталось мне от зениток! Наверное, это зенитки, потому что я не видел ни одного истребителя». Я отвечаю с ноткой сарказма: «Должен горячо поздравить вас с отличным задним стрелком, который, наверное, вознамерился ничего не замечать, даже то, что русские истребители использовали его для тренировки в меткости стрельбы».

Однако потом Швирблатт показывает себя с самой лучшей стороны. Все говорят о нем как о моей тени: когда мы летим вместе, он висит сзади, как приклеенный. Кроме того, он присоединяется ко мне во всех моих спортивных делах с тем же напором, не курит, не пьет. Проходит совсем немного времени, и он предоставляет доказательства своего летного мастерства. Он почти всегда летает моим ведомым, и мы часто отправляемся на задание вдвоем. Нам не удается отдохнуть, потому что Советы пытаются прорваться на запад через дорогу, соединяющую Константиновку и Краматорск, в направлении Славянска, к северу от нас. Во время одной из атак я совершаю 1000-й боевой вылет. Мои товарищи поздравляют меня.

Несмотря на мое упрямство, 1001-й боевой вылет оказался последним — на следующие несколько месяцев я получаю новое задание.

«Штука» против танка

Я должен ехать домой на побывку, но решаю сначала лететь в Берлин, чтобы выяснить, куда собираются меня направить. Меня ожидает особое задание, поэтому я должен прибыть в департамент Министерства авиации. Знаю: единственной причиной нового назначения является большое количество моих боевых вылетов. Но в Берлине никто ничего не знает. В таком случае я немедленно вернусь на фронт. Скорее всего мое начальство просто ошиблось.

Однако в министерстве и департаментах возможность ошибки отрицают в принципе. После долгих телефонных переговоров мне приказывают следовать по окончании моего отпуска в Рехлин, где проводятся эксперименты по применению противотанкового оружия с самолетов. Они ведутся под руководством капитана Штеппе, моего старого знакомого. Потом мне придется лететь в Брянск, чтобы проверить теорию практикой. Это обнадеживает, но даже испытания нового оружия — все же не участие в боевых действиях. Меня поздравляют с присвоением звания капитана.

Следующие четыре дня я провожу, катаясь на лыжах в местечке Санкт-Антон. Здесь проходят большие лыжные соревнования. Как активный участник и старший по званию офицер я становлюсь капитаном команды Люфт-ваффе. В состав этой команды включены также такие асы, как Йеневайн, Пфайфер, Габель и Шулер. Мы отлично проводим время, и к концу двух недель мои «батарейки» снова подзаряжены.

Мне не хочется ехать в Рехлин. Уж лучше лететь прямо в Брянск, где находится экспериментальный противотанковый

танковый авиаотряд и идут предварительные испытания. Здесь испытывают Ю-87 с 75-миллиметровой пушкой, установленной под пилотским сидением, и Ю-87, на которых я летал, оснащенные зенитными 37-миллиметровыми пушками под крыльями. Они стреляют снарядами с вольфрамовым сердечником, способным пробить броню любой толщины. Эти снаряды взрываются, только насквозь пробив броню. Ю-87, который и так не отличается высокой скоростью, после установки этих пушек становится еще медленнее и тяжелее. Его маневренность резко снижается, а посадочная скорость существенно возрастает. Но выгоды от использования такого вооружения перевешивают ухудшение летных качеств самолета.

Эксперименты с Ю-87, вооруженными пушкой большого калибра, вскоре прекращены: обнаруженные проблемы слишком серьезны и не оставляют надежды на успех. Первый боевой вылет, предпринятый Ю-87, сопровождается потерями. Начальство относится к идее скептически. Но на меня производит впечатление возможность попадания в цель с точностью до 20—30 сантиметров. Раз такой точности можно достигнуть, значит, летчик будет способен поразить более уязвимые части танка, если только сумеет подойти достаточно близко. Мы учимся безошибочно распознавать различные типы русских танков и узнаем, где находятся их наиболее уязвимые части: двигатель, баки с горючим, боеприпасы. Попадание в танк еще не означает его уничтожение, необходимо попасть в определенное место (например, в топливный бак или боеприпасы) зажигательным или взрывным снарядом.

Проходят две недели. Затем министерство пожелало знать, готовы ли мы к немедленному вылету в Крым. Советы напирают и здесь, у нас есть более широкое и лучшее поле для практической проверки наших теорий.

В условиях стабилизировавшегося фронта с сильной противоздушной обороной летать на небольшой высоте и затем открывать огонь, находясь в нескольких метрах над землей, почти невозможно. Мы знаем это, потому что наши потери перевешивают положительные результаты. Мы сможем использовать оружие только там, где фронт

и средства противовоздушной обороны находятся в движении. Гауптман Штеппе остается в Брянске и присоединится к нам позже. Вместе со всеми пригодными к полетам самолетами я лечу через Конотоп и Николаев в Керчь на Крымском полуострове. В Керчи снова встречаюсь со своей частью. Вижу лица старых друзей, но жалею, что не могу летать вместе с ними. Они бомбят плацдарм у Крымска, за который идут тяжелые бои. Друзья рассказывают мне, что прорвавшиеся советские танки находятся уже в нескольких километрах от прежней линии фронта. Это означает, следовательно, что нам нужно атаковать, хотя их все еще прикрывает стационарная и потому мощная зенитная оборона на передовых позициях русских.

Средства противовоздушной обороны сконцентрированы на небольшом пространстве. После того как окончились бои за нефтяные месторождения, находящиеся недалеко от Каспийского моря, практически вся зенитная артиллерия противника была переведена из этих районов и сконцентрирована на нашем участке. Ее перебросили на фронт по маршруту Моздок—Пятигорск—Армавир—Краснодар. В один из первых дней после нашего прибытия мы провели первое испытание противотанковых пушек южнее Крымска. Прорвавшиеся танки находятся в 700 метрах от русских позиций. Мы сразу же обнаруживаем их и горим желанием увидеть, что тут можно предпринять. Оказывается, очень немного. Пролетая над линией фронта, я получаю прямое попадание зенитного снаряда. Другим самолетам приходится не лучше. В дополнение ко всему на сцене появляются вражеские истребители — «Спитфайры» старых серий. Я впервые встречаюсь с самолетами этого типа в России. Один из наших молодых пилотов подбит и совершает вынужденную посадку прямо на виноградник. Вечером того же дня он возвращается домой с руками, полными фруктов, и с расстройством желудка.

После такого начала и скромных результатов первого нашего испытания все выглядит в не слишком розовых тонах. Нам выражают соболезнование, где бы мы ни появлялись, и даже те, кто относится к нам с симпатией, считают, что жить нам осталось недолго. Чем сильнее огонь

зениток, тем быстрее совершенствуется тактика. Становится очевидным: мы всегда должны иметь бомбы, для того чтобы подавить вражескую оборону. Но самолеты с противотанковыми пушками не могут нести еще и бомбы — они становятся слишком тяжелыми. Кроме того, Ю-87, оснащенный пушками, не может пикировать, потому что нагрузка на крылья становится слишком большой. Практическое решение, следовательно, — иметь эскорт из обычных «Штук».

Новое советское наступление дает нам возможность проверить эти идеи на практике. К северо-востоку от Темрюка Советы собираются прорвать фронт на Кубани. Они начинают переправлять части двух дивизий через море в надежде, что этот маневр приведет к крушению нашего фронта на Кубани. У нас остались только изолированные опорные пункты с очень ненадежными линиями снабжения, которые удерживают плавни к северо-востоку от Темрюка. Естественно, их ударная мощь ограничена, и им не удастся пресечь эту новую операцию русских.

Наша разведка подтверждает присутствие большого количества лодок в Ейском лимане и в районе Ахтарска. Они подвергаются атакам наших «Штук». Но цели такие маленькие, а лодок так много, что эти атаки сами по себе не могут заставить русских отказаться от их плана. Они снуют по заливам днем и ночью. Общее расстояние, которое им приходится покрывать в одну сторону, составляет около 45 километров. Озера соединены узкими протоками. Русские подходят к Темрюку все ближе и ближе, высаживаясь в глубоком тылу нашего фронта. Временами они делают паузу, чтобы передохнуть под прикрытием камышовых зарослей. Когда они прячутся, их очень трудно обнаружить и распознать. Но если они хотят возобновить свое продвижение, то вновь должны пускаться в плавание по открытой воде. Мы находимся в воздухе весь день, рыская над водой и камышовыми зарослями в поисках лодок. «Иваны» использует самые примитивные суденышки, лодки с моторами попадают редко. Помимо винтовок они везут ручные гранаты и пулеметы. В маленьких лодках обычно находятся 5—7 человек, в лодках поболь-

ше — до двадцати. В атаках на эти лодки мы не используем наше специальное противотанковое оружие, поскольку его высокая поражающая способность здесь просто не нужна. С другой стороны, оружие должно разбивать деревянные корпуса лодок — так с ними покончить быстрее всего. Обычные зенитные снаряды с подходящими взрывателями оказываются наиболее практичными. Все, что пытается проскользнуть по воде, обречено.

Потери «иванов» в лодках должны быть серьезными. Только я один всего за несколько дней уничтожаю семьдесят лодок. Постепенно оборона красных усиливается, но это нас не останавливает. Капитан Руффер, отличный стрелок из соседней противотанковой эскадрильи, летающей на Хе-129, сбит и живет какое-то время на островке посредине залива, как Робинзон Крузо. Ему везет — его спас взвод немецкой пехоты.

Вскоре Советы понимают, что им придется отказаться от своих планов, поскольку с такими потерями успеха не достигнуть.

Кажется, 10 мая получаю известие, что фюрер наградил меня Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту и я немедленно должен прибыть в Берлин. На следующее утро вместо обычных экскурсий над плавнями я лечу в Берлин на Ме-109. В пути я строю планы кампании по своему немедленному возвращению в часть. В рейхсканцелярии узнаю от подполковника фон Белова, адъютанта фюрера от Люфтваффе, что я должен получить награду вместе с двенадцатью другими солдатами. Они принадлежат к различным родам войск и имеют разные звания. Я говорю фон Белову, что хочу объяснить фюреру: мне надоело числиться на вторых ролях в экспериментальной части, и я прошу вновь перевести меня на должность командира моей прежней эскадрильи в авиаполк «Иммельман». Только на этих условиях я приму награду. Я ничего не говорю о тех шагах, которые предпринял, направляя записки в Министерство авиации.

Незадолго до доклада фюреру фон Белов приносит мне радостную весть: ему удалось обо всем договориться. Я возвращаюсь в свою старую эскадрилью с условием, что

продолжу изучение пригодности экспериментального самолета. Я охотно соглашаюсь, и только теперь награда делает меня поистине счастливым.

Фюрер прикалывает медаль мне на грудь. Он говорит с нами около часа о военной ситуации, о былом, настоящем и планах на будущее. Мы все, прибывшие с фронта, изумлены его безошибочными суждениями о ситуации. Фюрер не винит немецкого солдата на фронте. Он видит вещи точно такими же, как и мы, словно сам их пережил. Он полон идей и планов и абсолютно уверен в себе. Вновь и вновь подчеркивает, что мы должны одержать победу над большевизмом, иначе мир погрузится в ужасающий хаос, из которого никогда не сможет выбраться. Следовательно, большевизм должен быть уничтожен, пусть даже сейчас западные союзники и отказываются понимать, насколько губительна для них и остального мира их политика.

Фюрер излучает хладнокровие, которое передается и нам. Каждый из нас возвращается обратно обновленным.

Через два дня я уже в своей части, базирующейся в Керчи, и принимаю командование своей эскадрильей.

На Кубани и под Белгородом

Я взял с собой оснащенные пушками самолеты и знакомлю эскадрилью с новыми машинами. При любой возможности применения экспериментальных самолетов они вылетают вместе с моими. Позже из них образуют отдельную противотанковую эскадрилью, которая действует независимо, но в боевых действиях она остается под моим командованием. За нами следуют другие самолеты, оставшиеся в Брянске. Капитан Штеппе тоже возвращается в свою часть.

Для бомбардировщиков «Штука» полно работы, потому что Советы переправились через Черное море и высадились в тылу нашего фронта. Они захватили плацдарм на холмистом побережье к востоку и к юго-западу от Новороссийска. Мы часто вылетаем для атаки на него. Подкрепления и снаряжение продолжают прибывать к противнику на десантных баржах. Противовоздушная оборона свирепствует с той же силой, как и над другими критически важными пунктами кубанского плацдарма. Многие из моих товарищей совершают здесь свой последний полет. Мой командир выбрасывается с парашютом над плацдармом, ему везет, и ветер относит его за наши окопы. Мы летаем взад и вперед между плацдармом и Крымском. Обычно я вместе со своими самолетами пикирую почти до земли, а затем ухожу на низкой высоте над морем или над плавнями дальше к северу, где вражеская оборона слабее. При сбрасывании бомб с небольшой высоты повышается точность бомбежки, а кроме того, оборона противника еще не приспособилась к нашей тактике ударов с малых высот.

Если зенитки открывают огонь, когда мы приближаемся к Крымску, пролетая над равниной с посадками таба-

ка, многие новые экипажи становятся излишне многословными, но быстро успокаиваются, когда слышат, как «старики» смеются по радио над какой-либо шуткой или куплетом из песенки. Кто-то кричит: «Максимиллиан опять не в себе!». Это относится к командиру 2-й эскадрильи: он имеет привычку подолгу кружить в разрывах зенитных снарядов, вечно медля с пикированием, так что летящие за ним самолеты теряют ориентировку. Уверенность в себе и хладнокровие вскоре передаются и новичкам. Я часто делаю петлю, бочку или какой-нибудь другой трюк, а потом гадаю, что думают в этот момент зенитчики. Наверное, полагают, что мне захотелось порезвиться и поиграть с ними в какую-то игру?

Погода не препятствует боевым вылетам. Почти всегда небо ярко-голубое, солнечно. Когда вылетов нет, мы отправляемся искупаться в море, в Азовском или в Черном, в этих местах много великолепных пляжей. Если Швирблатту и мне хочется понырять, мы отправляемся в керченскую бухту, где есть портовые краны и пирсы достаточной высоты.

Аэродром в Керчи забит самолетами, и мы базируемся теперь около Керчи, в Багерове, в десяти километрах к западу, размещаемся в колхозе. Здесь много леса, и вскоре мы строим себе барак для столовой. Горючего мало, и сейчас мы летаем, только если это абсолютно необходимо. Таким образом, в эти недели у нас много свободного времени, которое каждый проводит, как хочет. Я и Швирблатт бегаем по десять километров почти каждый день, и вскоре мы уже хорошо знакомы со всей этой местностью не только с воздуха.

Каждую ночь нас навещают советские Пе-2 и старые ДБ-3. Они бомбят в основном железнодорожную станцию, порт и аэродром в Керчи-IV. Здесь у нас есть зенитные орудия, а иногда на охоту вылетают несколько ночных истребителей. Мы обычно видим, как русские летают туда и обратно, почти всякий раз кто-то из них падает вниз, объятый пламенем. Наши противники не очень искусны в ночных схватках. Им явно необходимо больше практиковаться. Иногда им просто везет. Однажды бомба попадает

в поезд с боеприпасами, стоящий на подъездных путях. В течение многих часов вспышки озаряют ночное небо призрачным светом, земля дрожит от взрывов. Вскоре их рейды становятся привычной частью нашего распорядка дня. Мы остаемся в постелях и спим, иначе недосыпание скажется на наших полетах на следующий день, а это может привести к беде.

Стоят последние дни июня, и время нашего пребывания в Крыму подходит к концу. Министр Шпеер находится в Керчи в связи с обширным строительным проектом и наносит нам визит на обратном пути. Одновременно нашу часть посещает японская делегация.

Купфер, командир «Иммельмана», отмечает свой день рождения — существенный повод для устройства праздника. Прекрасный сад при летней штаб-квартире полка оживляет веселая музыка, но армейский оркестр немного фальшивит. Играет подряд все, что ни потребуют. У каждого свой выбор. В такие часы каждый забывает о том, что дом далеко, а война продолжается. Мы все переносимся во времени и пространстве в невидимый мир красоты и мира, в котором нет ни Крымска, ни плацдарма, ни бомб, ни страданий. Такие часы отдыха и мечтаний согревают наши души.

К началу июля давление Советов ослабевает, и немецкий фронт стабилизируется. Нам так и не удастся приступить к устройству обогрева в нашем бараке: 4 июля мы получаем срочный приказ перемещаться. Никто не знает точно, куда мы направляемся. Сегодня мы должны лететь в Мелитополь, где получим приказ на завтрашний день. Мы летим на север над голубой водой.

Мелитополь — большой транспортный узел далеко за линией фронта. Аэродром занят бомбардировочными частями, оснащенными Хе-111. Наши коллеги сообщают нам, что сегодня немецкая балетная группа, в составе которой десять прелестных девушек 18—20 лет, дает единственное представление. В мгновение ока все самолеты укрыты и приготовлены для завтрашнего вылета. Купидон оснащает всех крыльями. Вид хорошеньких немецких девушек после столь длительного перерыва не может не приобод-

ритель сердце любого солдата на Восточном фронте, и старшего и молодого. Наш закоренелый весельчак лейтенант Якель срывает все цветы перед входом в театр в надежде предложить их девушкам в качестве букетов. Стараясь поддержать честь своих полков, армейцы тоже не собираются уступать свои позиции, и все мы вовлечены в острейшее соревнование с ними. Я не вполне уверен, устоим ли мы перед женским обаянием. Ведь после нескольких лет, проведенных в России, любая девушка покажется нам более или менее привлекательной. Швирблатт тоже сомневается. Наконец, он говорит, что нам лучше отправиться на нашу обычную десятикилометровую пробежку, тогда нам удастся избежать всех этих сомнений.

Утром моторы вновь поют свою знакомую песню. Сейчас мы знаем место нашего назначения — Харьков. Приземляемся на аэродроме севернее города и размещаемся неподалеку на постой. Город сам по себе производит неплохое впечатление и, без сомнения, является одной из достопримечательностей советской России, каких немного. Высотный дом на Красной площади — типичный образчик советской архитектуры. Даже поврежденный, он все еще остается объектом гордости «ивана». Другие красивые здания построены еще во времена царской России. В городе есть парки, обширная сеть бульваров, театр и много кинотеатров.

На следующее утро, как только рассветает, мы взлетаем и идем в направлении Белгорода, нашей операционной зоны в течение нескольких недель. На земле мы встречаем старых знакомых по Восточному фронту — ударные дивизии, для поддержки которых мы рады летать. Мы знаем, что скоро перейдем в наступление и у нас не будет неприятных сюрпризов. Помимо бронетанковых дивизий, на фронте находятся дивизии СС «Мертвая голова» и «Великая Германия». Цель наступления — удар в направлении Курска, занятого крупными советскими силами. Мы должны ударить по диагонали в основание сделанного ими выступа, который простирается в западном направлении до Конотопа и граничит на юге с районом Белгорода, а с северной части с открытой местностью южнее Орла.

В идеале можно было бы выйти на линию Орел—Белгород, но смогут ли добиться этого силы, брошенные в наступление? Мы находимся в воздухе с рассвета до заката, опережая наши танковые клинья, которые вскоре преодолевают 35 километров и выходят к Обояни.

Советская оборона сильна, особенно противовоздушная. В первое утро, приближаясь к Белгороду, я вижу слева от меня и выше строй Хе-111. Зенитные орудия открывают по ним огонь, один самолет взрывается в воздухе и разлетается на куски. Это зрелище ожесточит любого. Жертвы наших товарищей не должны быть напрасными. Потом мы атакуем позиции этих зенитных батарей. Во время атак на низкой высоте я часто бросаю взгляд на обломки сбитого «Хейнкеля», блестевшие на солнце. После полудня ко мне подходит один из офицеров Люфтваффе и сообщает, что днем убит мой двоюродный брат. Я говорю ему, что мой брат, должно быть, был сбит этим утром под Белгородом, находясь в Хе-111. Он удивляется, откуда я могу знать, как это произошло. Мой двоюродный брат — третий убитый в нашей семье; позже его отец, мой дядя, тоже пропадет без вести.

В следующие несколько недель наш полк получает серьезные удары. Погиб мой товарищ по тренировочной школе Вутка, командир восьмого звена. Погиб также лейтенант Шмидт, брат которого недавно погиб в воздушном бою над Сицилией. В случаях с Вуткой и Шмидтом не совсем ясно, когда взорвались их самолеты — на входе в пикирование или в момент сброса бомбы. Может быть, из-за какой-нибудь диверсии произошло короткое замыкание, которое и вызвало взрыв? Та же мысль приходит нам на ум и в других подобных случаях, но в тот момент, несмотря на самое тщательное расследование, мы не находим никаких веских доказательств.

Во время этих вылетов под нами бушуют грандиозные танковые битвы — картина, которую мы редко имели возможность видеть начиная с 1941 года. Массы танков рвутся навстречу друг другу по безлесным равнинам. Вражеские противотанковые орудия размещены в тылу и замаскированы. Иногда и сами танки зарыты в землю, осо-

бенно когда они не могут двигаться, но все еще способны вести огонь. Численно советских танков гораздо больше, но в качественном отношении превосходство наших танков и вооружения сразу же становится очевидным для всех. Впервые в больших количествах применяются наши «Тигры». Все наши танки стреляют гораздо быстрее, да и точность их стрельбы выше. Одна из причин этого — лучшее качество нашего оружия, но решающий фактор — более умелое его использование.

Самые опасные для наших танков — советские тяжелые и сверхтяжелые противотанковые орудия, которые установлены во всех ключевых пунктах на поле боя. Поскольку русские — мастера камуфляжа, заметить и нейтрализовать их противотанковые пушки очень трудно.

Видя эту массу танков, вспоминаю о своем самолете из экспериментального авиаотряда, вооруженном пушками, который я взял с собой из Крыма. Когда внизу столько вражеских танков, можно попытаться еще раз его проверить. Правда, зенитная оборона, прикрывающая советские танки, очень сильна, но я говорю себе, что обе группы находятся друг от друга на расстоянии 1—1,5 километров и, пока я не получил прямого попадания зенитного снаряда, всегда можно попытаться посадить поврежденный самолет за нашими танками. И вот я лечу в самолете, вооруженном противотанковыми пушками, а за мной — другие «Штуки» с обычными бомбами. Попытка сделана!

Во время первой атаки четыре танка взрываются от прямого попадания снарядов из моих пушек, к вечеру итоговый счет доходит до двенадцати. Мы все охвачены азартом преследования, рожденным великолепным чувством, что с каждым новым уничтоженным танком будет спасено много немецкой крови.

После первого дня у механиков полно дел, потому что почти все самолеты повреждены зенитным огнем. Жизнь такого самолета недолгая. Но главное в том, что дьявольское заклинивание снято, а имея новый самолет, мы обладаем оружием, которое может быть быстро размещено повсюду и способно успешно бороться с массой советских

танков. Это открытие воодушевляет всех нас. Для того чтобы обеспечить поступление новых экспериментальных самолетов, всем экипажам приказано немедленно присоединиться к нам. Так сформировалась противотанковая часть. В оперативном плане она находится под моим командованием.

Последующие дни и сражения дополняют картину, и нас не оставляет успех. Когда противотанковые самолеты идут в атаку, а бомбардировщики стремятся подавить наземную оборону русских, остальные кружат на низкой высоте, как наседка над своими цыплятами, чтобы защитить противотанковые самолеты от атак вражеских истребителей.

Понемногу я нахожу необходимые приемы. Новые умения приобретаются после того, как кто-нибудь пострадал. Мы теряем самолеты в слабо защищенных районах, потому что летаем на средней высоте в разгаре артиллерийской дуэли. Нам следует избегать воздушного пространства вдоль траектории полета снарядов, иначе существует опасность, что кого-нибудь собьют «случайно».

Через некоторое время Советам удастся довольно успешно отражать воздушные противотанковые атаки. При первой возможности они перемещают свои средства противовоздушной обороны вместе с передовыми танками. Танки снабжены дымовыми снарядами, чтобы создавать непроницаемый экран или имитировать возгорание в надежде, что преследователи оставят их в покое, полагая цель уже достигнутой. Опытные экипажи вскоре разгадывают этот трюк и больше не попадают на удочку русских. На самом деле загоревшийся танк пылает очень ярко, имитировать такое пламя слишком рискованно. Во многих случаях танк взрывается, как только пламя доходит до боеприпасов. Для нас крайне нежелательно, если взрыв происходит неожиданно и наш самолет находится на высоте 10—15 метров над танком. За последние несколько дней я дважды летел через завесу пламени и думал: «Ну на этот раз — все!». Но я пробивал огненную стену, появляясь целым и невредимым с другой стороны. Правда, выкрашенная зеленой камуфляжной краской обшивка моего

самолета обожжена, а осколки взорвавшегося танка испещрили ее пробоинами.

Иногда мы пикируем на стальных монстрах сзади, иногда сбоку. Выбираем небольшой угол атаки, чтобы не проходить низко над землей и не попасть в беду. Надо поразить танк в одно из его наиболее уязвимых мест. Передняя часть всегда лучше бронирована, поэтому каждый танк всегда старается повернуться «лицом» к противнику. Боковые части бронированы слабее. Но лучшая цель — корма. Здесь расположен двигатель, который необходимо охладить, корпус здесь наиболее тонкий. Для ускорения охлаждения в броне проделаны отверстия. Это хорошее место для прицеливания — ведь там, где двигатель, находится и горючее. Когда двигатель работает, танк легко распознать с воздуха по голубоватому дымку выхлопа. С боков на танке находятся баки с горючим и снаряды. Но здесь броня толще, чем сзади.

Русские танки часто везут на себе пехоту. Если мы действуем в секторах, где нас хорошо знают, пехотинцы прыгивают с танков на ходу, даже если те двигаются на полной скорости. Они думают, что пришел их час и мы вот-вот на них накинемся. А «иван» предпочитает встречать атаку, твердо стоя на земле.

Во второй половине июля сопротивление немецким дивизиям возрастает, им приходится преодолевать одно укрепление за другими, и темп наступления сильно замедляется. Мы совершаем вылеты каждый день, с утра до вечера, и поддерживаем атакующие клинья, которые продвигаются в северном направлении через реку Псел вдоль железной дороги, идущей к Белгороду. Однажды утром нас внезапно атакует большое количество бомбардировщиков Ил-2, которые приблизились к нашему аэродрому на малой высоте и не были вовремя обнаружены. Мы взлетаем во всех направлениях, чтобы убраться от аэродрома подальше, многие самолеты все еще вырываются на взлетную полосу. Чудесным образом ничего серьезного не происходит. Наши зенитные орудия открывают наисильнейший огонь, на который только способны, и это, по всей видимости, не воодушевляет «иванов». Мы ви-

дим, как обычные 20-миллиметровые зенитные снаряды отскакивают от брони русских штурмовиков. Только несколько мест уязвимы для этих снарядов, но бронейными снарядами можно сбивать и бронированных «иванов».

В это время мы неожиданно получаем приказ переместиться в Орел, на другую сторону курского выступа, где Советы перешли в наступление и угрожают отбить город. Через несколько часов мы прибываем на аэродром к северу от Орла. Ситуация вокруг него примерно соответствует тем слухам, которые до нас доходили еще в Харькове. Советы атакуют город с севера, востока и юга.

Наше наступление остановлено по всему фронту. Мы ясно понимаем, почему это случилось: сначала — высадка союзников на Сицилии, потом — путч против Муссолини, каждый раз наши лучшие дивизии должны были выводиться из боев и перебрасываться в другие места в Европе. Как часто мы говорим друг другу за эти недели: Советы должны быть благодарны только своим союзникам, что все еще существуют как военная сила!

Август — горячий для нас месяц во всех смыслах этого слова. На юге идет ожесточенная борьба за обладание Кромками. Во время одной из наших первых атак в этом районе, нацеленных на мост в городе, со мной происходит удивительная вещь. В момент, когда я вхожу в пике, русский танк въезжает на мост. Полутонная бомба, нацеленная в мост, попадает в него, когда он проходит полпути. В результате и танк, и мост разлетаются на куски.

Оборона здесь необычно сильна. Спустя несколько дней в районе Болхова я получаю прямое попадание в двигатель. Осколки летят мне прямо в лицо. Вначале я думаю, что пора прыгать с парашютом, но кто знает, куда меня отнесет ветер. Очень мало надежд достигнуть земли в целости и сохранности, особенно когда в этом районе кружат «Яки». Тем не менее мне удастся сделать вынужденную посадку с заглушим двигателем прямо у немецкого переднего края. Пехотная часть, занимающая этот участок, через пару часов доставляет меня на наш аэродром.

Я немедленно вылетаю в тот же район. Странное чувство — возвращаться туда, где тебя только что сбили. Но

Ганс-Ульрих Рудель.

Ганс-Ульрих вместе со своими сестрами Йоханной (справа) и Ингеборгой (слева).

Семья Руделей во время празднования золотой свадьбы бабушки и дедушки Ганса-Ульриха — школьных учителей Германа и Марии Рудель (сидят в центре в первом ряду). Родители Руделя и его сестра Йоханна — крайние справа во втором ряду. Ганс-Ульрих с Ингеборгой — справа в третьем ряду.

*Ганс-Ульрих и его мать
фрау Марта. 1927 г.*

*Ганс-Ульрих Рудель в
возрасте 12 лет. 1928 г.*

*Курсант Рудель в кабине
учебного биплана ФВ-44. 1937 г.*

*Ганс-Ульрих Рудель.
Алт-Кохлфурт, осень 1936 г.*

*Лейтенант Рудель перед воздушной разведкой
над территорией Польши. Сентябрь 1939 г.*

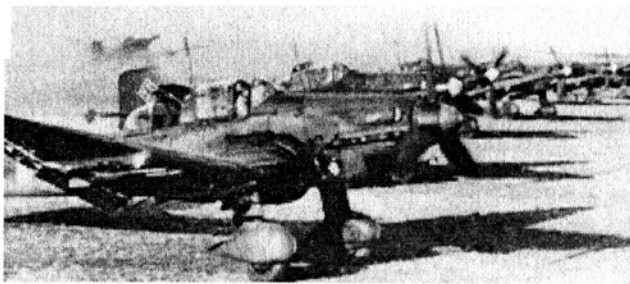
*Обер-лейтенант Рудель
на аэродроме Молаой.
Полуостров Пелопоннес,
Греция, весна 1941 г.*

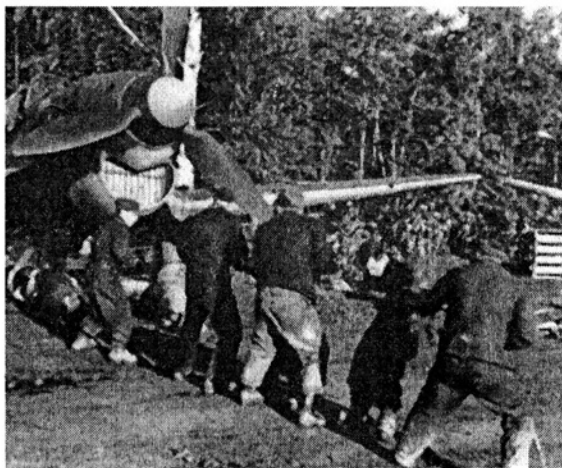
*Обер-лейтенант Рудель.
Грац, Австрия, весна
1941 г.*

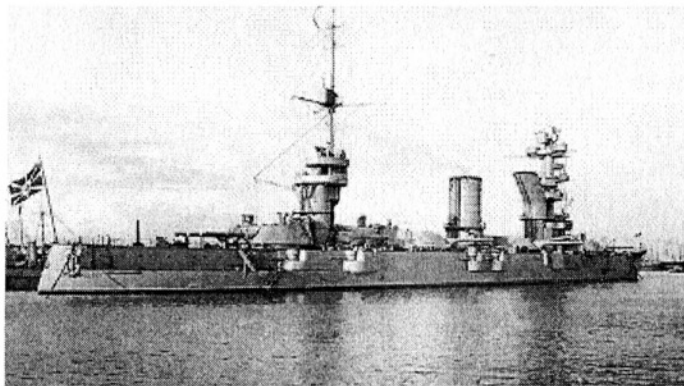
*Ганс-Ульрих Рудель в кабине Ю-87Б.
Осень 1941 г.*

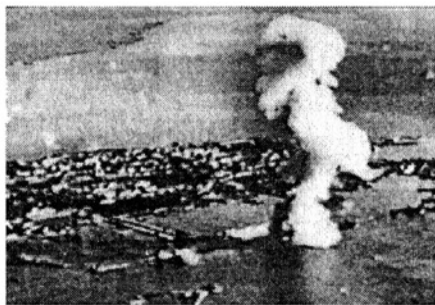
Ю-87Б из St.G.2 перед боевым вылетом. На переднем плане — самолет обер-лейтенанта Руделя.

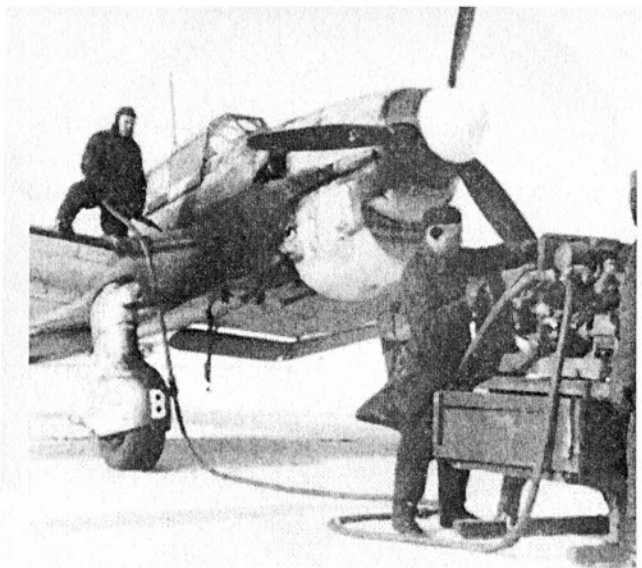
Механики подвешивают к «Штуке» 1000-кг бомбу. Аэродром Турково под Ленинградом, сентябрь 1941 г.

Довоенная фотография линкора «Марат» — самой крупной «добычи» Руделя.

Гигантское облако дыма над взорвавшимся линкором «Марат». Снимок сделан с одного из Ю-87 из III./St.G.2. Сентябрь 1941 г.

На Восточном фронте у Люфтваффе появился дополнительный грозный противник — русские морозы. Заправлять самолет перед вылетом стало не так-то просто: насосы топливозаправщиков на морозе часто не запускались.

Обер-лейтенант Рудель после своего тысячного боевого вылета. Механики преподносят ему традиционного поросенка и — отступление от традиции — кубок не с шампанским, а с молоком (Рудель совсем не пил спиртного).
Февраль 1943 г.

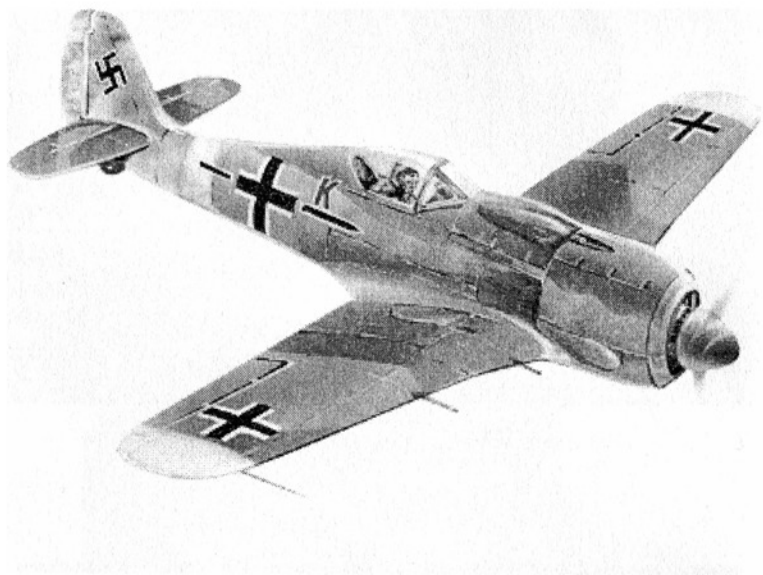
*Ганс-Ульрих Рудель вскоре после награждения его
Дубовыми Листьями к Рыцарскому Кресту.*

Рудель и его бортстрелок после полета.

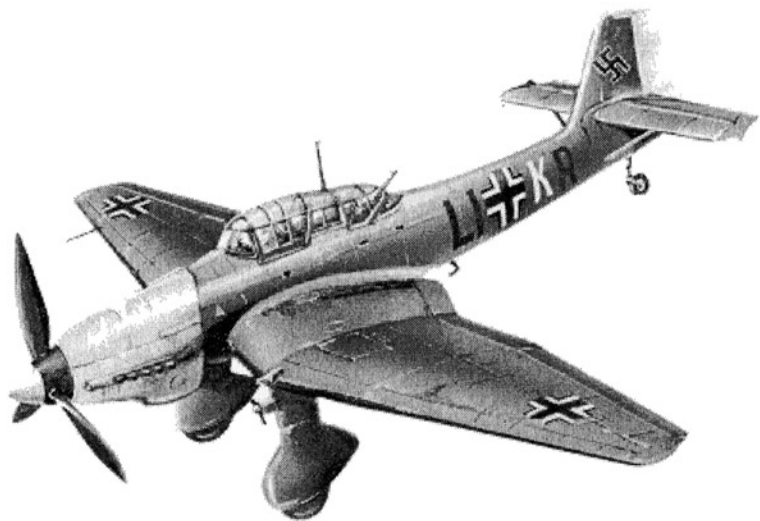

Гитлер вручает Руделю Мечи к Рыцарскому Кресту. Слева от Руделя — командир JG52 оберст-лейтенант Дитрих Храбак, справа — бортстрелок Руделя оберфельдфебель Эрвин Хенчель. Вольфшанц, ноябрь 1943 г.

Технические данные ФВ-190

Экипаж	1 человек
Максимальная взлетная масса	4840 кг
Размеры:	
длина × высота × размах крыла	10,20 × 3,35 × 10,50 м
Силовая установка:	
количество двигателей × мощность	1 × 1776 л. с.
Максимальная скорость полета	
на высоте 6600 м	685 км/ч
Скороподъемность	12—14 м/с
Практический потолок	12 000 м
Дальность полета	835 км
Вооружение	2 × 13-мм пулемета MG 131
.....	2 × 20-мм пушки MG 151
Максимальная бомбовая нагрузка	500 кг

Технические данные Ю-87

<i>Экипаж</i>	<i>2 человека</i>
<i>Максимальная взлетная масса</i>	<i>6600 кг</i>
<i>Размеры:</i>	
<i>длина × высота × размах крыла</i>	<i>11,50 × 3,90 × 13,80 м</i>
<i>Силовая установка:</i>	
<i>количество двигателей × мощность</i>	<i>1 × 1410 л. с.</i>
<i>Максимальная скорость полета</i>	
<i>на высоте 3840 м</i>	<i>410 км/ч</i>
<i>Скороподъемность</i>	<i>4 м/с</i>
<i>Практический потолок</i>	<i>7290 м</i>
<i>Дальность полета</i>	<i>1535 км</i>
<i>Вооружение</i>	<i>2 × 7,92-мм пулемета MG 17</i>
	<i>1-2 × 7,92-мм пулемета MG 15</i>
<i>Максимальная бомбовая нагрузка</i>	<i>до 1800 кг</i>

Бортстрелки Руделя.

*Обер-фельдфебель
Эрвин Хенчель.*

Капитан Нирман.

Капитан Гадерман.

*На макете танка
Т-34 Рудель показы-
вает молодому
пилоту уязвимые
места бронированной
машины.*

*Рудель с пилотами
и техниками St.G.2.
Март 1945 г.*

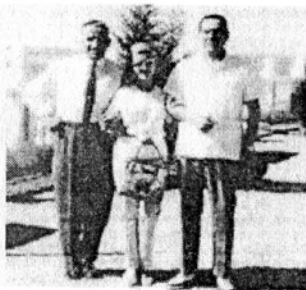
*Командир II./St.G.2 майор
Карл Кеннель приветству-
ет полковника Руделя.
Родеберг, март 1945 г.*

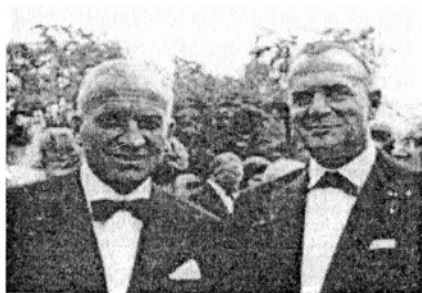
Ганс-Ульрих Рудель в парадной форме со всеми регалиями, в том числе с высшей наградой Третьего рейха — Рыцарским Крестом с Золотыми Дубовыми Листьями, Мечами и Бриллиантами.

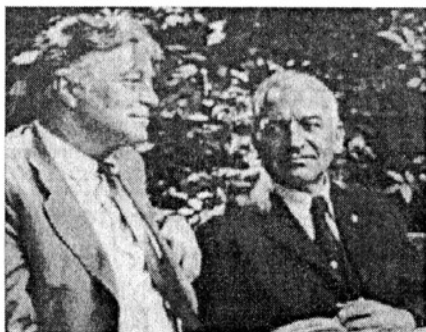
*Слева направо: Вернер Баумбах,
Ганс-Ульрих Рудель, Адольф
Галланд. Аргентина, май 1953 г.*

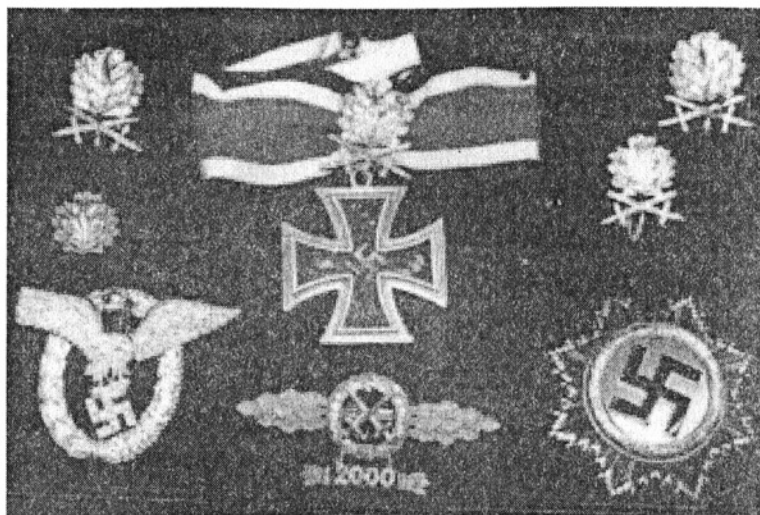
Рудель с президентом Аргентины Хуаном Пероном и его женой Изабелитой, которая после смерти мужа стала президентом Аргентины. Курорт Бенидорм, Испания.

Ганс-Ульрих Рудель и лучший французский ас второй мировой войны Пьер Глостерманн. 1968 г.

*Ганс-Ульрих Рудель и профессор Эрнст Гадерман.
1972 г.*

Награды Руделя.

Надгробный памятник на могиле Ханса-Ульриха Руделя, похороненного на кладбище города Дорнхаузен.

это избавляет от колебаний и мрачных мыслей о риске, которому подвергаешься.

Мы собираемся нанести удар по позициям русских зенитных батарей. Я поднялся высоко и вижу, как они открывают сильный огонь по нашему строю. Их позиции можно распознать по вспышкам орудий. Я немедленно атакую их и приказываю самолетам, сопровождающим меня, сбросить свои бомбы на русских зенитчиков одновременно со мной. Лечу домой с приятным чувством, что противнику тоже досталось.

Каждую ночь русские самолеты совершают налеты на наш аэродром в районе Орла. Поначалу мы живем в палатках, потом — в каменных строениях на краю аэродрома. Рядом с палатками вырыты щели: предполагается, что мы будем укрываться в них во время налетов. Однако некоторые из нас продолжают спать и во время таких рейдов, ведь после целого дня непрерывных вылетов хороший ночной отдых необходим, если мы хотим быть пригодными к полетам на следующий день. В любом случае «иван» обычно бомбит нас всю ночь напролет. Мой друг Вальтер Краус, командир 3-й эскадрильи, убит во время одного из таких налетов. Пилот-разведчик в прошлом, он прошел у меня в Граце курс переподготовки и вскоре вполне освоился на новом для себя поприще, став настоящей находкой для нашего полка. Он недавно был назначен командиром эскадрильи и награжден Дубовыми листьями. Мы скорбим о потере нашего товарища и друга с чувством глубокого горя, его смерть — настоящий удар. Сколько тяжелых ударов судьбы нам предстоит еще вынести?

Мне поручают командование 3-й эскадрильей. Я знаю ее, как свои пять пальцев, разве не служил я когда-то в ней инженером? Хотя здесь появились новые лица, я уже со всеми познакомился во время своих визитов в эскадрилью. Будет нетрудно привести ее в подобающее состояние, тем более что здесь находится Беккер. Мы прозвали его Фридолином. Нет ничего, что он не знал бы, он — душа и мать наземного персонала. Медицинская служба в руках доктора Гадермана, он, кроме того, друг и утешитель для всех. Вскоре штаб 3-й эскадрильи становится

настоящей семьей, где все приказы отдаются и выполняются в духе настоящего сотрудничества и взаимопомощи. Применительно к действиям в воздухе это означает, что не нужна никакая реорганизация, поскольку в прошлом году я часто сам вел строй.

В составе эскадрильи я вскоре совершаю свой 1200-й боевой вылет. В качестве эскорта нас сопровождает звено истребителей, в котором, по чистому совпадению, служит и знаменитый лыжник Йеневайн. В промежутках между вылетами мы часто болтаем с ним о наших родных горах и, конечно же, о лыжном спорте. Однажды он не возвратился из нашего совместного полета, его отметили в рапорте как пропавшего без вести. По всей вероятности, он был подбит, затем, согласно рассказам его товарищей, передал по радио: «Получил попадание в двигатель, лечу в направлении солнца». В то время солнце находилось почти точно на западе. Он не смог бы выбрать более неудачного курса: после прорыва севернее от нас, в районе Болхова, Советам удалось прорвать нашу линию фронта в форме клина, сужающегося с востока на запад. Следовательно, если Йеневайн полетел на запад, то оказался над центром этой воронки и приземлился на территории, занятой русскими. Если бы он пролетел всего несколько километров к югу, то этого было бы достаточно, чтобы достичь наших позиций, поскольку клин очень узкий.

Здесь, под Орлом, полоса неудач не прекращается. Адъютантом штаба 9-го звена является Хёрнер, обладатель Рыцарского креста и один из старших офицеров нашей эскадрильи. Его самолет подбивают зенитки к северо-востоку от Орла, он резко теряет высоту и падает на ничейной земле. Хёрнер не появляется из кабины самолета, лежащего на склоне небольшого оврага. Поначалу я считаю, что он совершил вынужденную посадку, хотя мне и кажется, что он получил сильные повреждения, находясь в воздухе, а когда его самолет упал на землю, удар оказался слишком сильным. Пролетев несколько раз над этим местом на небольшой высоте, я не обнаружил никакого движения в кабине. Наш врач с помощью солдат-пехотинцев добирается до обломков, но слишком поздно —

экипаж уже не спасти. С собой он берет священника, и вскоре два наших товарища обретают вечный покой.

В следующие несколько дней в нашей эскадрилье почти никаких разговоров, летчики обмениваются самыми необходимыми словами: горечь этих дней подавляет нас всех. То же самое и в других подразделениях. Во время утренней атаки на артиллерийские позиции к востоку от Орла группа самолетов из 1-й эскадрильи летит вместе с моим вторым звеном, которым командует капитан Якель. Он стал отличным летчиком, и у него есть любимый трюк, который он то и дело проделывает. Где бы ни увидел вражеский истребитель, он атакует его, хотя тот значительно превосходит пикирующий бомбардировщик Якеля в скорости и мощи бортового оружия. Еще на Кубанском фронте он много раз заставлял нас смеяться. Он считает, что его самолет особенно быстрый и на полном газу оставляет другие самолеты далеко позади. Этот жизнерадостный шутник часто сбивает истребители. Он напоминает мне оленя, рыскающего по лесу в поисках охотника, и когда находит одного из них, сразу же бросается в атаку, нагнув голову и выставив вперед рога. Он — жизнь и душа эскадрильи. Ни разу не повторившись и без остатка, может рассказывать анекдоты с девяти вечера до четырех утра. Разумеется, в его репертуаре и «Бонифацус Кизеветтер», и другие баллады.

В это утро он атаковал вместе с другими самолетами соседнюю батарею, сейчас мы возвращаемся на базу. Находимся как раз над линией фронта, когда кто-то кричит: «Истребители!». Я вижу их, они далеко от нас и явно не намерены атаковать. Якель разворачивается и затевает с ними драку. Он сбивает одного. Однако толстый Йенш, его бортстрелок, в другое время надежный и ответственный, скорее всего глазеет по сторонам, а не перед собой. Другой Ла-5 заходит им в хвост. Я вижу, как с высоты 600 метров самолет Якеля круто идет вниз, перевернувшись вверх колесами, и взрывается от удара о землю. Могу только догадываться, что в жажде боя Эгберт забыл, что на низкой высоте он не должен увлекаться акробатическими номерами. Вот мы его и потеряли.

Многим из нас приходит в голову одна и та же мысль: «Сейчас, когда старики уходят один за другим, можно точно определить и свою очередь, просто посмотрев в календарь». Всех ждет конец, рано или поздно, мы ждем, а неудачи нас не покидают. Жизнь в постоянной опасности способствует появлению фатализма и некоторого безразличия. Никто уже не выпрыгивает из кровати, когда ночью на нас сыпятся бомбы. Смертельно уставшие после полетов, длящихся весь день, мы в полудреме слышим, как бомбы взрываются где-то совсем рядом.

В зоне прорыва к северу от нас дела идут все хуже. Уже возникла угроза Кричеву, находящемуся к северо-западу от нас. Чтобы тратить меньше времени на подлет к целям и летать в сектор, находящийся еще дальше к северу, мы перебазировемся на кричевский аэродром. Бои идут в лесах, где очень трудно что-либо разглядеть с воздуха. Красным легче маскировать свои позиции, и атаковать их очень трудно. Я крайне редко вижу внизу танки и поэтому летаю чаще на обычном бомбардировщике. Поскольку я вступил в командование эскадрильей, противотанковая группа еще теснее взаимодействует с другими машинами. Штабная работа, как техническая, так и тактическая, уже перестроена в связи с использованием противотанковых самолетов.

Мы стоим в Кричеве недолго. Идут разговоры, что нас вскоре опять перебросят на юг, где ситуация критическая. После нескольких вылетов в район Брянска мы и в самом деле возвращаемся в Харьков. На этот раз мы базируемся на аэродроме к югу от города.

Назад к Днепру

И здесь, на Харьковском фронте, за последние несколько месяцев произошли большие перемены. Наши дивизии пополненного состава были выведены, и Советы перешли в наступление. Уже через день или два после нашего прибытия советские снаряды начали падать на город. На нашем аэродроме нет больших запасов горючего или бомб, поэтому еще один перевод на другой, более безопасный аэродром не был неожиданным. Новая база находится в 150 километрах к югу, недалеко от деревни Дмитриевка. Поскольку до фронта довольно далеко, мы используем два промежуточных аэродрома: один — в Барвенкове, откуда мы летаем в район Изюма; другой — у города Сталино для полетов на Миусский фронт. На каждом из этих аэродромов есть небольшие группы механиков, которые обслуживают наши самолеты после полетов. На Донце и Миусе созданы рубежи обороны, которые подвергаются сильным советским атакам. Часто наш оперативный офицер назначает для нас одну и ту же цель: тот же лес, тот же овраг. Мы вскоре уже обходимся без чтения карт и прочей чепухи. Как говорил когда-то Штеен, «мы уже большие ребята!».

Во время одного из наших первых вылетов в район Изюма кто-то говорит по радио: «Ханнелора! (Это мой позывной.) Не ты ли тот самый парень, который для нас «орехи колол?»» Я не отвечаю, и он повторяет свой вопрос снова и снова. Узнаю вдруг этот голос. Это один из офицеров разведки, с которым часто взаимодействовали и с дивизией которого всегда достигали полного взаимопонимания. Конечно, это противоречит правилам соблюдения секретности, но я не могу не поддаться искушению и от-

вечаю, что действительно «колол для них орехи» (танки), а он сам, насколько я помню, увлекался футболом. Он тут же признается в этом, и все развеселившиеся экипажи, слышавшие наш разговор, пикируют на яростно лающие зенитки. Этот офицер службы разведки Люфтваффе, по фамилии Эпп, был одним из лучших центрфорвардов венской футбольной команды. Поскольку он прикреплен к части, находящейся в самой гуще битвы, я буду часто с ним встречаться.

Обер-лейтенант Антон, принявший командование 9-й эскадрильей после смерти Хёрнера, убит на Миусе. Его самолет взорвался на выходе из пике тем же необъяснимым образом, как это уже случалось несколько раз. Погиб еще один из наших «стариков», обладатель Рыцарского креста. Одни экипажи погибают, на их место приходят другие, никто не задерживается надолго — такков беспощадный ритм войны.

Уже чувствуется наступление осени, когда мы получаем приказ участвовать в вылетах на Днепровский фронт, еще дальше на запад. В течение многих дней мы вылетаем на задания с аэродрома, находящегося к северо-западу от Красноармейска. Здесь Советы рвутся в Донецкий промышленный район с востока и северо-востока. По всей видимости, это крупномасштабная операция, противник повсюду. Помимо этого, они совершают непрерывные рейды на наш аэродром с помощью бомбардировщиков «Бостон» — большая нам помеха, потому что обслуживание во время налетов приходится прекращать, и мы опаздываем с вылетами. Во время этих налетов мы сидим в щелях, вырытых за самолетами, и ждем, пока «иван» не кончит веселиться. К счастью, наши потери в самолетах и снаряжении относительно невелики.

Никто не говорит нам, что армейские части, проходящие мимо нашего аэродрома, одни из последних и что «иван» идет за ними по пятам. Через некоторое время мы убеждаемся в этом сами. Взлетаем с западного аэродрома и уже над городом набираем высоту. Нам предстоит атаковать вражеские войска в 40 километрах к северо-востоку. Находясь над другим концом города, вижу

вдали и поближе 6—8 танков, они закамуфлированы и похожи на наши машины. Однако форма их корпусов кажется мне весьма странной. Мои размышления прерывает Хеншель: «Давайте посмотрим на эти немецкие танки на обратном пути». Мы летим к цели, на запад. Вижу сильные вражеские части, никакого следа немецких войск. На обратном пути видим те танки с близкого расстояния. Это Т-34, русские! Их экипажи стоят позади машин, изучая карту, — по-видимому, у них идет инструктаж. Напуганные нашим появлением, они разбегаются и карабкаются в свои танки. Но сейчас мы не можем ничего сделать, вначале надо приземлиться и пополнить амуницию.

Тем временем Советы входят в город. Наш аэродром расположен на другой его стороне. Через десять минут я снова взлетаю и ищу танки среди домов. Когда их атакуют, они резко разворачиваются, прячутся за дома и быстро исчезают из поля зрения. Я уничтожаю четыре из них. Куда ушли остальные? Они могут появиться на нашем аэродроме в любую минуту. Мы не можем эвакуировать его, поскольку часть наземного персонала находится в городе, и мы должны ждать, пока он не вернется. Только теперь вспоминаю, что послал одного из наших офицеров в армейские склады, находящиеся в восточной части города. Ему необыкновенно повезло. Позднее выяснилось, что его автомобиль тронулся в ту самую секунду, когда Т-34 огибал угол складского здания. Дав полный газ и плотно сжав колени, чтобы они не так дрожали, он смог ударить целым и невредимым.

Вылетаю еще раз. Эскадрилья не может лететь со мной, иначе у нас не хватит горючего для неизбежного перелета в Павловку. Я могу лишь надеяться, что к моменту моего возвращения все наши люди уже соберутся на аэродроме. После долгих поисков замечаю два танка в западной части города и уничтожаю их. По-видимому, они двигались в нашу сторону, чтобы выкурить осиное гнездо «Штук». Самое время убираться прочь. Мы подожгли все неисправные самолеты и взлетели. Когда мы делаем круг над аэродромом, чтобы построиться в боевой порядок, я

вижу разрывы танковых снарядов на краю аэродрома. Но нас здесь уже нет.

Компас указывает на запад—северо-запад. Мы летим над дорогой на малой высоте. По нам открывает сильный огонь моторизованная колонна, которая движется под охраной танков. Мы разделяемся и начинаем кружить над машинами: советские танки и грузовики в основном американского производства, следовательно, это русские. Признаюсь, я озадачен: как эти парни так далеко продвинулись на запад? Но это могут быть только русские. Мы набираем высоту, и я отдаю приказ атаковать зенитные установки, которые должны быть нейтрализованы в первую очередь, чтобы мы могли начать атаки с малой высоты без помех. Утихомирив большую часть зениток, мы расчленили колонну и расстреляли ее.

День медленно идет к закату, вся дорога выглядит, как огненная змея, это сплошной клубок из горящих машин и танков, которые не сумели свернуть с дороги вправо или влево. Мы никого не пощадили, материальные потери Советов снова велики. Но что это? Я пролетаю над тремя или четырьмя машинами в голове колонны, на их радиаторах наши флаги. Это грузовики немецкого производства. Из канав по обе стороны дороги летят белые сигнальные ракеты. Это сигнал наших войск! У меня давно не было такого леденящего ощущения в животе. Я охотно врезался бы в землю где-нибудь или прямо здесь! Может эта колонна быть немецкой? Все горит. Но почему мы подверглись такому сильному обстрелу из грузовиков? Как оказались здесь американские автомашины? Кроме того, я своими глазами видел бегущих людей в коричневой форме! Пот струится по лицу, меня охватывает оупляющее чувство, я на грани паники.

Уже совсем стемнело, когда мы приземляемся в Павловке. Никто из нас не произносит ни слова. Та колонна была немецкой? Неопределенность душит нас. Никак не могу выяснить по телефону у армии или Люфтваффе, чья это колонна. К полуночи прибывают несколько солдат. Дежурный офицер прерывает мой крайне беспокойный сон и говорит, что есть важные новости. Наши армейские

коллеги хотят поблагодарить нас за то, что мы помогли им уцелеть. Их грузовики были захвачены вражеской колонной. Они успели лишь отбежать на сотню метров, чтобы укрыться от русского огня в канавах в стороне от дороги. Именно в этот момент появились на сцене мы и расстреляли «иванов». Наши парни воспользовались ситуацией и сумели скрыться. Это снимает с меня тяжкий груз, и я разделяю ликование наших собратьев по оружию.

Спустя некоторое время после этого случая мы уже в Днепропетровске. Аэродром находится на восточном берегу Днепра, очень далеко от наших казарм в центре города. Из обычных русских городов это место производит хорошее впечатление, такое же, как и Харьков. Советские бомбардировщики и штурмовики почти каждый день атакуют мосты на Днестре в центре города. Красные надеются, что, уничтожив их, они отрежут путь к отступлению немецким войскам и сделают невозможным снабжение боеприпасами и резервами нашей армейской группы. До сих пор мы не видели, что они добились успеха в своих атаках. Но жители торжествуют. Как только советские самолеты исчезают из виду, они бросаются к Днепру с корзинами — после каждого налета на поверхности появляется большое количество оглушенной рыбы. Похоже, столько рыбы в городе давно не ели. Мы летаем то на северо-восток, то на юг, по мере того как Советы движутся вперед к Днепру в надежде не допустить создания нашей линии обороны по реке и консолидировать позиции.

Когда мы перемещаем нашу базу из Днепропетровска на 120 километров дальше к западу, я теряю Беккера. Он переведен в штаб авиадивизии. Долгое время я сопротивляюсь его переводу, поскольку он принадлежит к нашему «семейному кругу», но тщетно: после долгих переговоров принято окончательное решение.

Все дальше на запад

Большая Костромка — типичная русская деревня, со всеми ее достоинствами и недостатками. Для нас, жителей Центральной Европы, недостатки перевешивают. Деревня, довольно разбросанная, состоит в основном из глинобитных хижин, лишь немногие дома построены из камня. Уличная сеть возникала сама собой, без всякого плана, это просто немощеные проезды, которые пересекаются под самыми причудливыми углами. В плохую погоду наши автомашины тонут в грязи по самые оси так, что их невозможно потом вытащить. Аэродром находится на северном конце деревни, по дороге на Апостолово, почти непроходимой для автотранспорта. Поэтому наш персонал не теряет времени даром: для нашей мобильности он уже использует лошадей и волов, запряженных в повозки. Экипажи нередко подъезжают к своим самолетам верхом на лошадях, они влезают на крыло своего самолета прямо с седла, ведь взлетная полоса выглядит немногим лучше, чем дороги. В этих погодных условиях она напоминает океан грязи с крошечными островками, и если бы не широкие шины Ю-87, мы вообще не могли бы взлетать. Наше жилье разбросано по всей деревне, штаб эскадрильи расквартирован в здании школы на ее южном краю. Тут у нас есть даже офицерская столовая.

Площадь перед зданием часто превращается в огромную лужу, а когда она замерзает, что иногда случается, мы играем здесь в хоккей. Эберсбах и Фиккель никогда не упускают возможности поиграть. Недавно, однако, они несколько охладели к игре — все ноги у них в синяках. Когда погода портится, хоккейные воро-

та переносят под крышу, уменьшенное хоккейное поле доставляет больше хлопот вратарям. Мебель от хоккея не страдает, потому что ее попросту нет.

Русские потрясены множеством мелких предметов, которые наши солдаты возят с собой. Они думают, что все эти любительские фотографии наших домов, наших комнат, наших девушек являются пропагандой: Немалое время уходит на то, чтобы убедить их: все это подлинное, а немцы вовсе не людоеды. Через несколько дней после нашего прилета русские подошли и спросили, можно ли им снова повестить на стены иконы и распятия. Раньше, при советской власти, им приходилось все это прятать из-за неодобрения сына, дочери или комиссара. То, что мы не высказываем никаких возражений, по всей видимости, воодушевляет их. Мы пытаемся объяснить, что и в наших домах есть распятия и религиозные картины, но они верят этому с большим трудом. Тут же вешают в «красных углах» иконы, вновь и вновь выражая надежду, что разрешение на это не будет отменено. Они живут в страхе перед комиссарами, которые держат всю деревню под наблюдением и шпионят за ее обитателями. Нередко главный доносчик — директор школы.

Теперь мы живем в заколдованном царстве грязи, вынужденные мириться с вытекающими из этого трудностями в снабжении, в частности продовольствием. Когда я лечу низко над Днепром, я часто вижу, как и наши, и русские солдаты бросают ручные гранаты в воду и ловят оглушенную рыбу. Мы воюем, по Днепру проходит линия фронта, но любая возможность накормить войска должна быть использована. И вот однажды я решаю попытать удачи с небольшой 50-килограммовой бомбой. Гослер, наш интендант, во главе группы нестроевых солдат послан к Днепру. Перед их уходом показываю им на карте участок реки, где намереваюсь сбросить бомбу. Покружив немного над рекой и дождавшись, когда смог опознать наших парней, я бросаю бомбу с высоты 15—20 метров. Она падает у самого берега и вскоре взрывается. Наши внизу, должно быть, напуга-

ны взрывом, потому что бросаются на землю. Несколько догадливых рыбаков, которые занимались промыслом на середине реки с какой-то древней посуды, чуть было не перевернувшись от волны, вызванной взрывом, быстро подплывают и начинают собирать оглушенную рыбу. Сверху я вижу мертвую рыбу, плавающую на поверхности вверх белым брюхом. Солдаты вступают в соревнование и пытаются вытащить как можно больше рыбы. На берегу появляются другие рыбаки и тоже начинают выбрасывать рыбу на отмель. Через несколько часов после моего возвращения грузовик с «рыболовами» возвращается с Днепра, с собой они привозят несколько центнеров рыбы. Среди улова несколько огромных экземпляров, весом в 30—40 килограммов, в основном осетры и разновидность речного карпа. В течение следующих десяти дней мы организуем настоящие оргии и находим рыбную диету великолепной. Вкуснее всего осетрина, копченая или вареная, огромные карпы тоже вполне съедобны. Через пару недель с неменьшим успехом проведена вторая рыболовная экспедиция.

Мы вылетаем на боевые задания почти каждый день в разных направлениях. К востоку и юго-востоку советские орудия, сосредоточенные у Мелитополя, продолжают артиллерийские обстрелы нашего никопольского плацдарма. Среди названий на карте много немецких: Гейдельберг, Грюнталь, Густавфельд. Здесь находятся дома немецких переселенцев, прадеды которых осваивали этот район несколько столетий назад. К северу от нас, в районе Запорожья, фронт поворачивает к востоку и проходит по Днепру. Еще дальше, после того как он пересекает реку, начинается кременчугский сектор. За русскими линиями остался Днепропетровск. В своей обычной манере Советы оказывают давление в разных местах, и им нередко удается прорвать фронт на небольшую глубину. Ситуация восстанавливается с помощью контрак, которые обычно ведут бронетанковые дивизии. В промышленном центре Кривом Роге, который расположен к северу от нас прямо на линии фронта, находится

бетонная взлетная полоса. Но мы не можем ею пользоваться.

Однажды утром советские атакующие части достигают Кривого Рога и нашего аэродрома. Основной удар наносится с севера, со стороны Пятихаток. Здесь пропадает без вести капитан Менде. Несмотря на самые отчаянные поиски, мы не можем найти нашего доброго товарища, которого поглотили бескрайние просторы России. Ситуация здесь тоже восстановлена с помощью контратаки, фронт смещается на несколько километров к востоку. Снабжение наших войск идет без помех, и мы вскоре переключаемся на мосты через Днепр. Затем нашей целью становится группировка противника между Кременчугом и Днепропетровском.

Однажды утром, когда начинается новое наступление русских с севера, я должен вылететь в плохую погоду. Моей задачей является получение общей картины расположения вражеских войск и оценка шансов успешной атаки их более крупными силами. Перед вылетом мне сообщают, что одна из деревень в зоне боя все еще удерживается нашими войсками, но их постоянно атакуют и им срочно нужна помощь. С этой частью должен быть установлен контакт, а авианаводчик уже находится на месте.

Наша тройка идет в район цели под низкими облаками. Слышу в наушниках голос знакомого авианаводчика и надеюсь, что мне приказано установить связь именно с ним, а не с каким-либо другим офицером. Должен здесь упомянуть, что любой авианаводчик хочет нашей поддержки для своей собственной дивизии. Мы вынуждены настаивать, чтобы нам сообщали позывные данной части. Потребность в нас настолько велика, что для удовлетворения всех запросов понадобилось бы раз в двадцать больше людей и самолетов. Судя по голосу, со мной снова говорит футболист Эпп, но и без его помощи я уже заметил концентрацию вражеских войск в трех километрах впереди. Все еще лечу над нашими позициями, но вдруг, накренив машину, вижу вспышки от выстрелов множества зениток. Разрывы снарядов

закрыты облаками, но неожиданно ощущаю попадания в кабину и в двигатель. В лицо и в руки впиваются осколки. Двигатель готов остановиться в любую секунду. Он работает еще пару минут и затем глохнет. За это время обнаруживаю луг к западу от деревни. Я уверен, что русские меня еще не заметили. Рядом со мной быстро садится Фиккель. У нас нет ни малейшего представления о том, сколько времени наши войска смогут еще удерживать свои позиции, поэтому мы с Хеншелем берем с собой самое необходимое — оружие, часы, парашюты и залезаем в машину Фиккеля. Третий самолет из нашей группы уже полетел домой, и летчик сообщил о происшествии. Вскоре мы успешно садимся в Костромке. В эти дни везет и капитану Фритше. Он был сбит истребителями у Запорожья, в районе Гейдельберга, но смог выбраться с парашютом, хотя и ударился о хвостовое оперение самолета. После краткого пребывания в госпитале этот отличный летчик, награжденный Рыцарским крестом, возвратился в строй.

Но нам не всегда так везет. Однажды, возвращаясь с линии фронта, мы уже подлетали к нашему аэродрому и начинали заходить по одному на посадку. Высоко над нами появились русские истребители. Они не собирались нас атаковать, но зенитки открыли по ним огонь, пытаясь стрелять между нашими самолетами. Херлинг, командир 7-й эскадрильи, и Крумингс, наш офицер-инженер, подбиты и падают. Через несколько мгновений погибает и Фритш. Три неразлучных друга, награжденных Рыцарскими Крестами, отдали жизни за свою страну. Мы ошеломлены этой потерей. Они были первоклассными пилотами и товарищами для своих подчиненных. Иногда здесь, на фронте, бывают периоды, когда людей словно настигает проклятие и череда несчастий кажется нескончаемой.

В ноябре получено радиосообщение: я награжден Рыцарским Крестом с Дубовыми Листьями и Мечами и должен прибыть для награждения в штаб-квартиру фюрера в Восточной Пруссии. Примерно в это время я уничтожаю свой сотый танк. Я рад награде, и не в последнюю

очередь потому, что это вклад в достижения всей моей эскадрильи, но в то же время и расстроен: ответ на мою рекомендацию о награждении Хеншеля Рыцарским Крестом еще не пришел, должно быть, где-то застрял. Но все же решаю взять своего бортстрелка на награждение. Хеншель только что закончил свой тысячный боевой вылет и, как имеющий на своем счету несколько советских истребителей, без какого-либо преувеличения считается нашим лучшим стрелком. Через Винницу, Проскуров, Львов и Краков мы летим в Восточную Пруссию, где находится штаб-квартира фюрера.

Сначала мы приземляемся в Лётцене. Я докладываю о прибытии подполковнику фон Белову. Он говорит мне, что одновременно со мной Дубовые Листья к Рыцарскому Кресту будет получать майор Храбак. С собой я привез Хеншеля. Спрашиваю Белова, прибыл ли ответ на мою рекомендацию. Он отвечает, что нет, но обещает немедленно узнать у рейхсмаршала, в каком состоянии находится дело. Там тоже никак не могут найти эти бумаги и предполагают, что документы были переданы рейхсмаршалу на подпись. Фон Белов обо всем договаривается на словах с Герингом, отправляется прямо к фюреру и докладывает ему, что я привез с собой Хеншеля по вышеупомянутым причинам и что главнокомандующий Люфтваффе уже одобрил награждение. Поступает ответ: «Хеншель должен явиться вместе с остальными». Великое событие для моего верного бортстрелка! Лишь немногие получают Рыцарский Крест из рук самого фюрера, поскольку главнокомандующий награждает более высокими орденами.

И вот майор Храбак, Хеншель и я стоим строем в присутствии фюрера. Сначала он прикалывает нам награды, а после церемонии пьет с нами чай в своем кабинете. Он говорит о прошлых операциях на востоке и об уроках, которые из них должны быть извлечены. Рассказывает нам, что сейчас идет создание новых частей, которые, несомненно, потребуются для отражения высадки западных союзников в Европе. В стране все еще можно сформировать большое количество диви-

зий, и наша промышленность сможет снабдить их достаточным вооружением. Между тем германский технический гений, сообщил он нам, продолжает работать над изумительными проектами, что позволит нам вырвать окончательную победу из рук большевизма. Фюрер уверен, что только немцам по плечу эта задача. Он горд своими солдатами на Восточном фронте, он знает об их гигантских усилиях и тех трудностях, с которыми они сталкиваются. Он хорошо выглядит, полон идей и уверенности в будущем.

Покинув Лётцен, мы поворачиваем в Гёрлиц, где предоставляем нашему отважному Ю-87 двухдневный отдых. Дом Хеншеля находится в Саксонии, не так далеко отсюда, и он отправляется поездом, чтобы снова встретиться со мной через два дня перед нашим отлетом на фронт. Затем в плохую погоду мы летим через Вену, Краков, Львов, Винницу и Кировоград. Чем дальше на восток мы забираемся, тем больше ощущается скорое наступление зимы.

Низкие облака и густой снег мешают нашему полету и затрудняют ориентирование. Мы чувствуем себя гораздо лучше, когда уже в сумерках катимся по замерзшему летному полю в Костромке. Мы снова дома, вместе с нашими товарищами. Здесь уже наступили холода, но у нас нет никаких причин на это жаловаться, поскольку мороз улучшает состояние дорог в деревне. Большие открытые пространства покрыты прочным льдом, и без коньков их бывает не так просто пересечь. Когда не летаем из-за непогоды, мы возобновляем нашу игру в хоккей. Даже те, кто меньше всего был склонен к спорту, заражаются энтузиазмом остальных. Мы пользуемся любым пригодным инвентарем, от настоящих хоккейных клюшек до старых веников и лопат. Примитивные русские коньки конкурируют со специальной обувью, оснащенной хоккейными лезвиями. Многие неуклюже бегают в меховых унтах. Важен только спортивный азарт.

Здесь, на юге России, случаются иногда теплые дни, которые вновь превращают все в непролазное болото.

Возможно, это как-то связано с влиянием Черного или Азовского морей. Наш аэродром не может противостоять таким превратностям климата, поэтому нам приходится перебираться на бетонную взлетную полосу в Кировограде. Один из таких периодов совпадает с Рождеством и Новым годом. Соответственно оказавшиеся в Кировограде экипажи вместо общей вечеринки эскадрильи вынуждены встречать праздники в изоляции. Дед Мороз приготовил подарки для каждого солдата, но, глядя на их лица, никто бы не догадался, что для них это уже пятая военная зима.

В начале 1944 года плохая погода отступает, и операции становятся все более интенсивными. Советы рвутся на запад и юго-запад из района Днепропетровска и вскоре перерезают сообщение между Кривым Рогом и Кировоградом. Контрнаступление, которое ведут наши старые друзья, 14-я и 24-я бронетанковые дивизии, оказывается исключительно успешным. Помимо захвата большого количества пленных и снаряжения, нам удастся добиться в этом секторе затишья, по крайней мере временного. Мы постоянно летаем из Кировограда и размещаемся недалеко от аэродрома. Рядом расквартирован штаб. В день, когда они прибывают, их ждет самый неприятный сюрприз. Адъютант полка, майор Беккер по прозвищу Фридолин, и офицер-инженер капитан Катшнер не вполне хорошо освоились с местными печками. Ночью в их комнате скопился углекислый газ. Когда Катшнер встал с постели, он обнаружил, что Фридолин потерял сознание. Он вышел, пошатываясь, на свежий воздух и выволок за собой Фридолина — спас жизнь им обоим. Для солдата потерять жизнь из-за глупого несчастного случая, а не вражеских действий особенно трагично. Впоследствии мы увидели в этом и смешную сторону, их злословие стало расхожей шуткой, им постоянно приходится отбиваться от розыгрышей.

В ходе наших боевых вылетов в это время мы наблюдаем самую необычную драму. Я лечу вместе с другими противотанковыми самолетами в район юго-восточнее Александрии. Израсходовав все свои боеприпасы,

мы идем домой в Кировоград, чтобы заправиться и пополнить запас снарядов перед новым вылетом. Проходим на бреющем полете полпути до Кировограда, пролетаем над густой рощей. Под нами движутся танки. Я узнаю их сразу же: это Т-34, идут на север. В мгновение ока набираю высоту и кружу над добычей. Откуда, черт возьми, они взялись?! Это русские, без всякого сомнения. У нас не осталось ни одного снаряда, поэтому придется оставить их в покое. Кто знает, куда они доберутся, пока мы сможем вернуться с новым запасом снарядов и атаковать их.

Т-34 не обращают на нас никакого внимания и идут своей дорогой, обходя рощу. Дальше к северу другое движение на земле. Мы летим туда на небольшой высоте и узнаем немецкие танки Т-IV. Танкисты глазят на нас из своих машин, думая о чем угодно, но только не о близости врага и возможной схватке. Обе группы танков движутся навстречу друг другу, отделенные только небольшой полосой кустов. Ни одна сторона не видит другую, поскольку советские танки движутся в ложбине, параллельно железнодорожной насыпи. Я стреляю красными сигнальными ракетами, качаю крыльями и сбрасываю в контейнере записку, в которой сообщаю своим коллегам-танкистам, кто движется в их направлении и уже находится в трех километрах от них. Резко снижаюсь над тем местом, где сейчас движутся Т-34, и этим подсказываю нашим танкистам: враг близок. Обе группы медленно сближаются. Мы кружим над ними и ждем, что будет происходить дальше. Наши танки останавливаются в том месте, где в живой изгороди есть разрыв в несколько метров. В любую минуту обе стороны могут внезапно увидеть друг друга на расстоянии выстрела в упор. Я жду с напряжением несколько секунд, когда обе стороны испытают шок. Русские закрывают башенные люки — возможно, они стали что-то подозревать, наблюдая за нашими отчаянными маневрами. Они следуют все в том же направлении, движутся быстро. Расстояние, разделяющее обе группы, сократилось уже до 10—15 метров. И вот началось!

Русские, движущиеся по ложбине, достигли разрыва и видят прямо перед собой врага. У первого Т-IV уходит ровно две секунды, чтобы выстрелить в своего противника с расстояния в 15 метров. Тот взрывается и горит, осколки летят в воздух. В следующие несколько секунд (я пока не вижу, чтобы выстрелил хотя бы один из оставшихся Т-34) шесть русских танков объаты пламенем. Впечатление такое, что они захвачены врасплох и даже сейчас еще не понимают, что происходит. Несколько Т-34 продвигаются под прикрытием изгороди еще ближе, другие пытаются уйти за железнодорожную насыпь. Они оказываются в зоне видимости немецких танков, которые открывают огонь поверх изгороди. Бой длится не более минуты. Поединок по-своему уникален. Без потерь с нашей стороны все Т-34 уничтожены. Наши товарищи на земле гордятся своим успехом, мы восхищены не меньше. Бросаем им записку с наилучшими пожеланиями и плитку шоколада, возвращаемся домой.

После серии относительно спокойных вылазок через некоторое время получаем новую встряску. Мы вылетаем вторым — обер-лейтенанты Фиккель и Штёлер сопровождают меня на охоту за танками. У нас нет истребительного эскорта. Когда мы пролетаем мимо одной из наших бронетанковых частей, появляются 12—15 «Аэрокобр» с очень агрессивными намерениями. Их носы выкрашены в красный цвет. Похоже, они принадлежат к какой-то элитной части. У самой земли началась дикая суматоха, и я рад, что смог благополучно привести моих коллег домой, хотя мы и не обошлись без повреждений наших самолетов. Наш опыт часто становится темой вечерних споров и воспоминаний, Фиккель и Штёлер полагают, что мы спаслись только чудом. В то же время спор — полезный урок для наших новичков, который учит их правильно выбирать тактику уклонения от противника в воздушном бою.

Одна из наших эскадрилий была некоторое время расквартирована в Злынке, к северу от Новоукраинки. Моя 3-я эскадрилья тоже получает приказ о перелете туда

со всем летным персоналом, а наземный персонал движется по дороге на Первомайск. В конце нашего пребывания в Кировограде поступает уведомление о моем повышении — мне присвоено звание майора.

В Злынке, кажется, наступила настоящая зима. Почти каждый день дует колючий восточный ветер. Температура падает до 20—30 градусов ниже нуля. Воздействие холода сказывается на числе боеспособных самолетов, поскольку обслуживание и ремонт на открытом месте при такой температуре имеют свои особенности. Нам не очень везет: ударные клинья русских наступающих войск севернее Кировограда только что вошли в горловину долины у села Мариновка. Русские доставляют туда очень сильные резервы в надежде консолидировать свои позиции, которые послужат плацдармом для нового наступления. Каждый хоть сколько-нибудь пригодный к полету самолет используется для атак на низкой высоте. Во время одного из вылетов в восточном направлении гауптман Фиккель попадает под сильный обстрел и совершает вынужденную посадку. Местность относительно ровная, и я могу приземлиться рядом с ним и взять его на борт вместе со стрелком. Спустя некоторое время мы возвращаемся на наш аэродром, став беднее еще на один самолет.

Русские танки редко атакуют по ночам, но в течение следующих нескольких дней мы, а особенно наши коллеги к северу от нас, получаем возможность отведать и этого блюда. В полночь мой офицер разведки взволнованно будит меня и докладывает, что несколько человек из истребительной эскадрильи только что прибыли с просьбой вылететь немедленно. Советы ворвались на их аэродром и в саму деревню, где расквартирован персонал. Безоблачная звездная ночь. Решаю сам поговорить с беженцами. В 30 километрах к северу на летном поле размещаются несколько частей Люфтваффе. «Можем только сказать, что, когда мы спали, внезапно послышался грохот. Едва мы огляделись по сторонам, мимо уже шли русские танки с пехотой на броне». Другой солдат описывал вторжение танков на аэродром.

Все это произошло очень быстро. Очевидно, они были застигнуты врасплох, потому что на них не было ничего, кроме нательного белья.

Я взвесил ситуацию и заключил, что взлетать сейчас не имеет смысла: чтобы попасть в танк, мне нужна относительно хорошая видимость. Она недостаточна даже при ясном звездном небе. Придется ждать до рассвета. Бессмысленно сбрасывать несколько бомб просто для того, чтобы на пехоту повеяло ветром. Там стоят немецкие части. Это обслуживающие части, почти беспомощные против советских танков.

Мы должны взлетать на рассвете. К несчастью, на обратном пути нам придется считаться с туманом. Мы приближаемся к аэродрому на малой высоте и видим наши тяжелые зенитные орудия в действии. Они уже вывели из строя некоторых наиболее предприимчивых монстров, остальные попрятались в укрытиях и находятся вне досягаемости. Весь личный состав находится на своих местах. Когда мы пролетаем над аэродромом, они исполняют обычный военный танец, поскольку не сомневаются, что мы поможем им выбраться из затруднительного положения. Один Т-34 уткнулся прямо в вышку наземного контроля и стоит здесь, накренившись набок среди обломков. Некоторые укрылись на территории фабрики. Подход к ней затрудняют высокие трубы. Мы должны быть предельно осторожными, чтобы не врезаться в них. Выстрелы наших пушек разносятся по всей деревне. Мы сбрасываем бомбы. Те «иваны», которые продвинулись дальше всех, начинают понимать, что им лучше трубить отход. По большей части они рвутся к восточному выезду из деревни, где можно укрыться в многочисленных оврагах. Здесь стоят их грузовики с боеприпасами и снарядами. Они надеются держать нас на расстоянии своими легкими и средними зенитными средствами, но мы забрасываем их позиции бомбами и открываем по ним огонь из пушек. Вскоре грузовики загораются и начинают взрываться один за другим.

«Иваны» несутся по снегу на восток. Наша самая трудная работа на сегодня — приземление в Злынке, по-

скольку туман над аэродромом никак не рассеивается. Когда мы заходим на посадку, видимость крайне ограниченная.

К ночи эскадрилья делает семь вылетов, мой и еще один самолет летали пятнадцать раз. Село очищено от врага, шестнадцать танков противника уничтожены с воздуха.

Вскоре после этого эпизода наш летный персонал присоединяется к нашим наземным службам в Первомайске-Северном. Аэродром здесь имеет небольшую бетонную полосу, но она не используется. На ней лишь стоят самолеты, иначе они погрузились бы в грязь. Практически невозможно взлетать, приземляться или рулить по земле — все это место похоже на трясину. Рядом с летным полем — небольшой хутор, где мы на постое. После полетов, а также в дни, когда стоит нелетная погода, мы с Гадерманом занимаемся упражнениями. После бега на длинную дистанцию по пересеченной местности принимаем горячую и холодную ванну, потом голышом катаемся в снегу перед домом. Чувство, какое испытываешь после этой процедуры, нельзя забыть — все равно что заново родиться. Некоторые «пань» и «паненки», которым случается проходить в тот момент мимо, взируют на нас с изумлением. Полагаю, что один наш атлетический вид опровергает их пропаганду о «некультурных германцах».

Без метеоразведки утренние вылеты большими группами в этот сектор оказались бесполезной тратой времени. Район, где находятся цели, может быть покрыт туманом, и тогда их нельзя атаковать. Вылетать наугад — бесполезная трата драгоценного горючего, не говоря уже о том, что плохие метеоусловия могут стать фатальными для больших групп самолетов и неопытных экипажей. Поэтому дан приказ: на рассвете каждый раз должен высылаться самолет метеоразведки, его отчет о погодных условиях в районе предполагаемой цели будет определять, взлетать нам или нет. Задача, слишком важная для меня. В такой патруль не пошлешь первого попавшегося, с ним должен летать Фиккель или кто-то еще, если лейтенант нуждается в отдыхе.

Однажды утром мы направляемся к фронту. Я воспользовался благоприятной погодой, и мы взлетаем накануне рассвета. Стараюсь запомнить весь фронт в этом секторе. В сумеречном свете ясно вижу вспышки неприятельских орудий. Судя по интенсивности артиллерийского огня, можно догадываться о намерениях противника в тот день. Как только артиллерийские позиции удастся обнаружить, их наносят на карту. Через некоторое время их уже не разглядишь с воздуха, а несколько часов спустя они, быть может, уже попадут под бомбежку «Штук».

Наша разведывательная информация представляет также огромный интерес для коллег на земле. Если я пролетаю низко над линией фронта утром, то могу дать армии точные сведения о местах сосредоточения противника. Таким образом, удается предупредить все возможные сюрпризы. Впечатляющая картина и для меня там, наверху: вспышки вражеских орудий в полутьме напоминают огромную железнодорожную станцию, на перроне которой то загораются, то гаснут огни. Светящиеся нити, на которые нанизаны яркие и темные бусинки, наступают меня и образуют нечто вроде соединительной линии с землей. Вражеская оборона нас заметила. Яркие цветные сигнальные ракеты взмывают вверх — это сигналы, которыми обмениваются подразделения на земле. Постепенно во время наших регулярных утренних визитов мы начинаем все ближе подбираться к «иванам». Это вызывает у них особую досаду: в эти ранние часы мы нередко застаем их танки врасплох. Они тоже хотят воспользоваться началом дня, чтобы использовать фактор внезапности, и открывают по мне огонь. Можно понять того «ивана», который посылает красных соколов очищать фронт с рассветом. Мы часто сражаемся с красными соколами. Для нас не особенно приятны эти маневры при численном перевесе противника и без поддержки истребителей.

На этом этапе боев Фиккель выглядит очень измотанным, и Гадерман советует мне дать ему отдых на какое-то время или хотя бы освободить от вылетов со

мной. Даже если Фиккель и говорит полусхусть после посадки на сильно поврежденном самолете, что эта миссия отняла еще пять лет его жизни, я и сам вижу, что он не атлет и его выносливость тоже имеет свои пределы. Но я благодарен ему, что он не отказывается сопровождать меня в боевых вылетах, в такие моменты я всегда ощущаю, что воинская дружба — поистине очень светлое чувство.

Наша утренняя разведка сконцентрирована в районе к северо-западу и юго-западу от Кировограда, где Советы предпринимают все новые и новые попытки прорваться своей неистощимой массой. Если погода хоть сколько-нибудь летная, мы взлетаем всей эскадрильей уже через полчаса после нашей предыдущей посадки для атаки на важные цели, которые только что разведали. Сейчас зима и густой туман превращают все скорее в игру-угадайку, и мы вылетаем без какой-либо уверенности, что сможем приземлиться здесь же через час. Непроницаемый туман опускается на землю неожиданно и может провисеть так несколько часов. Когда стоит такая погода, автомашина полезнее самолета.

Как-то раз совершаем вылет с Фиккелем. Мы закончили разведку и провели несколько атак с малой высоты в окрестностях Кировограда. Уже рассвело, и мы летим на запад, направляясь домой. Нам осталось еще преодолеть полпути, когда, достигнув Новоукраинки, мы внезапно оказываемся в густом тумане. Фиккель держится очень близко от меня, чтобы не потерять из виду. Пролетая над селом, едва успеваю заметить несколько высоких печных труб. Земли почти не видно. Верхняя граница тумана поднимается на большую высоту, так что мы, возможно, не сможем его обойти. Где-то придется снова спуститься вниз, а кто знает, на какой территории такие погодные условия. Держаться западного курса, насколько хватит горючего, и рассчитывать на удачу либо придется совершить посадку на территории, занятой партизанами? Тоже не выход. Мы уже около наших позиций, а я могу срочно понадобиться. Кроме того, после долгого рекогносцировочного полета у нас

очень мало горячего, так что остается лишь одно — держаться поближе к земле и попытаться дойти до нашего аэродрома в условиях плохой видимости. Вокруг сплошная серая пелена. Линии горизонта нет. Самолет Фиккеля исчез. Я не видел его с того момента, как мы пролетели над Новоукраинкой. Может быть, он врезался в печную трубу?

Мы можем лететь через эту стену тумана, пока местность остается ровной. Как только впереди показывается какое-то препятствие — телеграфный столб, деревья или холм, мне приходится тянуть ручку управления на себя и тут же погружаться в этот непроницаемый гороховый суп. Нащупывать таким образом выход из этого тумана весьма рискованно. Земли не видно с высоты более 3—4 метров, но при такой высоте полета некоторые препятствия могут появиться совершенно неожиданно. Я лечу только по компасу и, судя по часам, должен уже находиться в двадцати минутах лета от моего аэродрома в Первомайске. Сейчас или равнина уступит место холмам, или туман станет гуще. Я только что с трудом избежал нескольких высоких столбов. С меня достаточно.

«Хеншель, мы садимся».

Где именно садиться, ни имею ни малейшего представления. Почти ничего не видно, одна лишь серая муть. Я выпускаю закрылки и снижаю газ. Удерживаю самолет на низкой скорости и чувствую, как колеса касаются земли. Посадка проходит нормально, и после короткого пробега мы останавливаемся. Хеншель отодвигает назад фонарь и выпрыгивает с широкой ухмылкой: «На этот раз нам повезло».

Видимость на земле — не более 40 метров. Мы похоже сейчас на небольшом пригорке, туман стекает с него куда-то вниз. Слышу нечто, похожее на звук работающего автомобильного мотора, и прошу Хеншеля пройти немного назад и посмотреть. Возможно, там дорога. Пока он ходит, я сижу неподвижно в своем надежном Ю-87 и в который раз радуюсь, что остался жив. Хеншель возвращается. Моя догадка оказалась правиль-

ной: позади нас дорога. Армейские водители сказали ему, что до Первомайска еще добрых тридцать километров, и эта дорога ведет прямо к нему. Мы садимся в самолет, запускаем двигатель и выруливаем на дорогу. Видимость все еще не более тридцати метров, в лучшем случае сорока. Мы едем по широкому шоссе, как в автомашине, повинаясь обычным правилам дорожного движения и пропуская тяжелые грузовики. Там, где машин больше, я останавливаюсь, чтобы избежать аварии: вдруг водители не заметят мой самолет и упрутся прямо в него? Многие из них думают, что видят самолет-призрак. И так я еду около двух часов, поднимаюсь вверх по склону и спускаюсь вниз. Затем мы подъезжаем к перекрестку, через него мне никак не проехать с моими крыльями, и я съезжаю с дороги. Здесь я оставляю самолет. До Первомайска остается около десяти километров. Меня подбирает проходящая мимо армейская машина, и я вскоре оказываюсь на стоянке наших самолетов. Потом сменяют и Хеншеля, оставшегося на страже возле машины. Наши товарищи уже начали беспокоиться о нас, поскольку мы не могли долго находиться в воздухе с таким запасом горючего и ниоткуда не звонили. Теперь они ликуют по поводу нашего возвращения.

По-прежнему никаких следов Фиккеля. Мы сильно встревожены. К полудню туман рассеивается, я доезжаю до своего самолета и взлетаю прямо с дороги. Через несколько минут приземляюсь на нашем аэродроме. Механики глазят на самолет, как на блудного сына. После обеда еще один вылет. Когда я возвращаюсь, Гадерман говорит мне, что Фиккель только что звонил из Новоукраинки. Они с бортстрелком благополучно выбрались из тумана. Он потерял меня, когда туман стал гуще, и тут же пошел на посадку. Вот теперь мы радуемся по-настоящему.

Вскоре после этих событий центр тяжести наших операций смещается дальше на юг. Немецкие войска окружены в районе Черкасс, с помощью свежих резервов предполагается операция по их спасению. Атаки по раз-

блокированию «котла» будут идти с юга и юго-запада. Мы поддерживаем 11-ю и 13-ю танковые дивизии, которые нанесли удар из района западнее Новомиргорода и достигли реки, за которой Советы сумели хорошо укрепиться. Здесь для нас множество отличных целей. Активность в воздухе высока с обеих сторон. «Железные Густавы» пытаются подражать нам, атакуя наши танковые дивизии и снабжающие их части. С нашими низкоскоростными Ю-87 мы делаем все, что можем, чтобы рассеять и заставить убраться прочь эти Ил-2. Но они чуть быстрее нас, у них убирающиеся шасси. Кроме того, они гораздо лучше бронированы и значительно тяжелее. Это особенно заметно во время атаки, они набирают скорость очень быстро. Но, поскольку мы обычно заняты нанесением ударов с малых высот, на борьбу с ними времени не остается.

Во время этой фазы борьбы мне везет в ходе одного из поединков с «железными Густавами». Все наши самолеты участвуют в бомбежках советских укрепленных позиций в лесу. Я кружу над ними на самолете с противотанковыми пушками, но пока не нашел ни одного танка для атаки. Впереди, по диагонали к нашему курсу и в 300 метрах ниже, летит группа Ил-2, которую эскортируют «Ла» и «Аэрокобры». Мой ведомый несет бомбы. Говорю ему, что мы атакуем «Илы». Начинаем снижение. Подхожу к ним на расстояние 100 метров и вижу, что не могу подойти ближе, потому что русские истребители опять летят быстрее меня. Более того, мною начинают интересоваться: два из них уже сделали позади меня боевой разворот. Для прицельной стрельбы далековато, но я уже поймал одну из этих неуклюжих птичек в прицел и делаю по одному выстрелу из каждой противотанковой пушки. «Густав» превращается в ярко-оранжевый шар и рассыпается на мелкие огненные куски. Остальные, кажется, поняли, откуда дует ветер, — они несутся вниз еще быстрее, и расстояние между нами увеличивается на глазах. Самое время для меня начать уклоняться, потому что на хвост моему «самолету-злодею» уже сели истребители. Моя тактика уклонения при-

ближает меня к эскадрилье, и русские уходят прочь: Без всякого сомнения, они подумали, что неподалеку наши истребители эскорта и сбить меня окажется не такой уж простой задачей. Во второй половине дня из боевого вылета в тот же сектор не возвращается обер-лейтенант Кюнц. Имея 70 побед на своем счету, он возглавил список истребителей танков. Его везение началось с Белгорода и Харькова, с тех пор он приобрел немалый опыт. Его потеря — удар для всех нас и еще одна брешь в нашем товарищеском кругу.

Общее наступление с целью разблокирования частей, окруженных в районе Черкасс, идет успешно, и нашим ударным войскам удается пробить проход в «котел». Как только контакт установлен, фронт здесь отодвигается на запад. Мы перелетаем из Первомайска в Раховку, район Новомиргорода остается далеко за русскими линиями.

Через некоторое время после выполнения своей миссии над территорией Германии в Новомиргороде приземляются американские бомбардировщики. Их русские союзники помогают готовить самолеты к новому вылету. Операционная база этих самолетов находится в Средиземноморье.

На юге ситуация тоже меняется — наши войска представляют никопольский плацдарм. Советы рвутся вперед в районе Николаева, и немецкие дивизии вступают в тяжелейшие бои на северо-западе от города.

Отступление к Днестру

В марте 1944 года наш южный фронт обороняется, яростно сопротивляясь попыткам русских войск осуществить решающий прорыв в южном направлении, чтобы ликвидировать весь немецкий фронт на юге. Моя эскадрилья «Штук» действует с аэродрома в Раховке, в 200 километрах к северу от Одессы, поддерживая наши армейские части. Мы находимся в воздухе с рассвета до наступления темноты. Делаем все от нас зависящее, чтобы помочь нашим товарищам на земле, уничтожая танки, атакуя артиллерию и «катюши». Наши усилия завершаются успехом, и нам удается предотвратить прорыв фронта. Более того, армия в результате этих победоносных действий может через несколько недель отступить в полном порядке на новые позиции дальше к западу.

Однажды мы отправляемся на разведку на северо-запад, вдоль Днестра. Здесь река делает изгиб. Румынские войска сообщают о больших колоннах советских моторизованных и бронетанковых сил в окрестностях Ямполья. Их доклады кажутся просто невероятными: если это правда, значит Советы прорвались на севере, уже начав наступление на юге и почти на 200 километров углубившись в Бессарабию. Я лечу на разведку вместе с еще одним самолетом. К сожалению, эти опасения подтверждаются. Сильные советские группировки всех родов войск скапливаются в районе Ямполья, более того — они строят здесь большой мост.

Не удивительно, что эта операция оставалась незамеченной. Для нас в этом нет ничего странного, мы слишком часто сталкивались с подобным во время кампании в России. Наш Восточный фронт сильно растя-

нут, нередко в разрывах между ключевыми пунктами находятся только сторожевые части. Как только эта цепь аван-постов прорвана, враг начинает наступление в незащищенной зоне. Далеко за линией фронта он может встретиться только со взводом велосипедистов или с обозом. Огромные просторы этой страны — неоценимый союзник русских. Обладая неистощимыми людскими ресурсами, враг может легко проникать в такой практически не защищенный вакуум.

Хотя ситуация в районе Ямполья становится угрожающей, мы не считаем ее абсолютно безнадежной, потому что этот сектор, представляющий собой ворота в их страну, доверен румынам. Поэтому во время инструктажа перед разведвылетом мне было сказано, что на Днестре находятся румынские прикрывающие дивизии, и я должен быть осторожен в каждой атаке. С воздуха трудно различить румын и русских только по цвету их обмундирования.

Стратегическая цель советского наступления ясна: окружение наших сил на юге и одновременный удар через Яссы в направлении нефтяных месторождений Плоешти. Поскольку присутствие моей эскадрильи необходимо каждый день в районе Николаева, мы поначалу не можем совершать более одного или двух вылетов в этот сектор. Для своих операций используем передовой аэродром в Котовске, к югу от Балты. Поэтому сейчас эта миссия уводит нас на запад. Наша главная цель — концентрация войск в окрестностях Ямполья и мост, который здесь строится. После каждой атаки Советы незамедлительно заменяют поврежденные понтонны и еще быстрее достраивают мост. Они пытаются сорвать наши атаки с помощью сильного зенитного огня и истребителей, но мы ни разу не позволяем им прогнать нас, пока не завершим свое задание.

Наш успех подкреплён перехваченными русскими радиосообщениями. Они в основном состоят из жалоб на свои же истребители, красных соколов, обвинений их в трусости и перечислений потерь в людях, военном снаряжении и строительных материалах. Мы часто слы-

шим переговоры по радио между наземными войсками и красными соколами. В моей эскадрилье служит один офицер, который знает русский язык. Он настраивает приемник на их волну и делает синхронный перевод. Русские часто дико орут по радио, чтобы мешать нам. Они используют практически ту же частоту, что и мы. Во время полетов Советы нередко пытаются навести нас на ложные цели. Конечно, такие цели находятся в глубине немецких позиций. Корректировки делаются на беглом немецком языке, но мы быстро разгадываем эту хитрость, и после получения таких ложных поправок я снижаюсь, чтобы убедиться в том, что предполагаемая цель действительно является вражеской. Часто мы слышим предупреждающие окрики: «Прекратить атаку! В районе цели — наши войска». Можно даже не биться о заклад, что это говорит русский. Его последние слова часто тонут в грохоте бомб. Мы смеемся, когда слышим, как наземный контроль ругает потом русские истребители: «Красные соколы, мы сообщим вашему комиссару о проявленной вами трусости. Атакуйте эту нацистскую сволочь. У нас снова потери».

Мы уже давно знаем о низком боевом духе красных истребителей, только несколько ударных авиаполков являются исключением из этого правила. Отчеты о потерях являются ценным подтверждением нашего успеха.

За несколько дней до 20 марта 1944 года из-за отвратительной погоды с сильными дождями мы прекращаем полеты. Мы, пилоты, говорим про эту погоду: «Даже воробьи предпочитают ходить пешком». Летать нельзя. Пока стоит такая погода, Советы могут продолжать свое отступление и форсировать Днепр без всяких помех. Против этой угрозы невозможно организовать оборону, ни одной роты нельзя выделить из района Николаева, других резервов нет. Во всяком случае мы предполагаем, что наши румынские союзники из чувства самосохранения будут защищать свою страну с фанатичной яростью и этим компенсируют нехватку наших сил.

20 марта после семи вылетов в районы Николаева и Балты я лечу со своей эскадрилей в восьмой раз, это

наш первый выход за последние пять дней к ямпольскому мосту. Небо ярко-синее, можно полагать почти наверняка, что после столь длительного перерыва оборона здесь будет существенно усилена зенитными средствами и истребителями. Поскольку летное поле и сама деревня Раховка тонут в грязи, наша истребительная эскадрилья перебазировалась в Одессу, аэродром которой имеет бетонную взлетно-посадочную полосу. Наши «Штуки», оснащенные широкими шинами, способны гораздо лучше справляться с грязью и проваливаются в нее в меньшей степени, чем истребители. Мы договариваемся по телефону о рандеву в определенное время в 45 километрах от цели на высоте 5000 метров, прямо над приметной излучиной Днестра. Но скорее всего в Одессе возникли какие-то трудности. В точке встречи эскорта нет. Цель обозначена ясно, поэтому мы, естественно, решаем продолжать полет. В моей эскадрилье несколько новых экипажей. Качество их подготовки не такое высокое, как раньше. По-настоящему хорошие летчики к тому времени уже давно находились на фронте, горючее для тренировочных полетов строго рационировано и составляет определенное количество литров на каждого человека. Уверен, что если бы и я был ограничен такой малой дозой, то не смог бы летать лучше, чем эти молодые пилоты.

Мы находимся в 30 километрах от нашей цели, когда я предупреждаю: «Вражеские истребители». К нам приближаются более двадцати советских Ла-5. Наш бомбовый груз затрудняет маневрирование. Я делаю круги, чтобы в любой момент зайти в хвост истребителям, так как они намереваются сбить мой замыкающий самолет. Несмотря на воздушный бой, я постепенно приближаюсь к цели. Отдельных русских, которые пытаются сбить меня заходом спереди, я разочаровываю своей мобильной тактикой, затем в последний момент пикирую через самую их гущу и начинаю набирать высоту. Если молодые экипажи смогут продержаться до конца сегодняшнего дня, они многому научатся.

«Приготовиться к атаке — сомкнуть строй — атака!»

И я пикирую на мост. Во время пикирования вижу вспышки зенитных орудий, защищающих мост. Снаряды с визгом проносятся мимо моего самолета. Небо кажется утыканным клочками шерсти — так называет Хеншель разрывы зенитных снарядов. Наш строй теряет свою монолитность и разваливается. Это делает нас более уязвимыми для атаки истребителей. Я предупреждаю тех, кто тащится сзади: «Скорее догоняйте, мы боимся не меньше вашего». Ни одного ругательства не срывается с моего языка. Я закладываю вираж и с высоты 300 метров вижу, как моя бомба взрывается рядом с мостом. Значит, дует ветер. «Ветер слева, делаем поправку на снос». Прямое попадание бомбы с нашего третьего по счету самолета уничтожает мост. Кружась вокруг, обнаруживаю позиции зенитных батарей и отдаю приказ атаковать их. «Сегодня им достанется», — высказывает свое мнение Хеншель.

К несчастью, два новых экипажа немного отстали во время пикирования. Один из этих самолетов изрешечен пулями и проносится мимо меня в направлении территории, занятой противником. Я пытаюсь догнать его, но не могу бросить из-за него всю эскадрилью на произвол судьбы. Я ору на него по радио, ругаю его, но ничто не помогает. Он уходит, снижаясь, к русскому берегу Днестра. За ним тянется узкая полоска дыма. Он, без сомнения, мог бы продержаться в воздухе еще несколько минут, как другие, и долетел бы до наших окопов. «У него нервы сдали, у этого идиота», — комментирует Фиккель по радио. Я уже не могу заниматься подбитым самолетом, поскольку должен попытаться сохранить наш потрепанный строй. Маневрирую в западном направлении, делая оборонительные круги. Через пятнадцать минут красные истребители уходят, и мы обычным строем направляемся к нашей базе.

Я приказываю командиру седьмого звена вести строй домой. Вместе с лейтенантом Фишером, который пилотирует второй штабной самолет, я разворачиваюсь и иду назад на низкой высоте, над самым Днестром. Река течет здесь между высокими обрывистыми берегами. Впе-

реди в направлении моста вижу русские истребители, которые патрулируют на высоте 1—3 километра. Но в речной долине меня трудно разглядеть, и, кроме того, моего возвращения никто здесь не ждет. Как только я поднимаюсь над кустарником, которым поросли берега, справа, в трех-четыре километрах, замечаю наш самолет. Он совершил вынужденную посадку в поле. Экипаж стоит рядом с машиной и, когда я пролетаю мимо них на низкой высоте, начинает отчаянно жестикулировать. «Если бы вы обратили на меня внимание раньше, этой деликатной операции можно было бы избежать», — бормочу я себе под нос и разворачиваюсь, чтобы определить, пригодно ли то поле для посадки. Да, сесть можно. Подбадриваю себя: «Тогда все в порядке... продолжай. Это будет седьмой экипаж, который ты вытащишь из-под носа русских».

Даю команду Фишеру оставаться в воздухе и отвлечь на себя истребители, если те нападут. После бомбежки моста я знаю, откуда дует ветер. Выпустить закрылки, убрать газ — я приземлюсь в одно мгновение. Но что это? Я промахиваюсь и должен вновь дать газ и зайти еще раз. Прежде со мной такого никогда не случалось. Дурное предзнаменование? Трусость? Еще раз убрать газ, выпустить закрылки... Я приземляюсь и тут же замечаю, что почва очень мягкая, мне даже не нужно тормозить. Мой самолет останавливается перед двумя моими коллегами. Это экипаж новичков, сержант и ефрейтор. Хеншель сдвигает фонарь, и я показываю им знаками: быстро залезать внутрь! Двигатель ревет, они карабкаются в кабину к Хеншелю. Над головой кружат красные соколы, они нас еще не заметили. «Хеншель, готовы?» — «Да». Я намереваясь вырулить так, чтобы взлететь в том же направлении, откуда и появился. Но мое правое колесо завязло в земле. Чем больше я даю газа, тем больше оно погружается в грунт. Мой самолет отказывается трогаться с места, возможно, потому, что между обтекателем и колесом набилось много грязи. «Хеншель, вылезай и сними обтекатель. Может быть, тогда нам удастся взлететь». Крепление обломилось, об-

текатель остается на месте, но даже без него мы не смогли бы взлететь: мы застряли в грязи. Тяну ручку на себя, отпускаю ее и даю реверс. Ни малейшего намека на то, что это поможет. Возможно, удастся спарашютировать, но это тоже не помогает. Фишер пролетает над нами и спрашивает по радио: «Мне приземляться?». После секундного размышления я говорю себе, что если он приземлится, то тоже не сможет взлететь. «Нет, не садись. Ты должен лететь домой».

Оглядываюсь. К нам толпой бегут «иваны». Они уже в трехстах метрах. Прочь из кабины! «За мной!», — кричу я, и вот мы уже несемся на юг с быстротой, на какую только способны. Когда мы селились, я видел, что мы примерно в пяти километрах от Днестра. Мы должны переправиться через реку, несмотря ни на что, иначе станем легкой добычей преследующих нас красных. Бежать нелегко. На мне высокие меховые унты и подбитая мехом куртка. На пот лучше не обращать внимания! Никого не надо подгонять, мы не хотим оказаться в советском лагере для военнопленных — для пилотов пикирующих бомбардировщиков это равносильно верной смерти.

Мы бежим так уже полчаса. Кто бы видел это со стороны! «Иваны» отстали от нас на добрый километр. Неожиданно мы оказываемся на краю почти отвесного обрыва над рекой. Бегаем туда-сюда, ищем тропинку, чтобы спуститься... «Иваны» уже наступают нам на пятки. Неожиданно одно детское воспоминание наводит меня на мысль. Когда я был мальчишкой, мы спускались с верхушки дерева, скользя по веткам, и добирались до земли в целостности и сохранности. На каменном склоне полно больших колючих кустов. Один за другим мы скользим вниз и приземляемся у самой воды. Наши руки и ноги исцарапаны, одежда превратилась в лохмотья. Хеншель испуган. Он кричит: «Нырять! Лучше утонуть, чем попасть в плен к русским!». В этом есть здравый смысл. Мы уже задыхаемся от бега. Короткая передышка, затем мы срываем с себя верхнюю одежду. «Иваны» тем временем подбегают к обрыву. Но нас им

не видно. Они бегают взад и вперед и никак не могут сообразить, куда мы делись. Они наверняка считают, что мы не могли спрыгнуть с обрыва. Днестр бурлит, снег тает, и мимо плывет много льдин. Ширина реки здесь на глаз примерно полкилометра, температура воздуха на три-четыре градуса выше нуля. Остальные уже в воде. Я избавляюсь от унт и меховой куртки и следую за ними. На мне только рубашка и брюки, под рубашкой — моя карта, в кармане брюк — медали и компас. Когда я вхожу в воду, я говорю себе: «Ни за что на свете!», но, подумав об альтернативе, уже плыву.

Проходят мгновения, и меня парализует холод. Хватаю ртом воздух, уже не чувствую, что плыву. «Сконцентрируйся, сохраняй ритм!» Далекий берег приближается очень медленно. Остальные плывут впереди. Я думаю о Хеншеле. Он сдал свой экзамен по плаванию вместе со мной, когда мы находились в резервной части в Граце. Если сегодня он выложится полностью в этих более трудных условиях, то сможет повторить рекордное время или, возможно, подойдет к нему очень близко. На середине реки я оказываюсь рядом с ним, в нескольких метрах позади стрелка с другого самолета. Фельдфебель плывет далеко впереди — похоже, он отличный пловец. Постепенно мы становимся невосприимчивыми к ощущениям, нас спасает инстинкт самосохранения: не согнуться, не сломаться. Я удивлен выносливостью остальных, поскольку я, бывший атлет, привык к перенапряжению. Мой мозг погружается в воспоминания. Когда я занимался десятиборьем, то всегда заканчивал бегом на полтора километра, после того как показывал все, на что способен, в девяти других упражнениях. На этот раз тяжелые тренировки воздаются мне сторицей. Фельдфебель вылезает из воды и падает на берег. Потом добираемся до берега мы с унтер-офицером. Хеншелю еще плыть метров сто пятьдесят. Двое других лежат неподвижно, промерзшие до костей, стрелок бормочет что-то, как в бреду. Бедняга! Я сижу на берегу и вижу, как Хеншель пытается добраться до берега. Еще 80 метров. Неожиданно он вскидывает вверх руки, кричит: «Я не могу, я больше не могу!» и погружается в воду.

Он опять всплывает, но затем исчезает снова и больше не показывается. Я снова прыгаю в воду, расходуя последние десять процентов энергии, которые, как я надеялся, мне удалось сохранить. Я достигаю того места, где Хеншель ушел под воду. Я не могу нырять, для этого я должен сделать глубокий вдох, но из-за холода никак не могу набрать достаточно воздуха. После нескольких неудачных попыток я едва сумел добраться до берега. Если бы я как-то ухватил Хеншеля, то скорее всего оказался бы вместе с ним на дне Днестра. Он был очень тяжелым, такое никому не под силу. Я лежу на берегу, раскинув руки... слабый... истощенный... где-то внутри меня глубокая скорбь по моему другу Хеншелю. Мы читаем молитву за упокой души нашего товарища.

Карта намокла, но я все держу в голове. Один дьявол знает, как далеко в русском тылу мы находимся. Или все еще есть шанс, что рано или поздно мы натолкнемся на румын? Проверяю наше оружие. У меня револьвер калибра 6.35 с шестью патронами, у фельдфебеля — 7.65 с полным магазином. Ефрейтор потерял свой револьвер в воде, у него только сломанный нож Хеншеля. Мы идем на юг, сжимая наше оружие в руках. Слабохолмистая местность знакома по полетам. В окрестностях есть несколько деревень, в 35 километрах к югу с запада на восток идет железная дорога. Я знаю на ней только две станции — Балту и Флорешты. Даже если русские и прошли так далеко, мы можем рассчитывать на то, что эта железнодорожная линия все еще свободна от противника.

Время около 3 часов дня, солнце стоит высоко. Мы в небольшой долине, окруженной холмами. Все окоченели от холода, капрал все еще бредит. Я прибегаю к благоразумию: мы должны избегать любых населенных мест. Каждый из нас получает определенный сектор для наблюдения.

Я умираю от голода. До меня вдруг доходит, что целый день я ничего не ел. Это наш восьмой вылет, и не было времени перекусить между заданиями. После возвращения с каждого задания необходимо писать отчет

и отправлять в группу, а по телефону уже поступают инструкции о проведении следующей операции. Наши самолеты опять заправляют, оружейники загружают боеприпасы, подвешивают бомбы, и мы взлетаем снова. Экипажи могут немного отдохнуть и даже что-то проглотить, но мне не приходится на это рассчитывать.

Предполагаю, что мы идем уже больше часа. Солнце начинает садиться, а наша одежда постепенно замерзает. Вот что-то показалось впереди. Или я ошибаюсь? Нет, там и впрямь что-то виднеется. Прямо на фоне солнечного сияния (из-за этого трудно рассмотреть детали) движутся три фигуры. Они уже в 300 метрах от нас. Эти люди, конечно же, нас уже заметили. Возможно, они занимали позицию на вершине одного из холмов. Рослые парни, без сомнения, румыны. Теперь я могу рассмотреть их получше. Те, что справа и слева, несут за плечами винтовки, тот, что в середине, вооружен автоматом с круглым диском. Это молодой парень, двое других сорокалетнего возраста, должно быть, резервисты. Они одеты в коричнево-зеленую форму. Не делая никаких враждебных жестов, они подходят к нам ближе. Я вдруг соображаю, что на нас теперь нет никакой формы, и поэтому они не могут разобрать, кто мы такие. Я спешно советую унтер-офицеру убрать револьвер и прячу свой на случай, если румыны занервничают и начнут стрелять. Трио останавливается в метре перед нами и разглядывает нас с любопытством. Я начинаю объяснять нашим союзникам, что мы — немцы, сделали вынужденную посадку, и прошу их помочь нам с одеждой и едой, добавив, что мы хотели бы вернуться в свою часть как можно скорее.

Я повторяю: «Мы немецкие летчики, сделали вынужденную посадку». Но их лица мрачнеют, и в тот же самый момент я вижу три дула, направленных мне в грудь. Молодой парень мгновенно хватается за мою кобуру и вытаскивает оттуда револьвер. Они стояли спиной к солнцу. Сейчас я могу рассмотреть их получше. Серп и молот — значит, русские. Я вовсе не собираюсь сдаваться в плен, думаю только о побеге. У меня один

шанс из ста. За мою голову в России, должно быть, назначено хорошее вознаграждение, а если меня захватят живым, то награда, наверное, будет еще больше. Вышибить мне мозги было бы для них не совсем практично. Я безоружен. Медленно поворачиваю голову, чтобы увидеть, в какой стороне берег. Они догадываются о моем намерении, и один из них кричит: «Стой!». Я поворачиваюсь, пригибаюсь пониже и бегу, сломя голову, бросаясь из стороны в сторону. Раздаются три выстрела, за ними следует длинная очередь из автомата. Жгучая боль в плече. Тот молодой парень попал мне в плечо из автомата, двое других промахнулись.

Я бегу, как заяц, поднимаюсь зигзагом на холм, вокруг свистят пули. «Иваны» бегут за мной. Остановка, огонь, бег, огонь, бег, огонь, бег. Лишь минуту назад я думал, что могу только волочить ноги, так они заковали от холода, но сейчас бегу, как никогда не бежал в своей жизни. Кровь струится по плечу, и я делаю над собой усилие, чтобы рассеять темноту перед глазами. Я выиграл уже 50 метров у моих преследователей, пули свистят беспрестанно. Моя единственная мысль: «Погибает только тот, кто смирился с поражением». Холм кажется бесконечным. Я бегу в сторону солнца, чтобы затруднить «иванам» прицеливание. Моя фигура почти растворяется в солнечном сиянии, и им труднее в меня попасть. Я сам только что получил этот урок. Вот я достигаю гребня, но мои силы на исходе. Решаю держаться вершины хребта, мне не выдержать новый спуск и подъем. Поэтому я бегу вдоль гряды.

Не могу поверить своим глазам: с соседнего холма ко мне бегут еще человек двадцать «иванов». Скорее всего они все видели и хотят окружить свою истощенную и раненую добычу. Моя вера в Бога поколеблена. Почему он позволил мне поверить в возможный успех моего бегства? Я только что спасся из совершенно безвыходной ситуации. И неужели Он отдаст меня в руки врагов невооруженным, лишенным последнего оружия, моих физических сил? Моя решимость спастись бегством внезапно получает новый толчок. Я стремительно сбегая с холма.

За мной, в двухстах или трехстах метрах, несутся мои первые преследователи, новая группа подбегает сбоку. От первого трио остались лишь двое, в какой-то момент они не могут видеть меня, потому что я нахожусь на дальней стороне холма. Один из них остался позади, чтобы вести моих двух товарищей, которые в момент моего побега остались на месте. Гончие слева от меня держатся параллельного курса, они хотят отрезать меня. Вот начинается вспаханное поле, я оступаюсь и бросаю быстрый взгляд на «иванов». Я смертельно устал, спотыкаюсь о ком земли и лежу там, где упал. Конца недолго ждать. Еще раз бормочу проклятие: у меня нет револьвера, поэтому у меня нет никакой возможности лишить «иванов» их триумфа — взять меня в плен. Мои глаза обращены в сторону красных. Они уже бегут по тому же вспаханному полю, внимательно глядя себе под ноги. Они пробегают еще пятнадцать метров, затем оглядываются и смотрят вправо, туда, где лежу я. Вот они поравнялись со мной, вот идут дальше вперед на 250 метров, разворачиваются в линию. Они останавливаются и оглядываются вокруг: не могут понять, куда я подевался. Я лежу на слегка замерзшей земле и пытаюсь зарыться в нее. Земля очень твердая. Маленькие комочки земли, которые мне удастся выскрести, я бросаю вперед, постепенно выкапывая себе «лисю нору». Мои раны кровоточат, их нечем перевязать. Я лежу ничком на ледяной земле в мокрой насквозь одежде, внутри все горит при мысли о том, что в любой момент меня могут схватить. Вновь сто к одному, что меня обнаружат и схватят не более как через минуту. Но разве это причина, чтобы сдаваться в почти безнадежной ситуации, когда может помочь только вера в то, что и почти невозможное может стать возможным?

Русские теперь идут в моем направлении. Расстояние между нами сокращается. Каждый из них обыскивает свой участок поля, но не методично. Некоторые из них смотрят совершенно не в том направлении, они не беспокоят меня. Но вот один идет прямо ко мне. Ужасное напряжение. Не дойдя до меня шагов двадцать, он останавли-

вается. Смотрит на меня? Да или нет? Без сомнения, он смотрит в мою сторону. Подходит ближе? Чего он ждет? Несколько минут он пребывает в нерешительности, мне они кажутся вечностью. Время от времени он поворачивает голову то вправо, то влево, смотрит куда-то далеко в поле. Я моментально обретаю надежду, но затем снова вижу, как опасность зреет прямо передо мной. Силуэты моих первых преследователей появляются на гряде, но теперь, когда столько гончих идут по следу, они уже не принимают свою задачу всерьез.

Неожиданно за моей спиной и чуть сбоку слышу гул самолетов. Оглядываюсь через плечо: «Штуки» из моей эскадрильи вместе с сильным истребительным эскортом и двумя «Шторхами» летят над Днестром. Это означает, что лейтенант Фишер уже объявил тревогу, и они ищут меня, чтобы вытащить из этой неразберихи. Там, наверху, они даже не подозревают, что ищут совсем не в том направлении, что после посадки я прошел десяток километров и уже на этой стороне реки. На таком расстоянии я никак не могу привлечь их внимание, я не осмеливаюсь поднять вверх даже мизинец. Они делают один круг за другим на различной высоте. Затем удаляются на восток и исчезают. Многие из них подумают: «На этот раз даже он не смог выкарабкаться». Они летят домой. Я жадно провожаю их взглядом. Они по крайней мере знают, что сегодня будет спать в укрытии и останутся в живых, а я ничего не знаю. Сколько минут жизни мне еще даровано? Медленно садится солнце. Почему меня все еще не обнаружили?

По склону холма движется колонна «иванов» походным индейским строем, с лошадьми и собаками. Опять сомневаюсь в Божьей справедливости, но пройдет совсем немного времени, и меня защитит ночь. Я чувствую, как дрожит земля от их шагов. Мои нервы напряжены до предела. Бросаю взгляд назад. Люди и животные уже в ста метрах от меня. Почему собаки меня не учуяли? Почему никто меня не обнаружил? Пройдя мимо меня, они рассыпаются в цепь с интервалом в два метра. Если бы они сделали это за пятьдесят метров раньше, то

прошли бы прямо по моей спине. Они исчезают в медленно сгущающихся сумерках.

Вечернее небо становится темно-синим, на нем появляются слабо мерцающие звезды. Мой компас не светится в темноте, но света все еще достаточно, чтобы различить его показания. Я должен продолжать двигаться на юг. На этой стороне небосвода вижу заметную и легко различимую звезду и рядом другую, поменьше. Я решаю сделать их своим ориентиром. Интересно, какое это созвездие? Темнеет, больше никого не видно. Я встаю, одеревенелый, голодный, все тело ноет, меня мучает жажда. Вспоминаю о своем шоколаде. Но я оставил его в моей меховой куртке на берегу Днестра. Избегая дорог, тропинок и деревень, потому что «иван» наверняка расставил повсюду часовых, я иду, ориентируясь по звездам, вверх по холму и вниз в долину, перехожу вброд ручьи, пересекаю заболоченные низины и поля, с которых осенью убрали кукурузу. Мои босые ноги порезаны в клочья. Все время спотыкаюсь о большие камни. Постепенно ноги перестают что-либо чувствовать. Воля к жизни и свободе заставляет меня держаться, они неразделимы, жизнь без свободы — только скорлупа. Как далеко «иван» проник в наши позиции? Сколько мне еще путешествовать? Когда я слышу лай собаки, обхожу это место стороной: окрестные хутора скорее всего заняты врагом. На горизонте я часто вижу вспышки орудий, слышу глухой гул — по всей видимости, наши начали артобстрел. Но это означает, что русский прорыв остановлен. На дне оврагов, которые то здесь, то там прорезают холмы, я часто оступаюсь в темноте и проваливаюсь в канавы, где по колено липкой грязи. Она засасывает, а у меня нет сил выбраться из нее. Хватаюсь руками за край канавы, вытаскиваю туловище из воды, но ноги еще остаются в этой жиже. И я лежу, истощенный, чувствуя себя так, словно мои «батарейки» на исходе. Полежав минут пять, я постепенно «подзаряжаюсь» и накапливаю силы, чтобы вскарабкаться на крутые стенки канавы. Но подобная неприятность повторяется снова и снова, по край-

ней мере там, где земля неровная. Так продолжается до 9 часов вечера. Ну все, с меня хватит! Даже после долгого отдыха мне не восстановить силы. Без воды, пищи и сна я уже не могу идти. Надо поискать какой-нибудь отдельно стоящий дом.

Слышу — вдалеке лает собака, иду на звук. Вероятно, я совсем недалеко от деревни. Немного погодя натыкаюсь на ферму и с трудом успокаиваю лающего пса. Мне совсем не нравится этот лай, я боюсь, что он привлечет внимание какого-нибудь сторожевого поста в соседней деревне. Я стучу в дверь, но никто не открывает — скорее всего, там никого нет. То же самое повторилось и на другой ферме. Иду к третьей. Когда и на этот раз никто не отвечает, я теряю терпение и открываю окно, чтобы залезть внутрь. В этот момент в двери появляется старуха с дымящей лампой. Я уже наполовину влез в окно, но теперь вылезая и ставлю ногу в дверь. Старуха пытается оттолкнуть меня. Я решительно прохожу мимо нее. Обернувшись к ней, указываю в направлении деревни и спрашиваю: «Большевики?». Она кивает утвердительно. Из этого я делаю вывод, что «иван» занял деревню. Тусклый свет лампы слабо освещает комнату: стол, скамейку, старый буфет. В углу на кривоногой кровати храпит седобородый старик. Ему, должно быть, за семьдесят. Молча пересекаю комнату и ложусь рядом с ним на деревянный топчан. Что я могу сказать? Я не знаю русского. Женщина поймет, что я не собираюсь причинить им никакого вреда, — босой, в лохмотьях рубашки, липких от свернувшейся крови, похожий скорее на преследуемую дичь, нежели на ночного грабителя. Я лежу. Над нашими головами тускло мерцает лампа. Мне не приходит в голову попросить их перевязать мое плечо или порезанные ноги. Я хочу только отдохнуть.

Меня опять мучают голод и жажда. Я сажусь на кровати и складываю ладони в умоляющем жесте, показываю жестами, что хочу пить и есть. Поколебавшись немного, старуха приносит мне кувшин воды и кусок заплесневевшего кукурузного хлеба. Никогда в своей жизни я не ел ничего вкуснее. С каждым глотком и кус-

ком хлеба я чувствую прилив сил, как будто ко мне вернулась воля к жизни и действию. Поначалу я ем с жадностью, но, поев немного, начинаю размышлять о своем положении и вырабатываю план действий на следующие несколько часов. Я попил и поел. Отдохну до часа ночи. Сейчас полдесятого. Нужно отдохнуть. Поэтому я снова ложусь на деревянные доски около стариков, полусплю, полубодрствую. Просыпаюсь через каждые пятнадцать минут, как по часам, и проверяю время. Что бы ни случилось, я не могу променять спасительную темноту на сон, я должен пройти как можно дальше на юг. 9.45, 10 часов, 10.15... 12.45, 1.00. Пора собираться! Старуха закрывает за мной дверь. Я оступаю и падаю со ступеней. Это спросонья или темная ночь виновата, а может быть, ступени скользкие?

Идет дождь. Ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. Звезды исчезли. В какую сторону идти? Вспоминаю, что, когда я шел накануне вечером, ветер дул мне в спину. Если хочу пробираться на юг, мне нужно двигаться по ветру. Или он переменялся? Я все еще среди зданий на ферме, здесь я защищен от ветра. Он дует то в одну сторону, то в другую — боюсь, что буду двигаться по кругу. Чернильная темнота, препятствия, я наталкиваюсь на что-то — ушиб голени. Собаки лают хором, дома где-то поблизости, это деревня. Остается только молиться, чтобы в следующую минуту не столкнуться с русским часовым. Наконец, я оказываюсь на открытом месте и решительно подставляю спину ветру. Я избавился и от дворняг. Бреду, как и раньше, вверх по холму, вниз по склону. Опять верх, вниз. Кукурузные поля, камни, перелески. Здесь труднее всего держать направление, потому что среди деревьев ветер почти стихает. На горизонте вижу беспрестанные вспышки и слышу мерные раскаты орудий. Они помогают мне сохранять курс. В четвертом часу утра слева от меня забрезжил неясный свет — близок рассвет. Сейчас я уверен, что ветер не изменил направления и я на верном пути.

Я прошел уже десять километров. Похоже, вчера я покрыл километров 15—18, так что теперь нахожусь в

25 километрах от Днестра. Передо мной вздымается холм высотой примерно в двести метров. Я карабкаюсь на него. Возможно, с вершины я увижу что-нибудь и смогу найти несколько ориентиров. Уже рассвело, но я не могу обнаружить никаких примечательных мест. Слева и справа в нескольких километрах от себя вижу три крошечные деревушки. Обнаруживаю, что мой холм на самом деле является началом гряды, которая тянется с севера на юг, так что я могу сохранять направление движения. Склоны гряды гладкие и голые, легко увидеть любого, идущего навстречу, любое движение. Преследователям пришлось бы карабкаться вверх, а это поставило бы их в невыгодное положение. Кто может в данный момент подозревать о моем присутствии здесь? На душе радостно: хотя уже день, я уверен, что смогу пройти на юг еще несколько километров, как можно большее расстояние без задержки.

Я оцениваю длину гряды примерно в десять километров, это очень много. Но на самом ли деле так много? Ободряю себя: «Ты пробежал десять километров за 40 минут. То, что ты мог делать тогда за сорок минут, сейчас сможешь сделать за час, и приз — твоя свобода. Так что представь, что ты бежишь марафон!»

Я, должно быть, стал бы подходящей моделью для сумасшедшего художника, когда совершал этот марафонский бег вдоль вершины гряды — ковыляя, в лохмотьях, босиком, на кровоточащих ногах, прижимая руку к груди, чтобы не так сильно болело раненое плечо. «Ты должен это сделать... думай о беге... и беги... и продолжай бежать». Время от времени я переходил на рысь, а потом, еще через сотню метров, на шаг. Затем я начал бег снова. Я смогу добежать за час... Но сейчас, к несчастью, я должен спуститься с защищающих меня холмов, дорога ведет меня вниз. Передо мной широкая равнина, небольшая лощина идет в том же направлении, что и хребет. Это опасно, потому что здесь меня легче застигнуть врасплох. Кроме того, время уже подходит к семи утра, и неприятные встречи более вероятны. Вновь мои «батарейки» на исходе. Попить... поесть...

отдохнуть. Я пока не видел ни одного человека. Принять меры предосторожности? Но что я могу сделать, безоружный, голодный и мучимый жаждой? Благоразумие, конечно, добродетель, но жажда и голод сильнее его. Они делают меня беспечным. Слева впереди на горизонте в утренней дымке виднеются две фермы. Я должен добраться туда...

На мгновение останавливаюсь у двери сарая и заглядываю внутрь. Там пусто, ничего нет, никакой упряжи, никаких сельскохозяйственных орудий, ни живого существа. Но нет! — из одного угла в другой пробегает крыса. В сарае большая куча гниющей кукурузы. Я с жадностью перебираю ее. Если бы только найти пару початков... или хотя бы несколько зерен... Но я ничего не нахожу. Ищу опять и опять... ничего нет!

Неожиданно слышу, как сзади что-то хрустнуло. Несколько фигур тихо пробираются мимо двери в другой сарай: кто это, русские или беженцы, такие же голодные, как и я, и надеющиеся добраться до своих? Или это грабители, рыскающие в поисках добычи? Я обшариваю другую ферму. Тщательно осматриваю все кучи — ничего! Разочарованный, решаю, что если нет еды, то по крайней мере можно использовать эти кучи для отдыха. Я делаю себе укрытие в куче кукурузных листьев и уже готов улечься, как слышу новый шум: по дороге громыхает телега, на ней сидит человек в высокой меховой шапке, позади него — девушка. Если тут девушка, опасности нет, и я подхожу к ним. Судя по черной меховой шапке, это румынский крестьянин. Спрашиваю девушку: «У вас есть какая-нибудь еда?» — «Если вы будете это есть...» Она достает из мешка несколько черствых лепешек. Крестьянин останавливает лошадь. Только потом до меня доходит, что я задал вопрос на немецком и получил ответ тоже на немецком. «Откуда вы знаете немецкий?» Девушка говорит мне, что она пробиралась вместе с немецкими солдатами от Днепропетровска и выучила язык. Сейчас она хочет остаться с румынским крестьянином, который сидит рядом с ней. Они бегут от русских. «Но вы же идете прямо в на-

правлении к ним». Вижу по их лицам, что они не верят мне. «Русские уже в том городе?» — «Нет. Это Флорешты». Этот неожиданный ответ ободряет. Город должен находиться на железной дороге Балта—Флорешты, которую я знаю. «Не могли бы вы сказать, есть ли где немецкие солдаты поблизости?» — «Нет, немцы ушли, но здесь могут быть румынские солдаты». — «Спасибо вам, и Бог в помощь».

Я машу рукой вслед тронувшейся с места повозке. Меня наверняка будут спрашивать позднее, почему я не «реквизировал» фургон. Эта идея никогда не приходила мне на ум. Разве эти двое не такие же беженцы, как и я? И разве я не должен благодарить Бога за то, что до сих пор мне удавалось избежать опасности?

После того как мое волнение улеглось, на мгновение меня охватила невероятная слабость. Все последние десять километров меня мучила ужасная боль, неожиданно она опять появилась в израненных ногах, мое плечо ломит при каждом шаге. Я встречаю толпу беженцев с тачками, в которых лежат жалкие пожитки, какие они смогли спасти, все спешат в страшной панике.

В предместье Флорешты на краю песчаного карьера стоят два солдата. Немецкая форма? Еще несколько метров, и мои надежды не обманывают меня. Незабываемое зрелище! Я зову их: «Идите сюда!». Они кричат мне сверху: «Что это значит: идите сюда?! Ты кто такой, приятель?». — «Я — майор Рудель». — «Ну да! Ни один майор так не выглядит». У меня с собой нет никаких документов, но в моем кармане Рыцарский крест с Дубовыми листьями и Мечами. Я вынимаю его из кармана и показываю им. Посмотрев на него, унтер-офицер говорит: «Ну, теперь мы вам верим». — «Есть ли здесь немецкая комендатура?» — «Нет, только штаб полевого госпиталя».

Вот туда-то мне и надо. Они становятся по бокам и ведут меня. Я скорее ковыляю, нежели иду. Доктор разрезает рубашку и брюки ножницами, лохмотья прилипли к телу. Он мажет раны на ногах йодом и перевязывает плечо. Во время этой процедуры я жадно давлюсь

самой вкусной сосиской в своей жизни. Прошу отвезти меня на аэродром в Балту. Здесь я надеюсь найти самолет, который доставит меня в эскадрилью. «Какую одежду вам дать?» — спрашивает доктор. Вся моя одежда изрезана на куски. «У нас ничего нет». Они заворачивают меня голого в одеяло и везут на машине в Балту.

Но что это? Дверцу машины открывает инженер 3-й эскадрильи: «Лейтенант Эберсбах, командир передовой группы 3-й эскадрильи, мы перелетаем в Яссы». Его сопровождает солдат, который несет для меня одежду. Оказывается, о моей поездке в голом виде из Флорешты уже сообщили в Балту по телефону. Эберсбах находился в диспетчерской, когда поступило это сообщение. Ему сказали, что его коллега, пропавший без вести, вскоре прибудет в костюме новорожденного. Я залезаю в Ю-52 и лечу в Раховку, где стоит моя эскадрилья. Телефонные звонки, новость распространяется повсюду, как лесной пожар, а полковой повар Рункель уже начал печь праздничный пирог. Эскадрилья построена, я вглядываюсь в улыбающиеся лица. Чувствую себя родившимся заново, как будто произошло чудо. Жизнь возвращается ко мне, и это воссоединение с моими боевыми товарищами — наилучшая награда за самую трудную дистанцию в моей жизни.

Мы оплакиваем потерю Хеншеля, нашего лучшего бортстрелка, который совершил 1200 боевых вылетов. В этот вечер мы сидим все вместе у костра. Царит праздничная атмосфера. Группа прислала делегатов, среди них доктор, который, как предполагается, должен «сидеть у моей кровати». Он передает мне поздравления генерала вместе с приказом, что я не должен летать и буду немедленно отправлен в отпуск, как только поправлюсь в достаточной степени. И вновь мне приходится разочаровывать нашего бедного генерала. Я больше озабочен вопросом, сможем ли мы сдержать сейчас Советы, которые, форсировав Днестр, рвутся на юг большими силами. Я не могу оставаться в постели ни одного дня.

На следующее утро мы должны передислоцироваться в Яссы. Стоит ненастная погода, летать нельзя. Если

нет вылетов, я могу повиноваться приказам доктора и отдохнуть. На другой день лечу со своей эскадрильей в Яссы, откуда легче совершать боевые вылеты через Днестр. Мое плечо забинтовано, я не могу двинуть рукой, но это вовсе не мешает мне летать. Хуже то, что мои ноги изрезаны до костей, и я не могу ходить. Любое нажатие на педали причиняет невыносимую боль. Меня носят к самолету на руках.

Яссы — хорошенький румынский городок, до настоящего времени не знающий войны. Для нас просто великолепный вид, он напоминает нам о доме. Мы глазеем на витрины магазинов и радуемся, как дети.

На следующее утро наша разведка обнаруживает сильные бронетанковые и моторизованные силы противника к северу от Балты — вероятно, они уже входят в город. Погода плохая, местность гористая, и даже самые высокие вершины окутаны туманом. Ситуация печальная: больше нет войск, которые способны удерживать фронт. Мотопехота противника может оказаться здесь через несколько часов. Кто ее остановит? Мы остались одни. Разведка сообщает о сильном огне зениток, их наступающие красные привезли с собой. Советские Ла-5 и «Аэрокобры» постоянно кружат над этими бронетанковыми клиньями. Весь наш южный фронт в России и месторождения нефти в Румынии, имеющие важнейшее значение, оказались под угрозой. Я глух ко всем советам, которые касаются моего физического состояния. Русские должны быть остановлены, а их танки, ударная сила армии, уничтожены. Проходят недели, прежде чем нашим коллегам на земле удастся создать линию обороны.

Мой бортстрелок Ротман несет меня на руках к самолету. Шесть вылетов до изнеможения утром, затем три после полудня. Стоит ужасная погода. Сильный зенитный огонь. Почти после каждого вылета мне приходится менять самолет из-за повреждений, нанесенных зенитками. Я очень плохо себя чувствую. Только решимость остановить Советы, где бы я их ни встретил, поддерживает мои силы. Кроме того, именно их солдаты пы-

тались взять меня в плен, а в тот день, когда я сбежал, московское радио уже сообщило о том, что они захватили в плен самого майора Руделя. Скорее всего они не поверили, что я смог добраться до своих. Неужели мои коллеги, которые не смогли бежать вместе со мной, выдали мое имя?

Используя бомбы и пушки, мы атакуем танки, колонны грузовиков с бензином и продовольствием, пехоту и кавалерию. Наносим удары с высоты и 10, и 200 метров, потому что стоит отвратительная погода. Вместе с другими самолетами, оборудованными 37-миллиметровыми пушками, я отправляюсь на танковую охоту на предельно низкой высоте. Остальные экипажи остаются на земле, поскольку, когда мой самолет поврежден, я должен использовать другой, а исправных противотанковых машин мало. Если требуется слишком много времени, чтобы заправить всю эскадрилью, я приказываю быстро залить горючее в мой самолет, и вдвоем с другим летчиком мы совершаем дополнительные полеты между общими вылетами. Обычно наших истребителей в воздухе нет, тогда русские используют свое численное превосходство. Во время этих воздушных боев мне трудно маневрировать, поскольку я не могу нажимать на педали, использую только одну ручку управления. Но до сих пор я получал повреждения только от зенитного огня во время каждого полета.

Во время последнего боевого вылета в тот день я лечу на обычной «Штуке» с бомбами и двумя пушками 20-миллиметрового калибра. С помощью этого оружия нельзя пробить даже среднюю по толщине танковую броню. Красные явно не ожидают, что мы появимся так поздно, наша единственная цель установить места их концентрации и составить общее представление о ситуации, которая имеет наиважнейшее значение для завтрашнего дня. Мы летим вдоль двух дорог, которые идут на север в направлении Балты. Солнце уже садится, слева впереди над деревней Фалешты поднимаются огромные облака дыма. Возможно, там все еще румынские войска. Я отстаю от эскадрильи и лечу над

деревней. Меня встречает сильный зенитный огонь. Вижу массу танков, за ними — большую колонну грузовиков и мотопехоты. Любопытно, что на танках по два-три запасных бака с горючим. Меня вдруг озаряет мысль: они больше не ожидают нашего появления и хотят сегодня вечером прорваться в самое сердце Румынии, в район нефтяных месторождений, и тем самым отрезать весь наш южный фронт. Они пользуются сумерками и темнотой, потому что днем не могут двигаться, когда у них над головами кружат мои «Штуки». Вот почему танки оснащены дополнительными баками, они могут прорываться даже без своих грузовиков. Это крупная по масштабам операция, и они ее уже начали. Сейчас я вижу это совершенно отчетливо. Только мы знаем, что происходит. Значит, и вся ответственность лежит на нас. Я отдаю по радио приказы: «Эта атака имеет важнейшее значение», «Бомбы сбрасывать поочередно», «Атакуйте на малой высоте, пока не кончатся боеприпасы», «Бортстрелкам тоже открыть огонь по машинам».

Я сбрасываю бомбы и начинаю охоту на танки со своими 20-миллиметровыми пушками. В другое время было бы напрасной тратой сил стрелять по танкам из оружия такого калибра, но сегодня «иваны» везут баки с горючим. И тут они просчитались. После первых же бомб русская колонна останавливается, затем, под прикрытием свирепого зенитного огня, пытается двигаться дальше, сохраняя строй. Но мы не даем себя запугать. Только сейчас они поняли, что мы настроены серьезно. Красные в панике бегут от дороги, танки сворачивают в поля и беспрестанно кружат, выполняя все известные им оборонительные маневры. Всякий раз, когда я стреляю, я попадаю в бак разрывным или зажигательным снарядом. По всей видимости, горючее протекает сквозь отверстия — некоторые танки, которые стоят в тени холма, взрываются с ослепляющими вспышками. Если взрывается их боезапас, небо расцветивает настоящий фейерверк, а если танк везет некоторое количество сигнальных ракет, они сыплются вокруг невообразимой цветовой гаммой.

Каждый раз, когда захожу в атаку, я сознаю ответственность, которая лежит на нас, и надеюсь, что нам удастся добиться успеха. Какое счастье, что мы засекли эту колонну именно сегодня! У меня кончаются боеприпасы, я уже уничтожил пять танков, но в поле все еще несколько чудовищ, некоторые из них продолжают двигаться. Я должен еще как-то им отплатить.

«Ханнелора 7 (это позывные командира седьмого звена), возвращайтесь домой, после того как истратите все боеприпасы».

Я же вместе с ведомым лечу на максимальной скорости на аэродром. Мы не ждем дозаправки, у нас достаточно горючего для нового вылета, нам нужны лишь боеприпасы. Быстро опускаются сумерки. Все идет слишком медленно, хотя наши оружейники работают изо всех сил. Я уже объяснил им, что стоит на кону, и сейчас они делают все, чтобы не подвести товарищей, находящихся в воздухе.

Через десять минут я взлетаю снова. По пути мы встречаем возвращающуюся эскадрилью, она уже приближается к аэродрому, на котором включены посадочные огни. Кажется, прошла вечность, прежде чем я оказываюсь над целью. Еще издали вижу горящие танки и грузовики. Взрывы освещают поле битвы зловещим светом. Видимость очень плохая. Я направляюсь на низкой высоте к северу и настигаю двух стальных монстров, которые движутся по дороге в том же направлении, вероятно, с намерением сообщить в тылу печальную новость. Я делаю вираж и захожу на атаку. Различаю их лишь в последнюю секунду, когда иду на бреющем. Попасть в них не так просто. Но и они, как и их предшественники, оснащены запасными баками с горючим. Мне удастся взорвать их обоих, хотя и истратив все боеприпасы. Другие за день уничтожили семнадцать танков, моя эскадрилья — примерно столько же, так что сегодня «иваны» потеряли не меньше тридцати танков. Это черный для них день. Сегодня, после всех событий, наш сон в Яссах ничто не потревожит, в этом мы можем быть уверены. Завтра мы узнаем, как далеко продвинулось наступление. Мы са-

димся уже в полной темноте. Постепенно, когда напряжение спадает, я начинаю ощущать боль. И армия, и командование группы хотят знать все в подробностях. Полночи держу около уха телефонную трубку.

Сегодняшнее задание вполне предсказуемо: атаковать те же самые вражеские силы, что и вчера. Мы вылетаем очень рано, чтобы оказаться над целью сразу же после рассвета, поскольку уверены, что «иван» с толком воспользовался передышкой. Погода по-прежнему ненастная, высота нижней кромки облачности — 100—120 метров. Вновь Святой Петр помогает противнику. Окружающие холмы плохо видны. Мы можем лететь только вдоль долин. Интересно: что сегодня для нас приготовлено? Мы пролетаем Фалешты, здесь одни обломки — все, как мы оставили вчера. К югу от Балты встречаем первые танковые и мотопехотные колонны. Нас приветствуют зенитки и истребители. Должно быть, всем уже известно, какое представление мы вчера тут дали. Мне следует проявлять сегодня особую осторожность и ни в коем случае не делать вынужденную посадку где-нибудь поблизости. Мы атакуем без промедления. Воздушные бои мы ведем, не имея никакого эскорта, поскольку в этом секторе почти нет наших истребителей. Кроме того, у нас неприятности из-за погоды. Приходится все время летать очень низко, и без потерь не обойтись, но стоит ли обращать на это внимание, если мы имеем дело с чрезвычайной ситуацией, и в наших собственных интересах не прекращать атаку ни на минуту? Если мы не будем подниматься в воздух, «иван» вскоре захватит наш аэродром.

Жаль, что во время этих трудных вылетов со мной нет Хеншеля, с его опытом бортстрелка он мог бы облегчить мою жизнь. Сегодня мой бортстрелок — унтер-офицер Ротман. Хороший парень, но у него не хватает опыта. Мы все любим летать с ним, мы говорим: «Даже если кто и не вернется назад, можно поспорить, что Ротман как-то выкрутится». После нашего возвращения с первого задания я досаую на задержку и отправляюсь в промежуточный полет в сопровождении Фише-

ра. Мы атакуем танки в предместьях Балты. Над целью нас должны встретить несколько истребителей. Летим как можно ниже, погода ухудшилась, видимость не превышает 800 метров. Поднявшись повыше над городом, высматриваю истребители. И они там действительно есть, но не наши, а русские.

«Смотри, Фишер, это одни «Аэрокобры». Не отставай. Подойди ближе».

Они уже заметили нас. Их около двадцати. Нас всего двое — легкая добыча. Они яростно нас атакуют. Мы не можем набрать высоту, приходится лететь над самой землей, используя каждый овраг, чтобы затеряться. Я не могу маневрировать, потому что не способен нажимать на педали, могу лишь немного менять курс, работая одной ручкой управления. Эта тактика не спасает меня надолго, особенно если за мной идет истребитель, пилот которого знает хотя бы основы своего ремесла. Но тот, что идет сейчас за мной, разбирается в своем деле в совершенстве. Ротман начинает нервничать: «Они нас сейчас собьют!». Ору, чтобы он заткнулся и стрелял. Он продолжает кричать, в фюзеляж вонзаются снаряды — попадание за попаданием. Я не могу воспользоваться педалями. Меня охватывает слепая ярость. Я вне себя от гнева. Слышу, как грохочут снаряды большого калибра — в дополнение к своим 20-миллиметровым пушкам «Аэрокобра» стреляет по мне еще и 30-миллиметровыми снарядами. Сколько еще продержится мой верный Ю-87? Сколько еще пройдет времени, прежде чем самолет охватит пламя или он разлетится на куски? Во время войны меня сбивали тридцать раз, но всегда зенитки и никогда — истребители. Всякий раз я пользовался педалями и с их помощью маневрировал. Это первый раз и последний, когда истребитель попадает в мой самолет.

«Ротман, огонь!»

Он не отвечает. Его последние слова: «Черт! Пулемет заклинило!». Теперь сзади у меня нет никакой защиты. «Иваны» не медлят воспользоваться этим, они становятся еще более агрессивными и заходят на меня сзади,

справа, слева. Один атакует меня спереди раз за разом. Я укрываюсь в самом узком овраге, в какой можно с большим трудом втиснуться, едва не задев откосы крыльями. Русские стреляют довольно метко, добиваясь попадания за попаданием. Шанс вернуться домой невелик. Но неподалеку от нашего аэродрома в Яссах они отказываются от преследования — скорее всего у них кончились боеприпасы.

Я потерял Фишера. Он все время летел в стороне и позади, и я упустил его из виду. Ротман тоже не знает, что с ним случилось. Пошел на вынужденную посадку или разбился? Потеря этого способного молодого офицера бьет по эскадре с особенной силой. Мой самолет изрешечен 20-миллиметровыми снарядами, в него попало и восемь снарядов калибра 37 мм. Ротман не смог бы меня защищать слишком долго. После такого приключения любой был бы выбит из колеи, но с этим ничего не поделаешь.

Я на другом самолете лечу снова. Советы должны быть остановлены. В тот день я вывожу из строя девять танков. Трудный день. Во время последних вылазок я вынужден напрягать зрение, чтобы найти хотя бы один танк. Хороший знак: полагаю, что в данный момент наступление противника выдохлось, а пехота без бронемашин не сможет прорваться слишком далеко.

На следующее утро разведка подтверждает мои предположения. Все стихло, почти вымерло. Когда приземляюсь после первого в тот день вылета, молодой механик прыгает на крыло моего самолета и, горячо жестикулируя, поздравляет меня с награждением Бриллиантами к Рыцарскому Кресту. Только что получен телефонный звонок из штаб-квартиры фюрера, но в сообщении также содержится запрет на полеты. Отдельные слова этого парня тонут в гуле работающих двигателей, но я понимаю смысл того, что он мне говорит. Чтобы не видеть текста сообщения, я не иду в диспетчерскую, а остаюсь у своего самолета, пока не заканчивается подготовка к следующему полету. В полдень генерал вызывает меня в Одессу по телефону.

Тем временем отовсюду поступают поздравительные телеграммы, даже от членов правительства. Предстоит тяжелая борьба, чтобы добиться разрешения летать. Мысль о том, что мои товарищи готовятся к новому полету, а я должен следовать в Одессу, расстраивает меня, я чувствую себя каким-то прокаженным. Дополнение к награде приводит меня в уныние и сводит к нулю все удовольствие от сознания того, что мои достижения получили столь высокое признание. В Одессе я не узнаю ничего нового, только то, что мне уже известно и о чем я хотел бы слышать. Рассеянно слушаю поздравления, все мысли с моими боевыми товарищами, которые могут ни о чем не заботиться и продолжать летать. Я завидую им.

Я должен незамедлительно следовать в штаб-квартиру фюрера, чтобы тот лично наградил меня Бриллиантами. После остановки в Тирасполе мы пересаживаемся на Ю-87 — вот только если бы Хеншель был со мной, но сейчас позади меня сидит Ротман. Мы летим по маршруту Фокшаны—Бухарест—Белград—Кечкemet—Вена—Зальцбург. Нечасто глава государства принимает офицера, рапортующего о своем прибытии в унтах, но я рад, что могу в них ходить, даже испытывая постоянную боль. Подполковник фон Белов приезжает в Зальцбург, чтобы сопровождать меня, в то время как Ротман отправляется домой поездом. Мы договариваемся, что я подберу его в Силезии на обратном пути.

В течение двух дней загораю на террасе отеля в Берхтесгадене, вдыхая восхитительный горный воздух. Постепенно расслабляюсь. Через два дня я оказываюсь в обществе фюрера в великолепном Бергхофе. Он знает всю мою историю вплоть до мельчайших деталей и выражает свою радость, что судьба столь благосклонна ко мне и мы смогли многого достичь. Я тронут его теплотой и заботливой сердечностью. Он говорит, что я сделал достаточно, поэтому и приказал мне оставаться на земле. Объясняет, что нет никакой необходимости в том, чтобы все великие солдаты отдавали свои жизни, их пример и их опыт должны быть сохранены для новых поколений. Я

отвечаю отказом принять награду, если, получив ее, больше не смогу водить в бой мою эскадрилью. Он хмурится, следует короткая пауза, затем на его лице появляется улыбка: «Очень хорошо, в таком случае вы можете летать». Наконец-то я счастлив и предвкушаю увидеть выражение удовольствия на лицах моих товарищей, когда они услышат, что я вернулся. Мы вместе пьем чай и беседуем час или два. Обсуждаем новое оружие, стратегическую ситуацию, историю. Фюрер говорит, что недавно прошли испытания нового оружия — Фау. В настоящее время, говорит он, было бы ошибкой переоценивать его эффективность, потому что точность нового оружия еще весьма невысока, но, добавляет он, это не так важно, поскольку есть надежда на производство ракет, которые будут абсолютно надежными. Позже мы сможем полагаться не на обычные взрывчатые вещества, а на нечто иное, столь мощное средство, что, когда мы применим его, война сразу же окончится. Он говорит мне, что разработки продвинулись уже весьма далеко и завершения можно ожидать очень скоро. Для меня это нечто абсолютно новое, что трудно себе представить. Потом я узнаю, что взрывной эффект этих новых ракет будет основан на атомной энергии. От каждого визита к фюреру у меня остается неизгладимое впечатление.

Из Зальцбурга я лечу в Гёрлиц, мой родной город. Прием, оказанный мне, утомляет меня больше, чем некоторые боевые вылеты. Когда в семь часов утра я наконец-то добираюсь до своей кровати, хор девушек поет мне серенады, моей жене приходится долго убеждать меня выйти и пожелать им доброго утра. Очень трудно объяснить людям, что, несмотря на награждение Бриллиантами, мне не хочется участвовать в празднованиях и приемах. Я хочу только отдыха.

Провожу несколько дней с моими родителями, в тесном семейном кругу. Слушаю новости с востока по радио и думаю о солдатах, которые там сражаются. Наконец, меня больше ничто не держит, и я могу вернуться. Я звоню Ротману в Циттау, и наш Ю-87 вновь несет нас на юг, через Вену и Бухарест — на Восточный фронт.

Роковое лето 1944-го

Через несколько часов я приземляюсь в местечке Фокшани в Румынии.

Моя эскадрилья сейчас в Хуши. Фронт стоит гораздо прочнее, чем две недели назад. Он идет от Прута к Днестру вдоль края плато, расположенного к северу от Ясс.

Маленький городок Хуши приютился между холмами. На некоторых из них обширные виноградники. Сможем ли мы дожидаться вина? Летное поле находится на северной окраине городка. И поскольку наши дома располагаются на противоположной стороне, нам каждое утро приходится ходить по его улицам. Население наблюдает за нашими действиями с интересом. Когда говоришь с людьми, они всегда демонстрируют свое дружелюбие. Особенно тесные контакты с нами поддерживают представители церкви. Их возглавляет епископ, у которого я часто бываю в гостях. Он не перестает объяснять мне, что духовенство видит в нашей победе единственный шанс сохранить свободу религии и независимость. В городе много торговцев, здесь огромное количество мелких лавочек. Все это очень сильно отличается от советской России, которую мы оставили совсем недавно. Ее средний класс исчез, поглощенный пролетарским Молохом.

Когда я иду по городу, меня особенно поражает огромное количество собак. По всем признакам, они бездомные. Скитаются повсюду, их встречаешь на каждом углу и на каждой площади. Я пока живу на небольшой вилле с виноградником, рядом течет маленький ручей, в котором можно купаться. Ночью виноградник посещают целые процессии собак. Они движутся индийским строем, стаями по двадцать или тридцать особей. Однажды утром я еще лежу

в кровати, а в мое окно заглядывает огромная дворняга и ставит передние лапы на подоконник. За ней в той же позе стоят пятнадцать ее коллег. Те, что позади, уперлись ногами в спины стоящих впереди, и все пьются на мою комнату. Когда я прогоняю их, они грустно и без лая убираются прочь, чтобы продолжить свое беспрестанное рыскание.

Еда у нас в изобилии, мы живем хорошо. Получаем наше жалованье в леях, и, хотя приобрести на них особенно нечего, всегда можно купить по крайней мере яйца. Постепенно почти все наше жалованье начинает уходить на покупку яиц. Среди офицеров первое место по их потреблению держит лейтенант Шталер, он поглощает их в огромном количестве. Однажды, когда нехватка горючего не позволяет нам летать, начинается проверка нового источника энергии: вся эскадрилья, до последнего человека, занимается физическими упражнениями, обычно это бег по пересеченной местности, гимнастика и, конечно же, футбол. Я все еще не могу принимать участия в этих упражнениях, поскольку ступни моих ног не вполне зажили, а плечо болит, если я резко двину рукой. Но для эскадрильи в целом эти спортивные занятия являются великолепным отдыхом. Некоторые, и я в том числе, используют любую возможность погулять в горном лесу или попрактиковаться в других видах спорта.

Обычно мы едем на аэродром рано утром, в пятом часу. На дальнем краю города мы всегда натываемся на огромное стадо овец, впереди которых шествует осел. Его глаза полностью закрывает длинная спутанная грива, и мы удивляемся, как он может вообще нас видеть. Из-за этой гривы мы прозвали его Затмением. Однажды утром, проносясь мимо, мы дергаем его за конец хвоста. Это приводит к целой серии реакций: сначала он взбрыкивает копытами, как лягающаяся лошадь, затем, вспомнив свою ослиную натуру, замирает, потом дает о себе знать его цыплячье сердце — он уносится, как ветер.

Мы совершаем вылеты в относительно стабильный сектор, где, однако, постоянное прибытие подкреплений указывает на то, что красные готовятся нанести удар в са-

мое сердце Румынии. Район наших операций тянется от селения Тыргу-Фрумос на западе до плацдармов на Днестре и до Тирасполя на юго-востоке. Большинство вылетов мы совершаем в район к северу от Ясс, здесь Советы пытаются выбить нас с возвышенностей на берегу Прута. Ожесточенные бои в этом секторе завязываются вокруг руин замка на так называемом Замковом холме. Раз за разом мы теряем эту позицию, но всегда отбиваем ее.

В этой зоне Советы постоянно подводят свои огромные резервы. Все чаще нам приходится атаковать мосты через реку. Наш маршрут пролегает через Прут к Днестру за Кишиневом и дальше на восток. Мы долго будем помнить эти названия — Кошница, Григориополь, плацдарм у Бутора. Некоторое время мы стоим на одном аэродроме с истребителями из JG52. Ими командует майор Баркхорн, который знает свою работу от «а» до «я». Они часто сопровождают нас в боевых вылетах, и мы доставляем им большие неприятности, потому что новый Як-3, который только что появился у противника, каждый день устраивает все новые представления.

Передовая авиабаза группы находится в Яссах, отсюда легче патрулировать вдоль линии фронта. Командир группы часто находится на передовой, чтобы наблюдать за взаимодействием самолетов с наземными войсками. Его передовой пост оснащен радиостанцией, которая позволяет ему слушать все переговоры в воздухе и на земле. Пилоты-истребители говорят друг с другом, истребители — с офицером наземного контроля, «Штуки» — между собой и с офицером связи на земле. Обычно мы все пользуемся разными частотами.

Маленькая история, которую командир 8-й группы рассказывает нам во время своего последнего визита, показывает его заботу о своих «овечках». Он видел, как наша эскадрилья приближалась к Яссам. Мы идем на север, наша задача — атаковать цели в районе замка, которые армия хотела нейтрализовать, установив связь с нашим диспетчером. Над Яссами нас встречают не наши истребители, а сильное соединение Ла-5. Через секунду небо заполнено маневрирующими самолетами. Низкоскоростные «Штуки»

не могут справиться со стремительными, как стрела, русскими истребителями, особенно с полным грузом бомб. Командир группы наблюдает за битвой со смешанным чувством и слышит все переговоры. Командир седьмого звена, предполагая, что я не видел Ла-5, которые заходили сзади, кричит: «Ханнелора, оглянись, один из них собирается тебя сбить!». Я давно заметил истребитель, но у меня еще достаточно времени, чтобы предпринять маневр и уклониться от него. Мне не нравятся подобные крики по радио, это обескураживает экипажи и отрицательно влияет на их меткость. Поэтому я отвечаю: «Не родился еще тот, кто меня собьет». И я не хвастаюсь. Хочу только продемонстрировать определенную беспристрастность ради других пилотов, ведь хладнокровие в таком месте заразительно. Коммодор завершает историю широкой ухмылкой: «Услышав это, я уже не беспокоился за вас и всю эскадрилью. На самом деле я наблюдал за той неразберихой с большим удивлением».

Часто, инструктируя экипажи, я читал им такую лекцию: «Любой, кто не сможет удержаться рядом со мной, будет сбит истребителем. Любой, кто отстанет, окажется легкой добычей и не сможет рассчитывать на какую бы то ни было помощь. Поэтому держитесь ко мне как можно ближе. Попадание зенитки — чаще всего случайность. Если вам не повезло, вас с такой же вероятностью ударит по голове сорвавшийся с крыши шифер или вы попадете под трамвай. Кроме того, война — это не страхование жизни». Старики уже знают мою точку зрения и крылатые изречения. Когда новичков вводят в курс дела, ветераны прячут улыбку и говорят: «В этом он, может быть, и прав». Тот факт, что мы практически не несем никаких потерь во время встреч с вражескими истребителями, подтверждает мою теорию. Новички должны, конечно же, пройти определенную подготовку еще до того, как они попадут на фронт, иначе они могут быть опасными для своих же коллег. Вот пример. Через несколько дней мы совершаем вылет в том же районе, и нас снова атакуют большими силами вражеские истребители. Недавно пришедший к нам обер-лейтенант Рем пикирует вслед за ве-

душим и отрезает ему хвост своим пропеллером. К счастью, ветер относит их парашюты к нашим окопам. Мы снижаемся и кружим по спирали вокруг них, пока они не достигают земли, потому что советские истребители всегда открывают огонь по нашим экипажам, которые выбрасываются с парашютами. Через несколько месяцев Рем превратился в первоклассного летчика, сам стал ведущим и нередко замещает командира звена. Я испытываю чувство симпатии к тем, кто постепенно учится.

Лейтенанту Швирблатту везет меньше. Он сделал уже 700 боевых вылетов, награжден Рыцарским крестом. Получив прямое попадание над целью, он вынужден был сделать посадку сразу за нашими окопами, потерял левую ногу и несколько пальцев на руке. Нам суждено сражаться вместе и на завершающей стадии войны.

У нас нет ни минуты передышки не только в районе севернее Ясс, но и на востоке, где русские захватили плацдармы на берегу Днестра. Однажды, во второй половине дня, три наши машины летят над излучиной Днестра между Кошницею и Григориополем, где нашу оборону прорвали Т-34. Лейтенант Фиккель и унтер-офицер сопровождают меня на Ю-87, несущих бомбы. Предполагается, что нас будет сопровождать эскорт. Когда я приближаюсь к излучине реки, я в самом деле вижу в районе цели низко летящие истребители. Оставаясь оптимистом, прихожу к заключению, что это свои. Лечу по направлению к цели, ищу танки, но вдруг понимаю, что эти истребители — вовсе не мой эскорт, а «иваны». А мы уже разорвали строй, когда начали искать отдельные цели. Два других самолета запаздывают со сближением и медленно пристраиваются за мной. Более того, удача нам изменяет, «иваны» готовы драться, хотя это желание возникает у них не так часто. Самолет унтер-офицера вскоре загорается и, превратившись в факел, исчезает в западном направлении. Фиккель сообщает мне, что его тоже подбили и ему приходится уходить. Пилот Ла-5, который, по всей вероятности, знает свое дело, садится мне на хвост, остальные держатся за ним на небольшом расстоянии. Что ни делаю, мне не удается стряхнуть этот русский само-

лет. Он частично выпустил закрылки, чтобы уменьшить скорость. Я иду глубокими оврагами, чтобы держать его пониже: опасность столкнуться с землей мешала бы ему прицеливаться. Но он держится за мной, его очереди проходят совсем близко от моей кабины. Мой бортстрелок Гадерман кричит взволнованно, что истребитель непременно собьет нас. Лощина расширяется к юго-востоку от изгиба реки, я делаю вираж с вцепившимся мне в хвост Ла-5. У Гадермана заклинило пулемет. Пули проходят под левым крылом. Гадерман орет: «Выше!». Я отвечаю: «Не могу, у меня уже и так ручка в живот уперлась». Во мне растет удивление: как этот парень, идущий сзади, может следовать моим виражам на истребителе? Пот бежит у меня по лбу. Продолжаю тянуть на себя ручку управления, пули продолжают проноситься под моим крылом. Обернувшись, вижу напряженно-сосредоточенное лицо «ивана». Другие Ла-5 прекратили преследование, по всей видимости, ожидая, что их коллега вот-вот нас собьет. Полет в таком стиле им не по зубам: почти вертикальные виражи на высоте 10—15 метров над землей. Неожиданно на вершине земляного укрепления я замечаю немецких солдат. Они машут руками, как сумасшедшие, — скорее всего не могут разобраться в ситуации. Но вот раздается громкий вопль Гадермана: «Ла» упал!» Это Гадерман сбил вражеский самолет из своего пулемета или лонжероны истребителя не выдержали огромного напряжения во время этих виражей на полной скорости? В наушниках слышу громкие крики русских. Они видели, что произошло, и это нечто из ряда вон выходящее.

Я потерял Фиккеля и лечу домой. Подо мной в поле лежит горящий Ю-87. Унтер-офицер и его бортстрелок стоят рядом с ним, к ним спешат немецкие солдаты. Значит, завтра они снова смогут летать. Вскоре после посадки я встречаюсь с Фиккелем. Есть веский повод отпраздновать наш новый день рождения. Фиккель и Гадерман тоже настаивают на этом. На следующее утро звонит наземный корректировщик сектора и рассказывает мне, с каким беспокойством он наблюдал за вчерашним представлением, и сердечно поздравляет меня от имени дивизии.

Из радиосообщения, перехваченного прошлым вечером, становится ясно, что пилотом истребителя был знаменитый советский ас, дважды Герой Советского Союза. Должен признать, что он был хорошим летчиком, а это не так уж и мало.

Вскоре после этого эпизода я вызван для доклада рейхсмаршалу по двум разным поводам. Первый раз я приземляюсь в Нюрнберге и отправляюсь в замок его предков. Вхожу во двор и с удивлением вижу Геринга, наряженного в средневековый немецкий охотничий костюм, а в компании с ним — лечащего врача, стреляющего из лука в ярко раскрашенную мишень. Он не обращает на меня никакого внимания, пока не расходует весь запас своих стрел. С удивлением вижу, что он ни разу не промахнулся. Надеюсь, он не охвачен желанием показать свое умение, заставив меня с ним соперничать: должен же он понимать, что из-за раны в плечо я не могу держать лук, а тем более стрелять из него. Тот факт, что я докладываю о своем прибытии в унтах, во всяком случае указывает на мою физическую слабость. Рейхсмаршал говорит мне, что часто занимается спортом во время отдыха, — это способ держать себя в форме, а его доктор волей-неволей вынужден присоединяться к нему в этом приятном времяпрепровождении.

После скромного ужина в кругу семьи, на котором из других гостей присутствует только генерал Лёрцер, я узнаю причину моего вызова. Рейхсмаршал награждает меня Золотой медалью пилота с Бриллиантами, просит сформировать эскадрилью, вооруженную новыми «Мессершмиттами-410» с 50-миллиметровыми пушками, и принять над нею командование. Он надеется, что с этим типом самолета нам удастся совладать с четырехмоторными самолетами, которые использует противник. Я делаю вывод, что, поскольку только что был награжден Бриллиантами, он хочет сделать из меня пилота-истребителя. Полагаю, он размышляет категориями первой мировой войны, во время которой пилоты, награжденные «Pour le Merite», были обычно пилотами-истребителями, как и он сам. Он предрасположен к этой ветви Люфтваффе и к тем, кто к

ней принадлежит, хочет и меня включить в их число. Я говорю ему, что раньше очень хотел стать пилотом-испытателем, но этого не случилось. Я уже приобрел ценный опыт как пилот-пикировщик и не хотел бы ничего менять. Поэтому прошу его оставить эту идею. Затем рейхсмаршал говорит мне, что у него есть согласие фюрера на это назначение, хотя тот и признает, что ему не очень нравится идея отстранить меня от полетов на пикирующих бомбардировщиках. Тем не менее фюрер согласился с ним в том, что я ни в коем случае не должен больше приземляться в тылу у русских, чтобы спасти другие экипажи. Это приказ. В будущем этим должны заниматься другие. Такое требование беспокоит меня. Частью нашего кодекса является правило: «Все сбитые будут спасены». Я считаю, что должен заниматься их спасением сам, потому что мне в силу моего большого опыта сделать это легче, чем кому-либо еще. Кому же, как не мне, по плечу такое. Но возражать сейчас — напрасная трата сил. В критический момент нужно действовать так, как диктует необходимость. Через два дня я возвращаюсь в Хуши и принимаю участие в боевых операциях.

Используя паузу в несколько дней, решаю совершить короткую поездку в Берлин на конференцию, которая долгое время откладывалась. На обратном пути приземляюсь в Гёрлице, навещаю домашних и лечу на восток в Вёслау, неподалеку от Вены. Рано утром, когда я просыпаюсь в доме моих друзей, узнаю, что меня всю ночь разыскивали люди из штаб-квартиры рейхсмаршала. Связавшись с ним, я получаю приказ немедленно следовать в Берхтесгаден. Поскольку я предполагаю, что это еще одна попытка навязать мне штабные или еще какие-нибудь обязанности, спрашиваю его: «Хорошая это новость или плохая?». Он хорошо знает меня и говорит: «Конечно, хорошая».

Не без чувства недоверия я сажусь в самолет и лечу на небольшой высоте вдоль Дуная. Погода пакостная. Облака висят на высоте 50 метров, почти все аэродромы закрыты. Венский лес скрыт за густыми облаками. Я лечу вверх по долине Дуная от Санкт-Пёлтена до Амштеттена и Зальцбурга, где приземляюсь. Здесь меня уже ждут и везут в

охотничий домик рейхсмаршала неподалеку от Бергхофа в Оберзальцберге. Он находится на совещании у фюрера. Когда он возвращается, мы сидим за столом. Его дочь Эдда уже совсем взрослая девочка, ей позволяют сидеть с нами. После короткой прогулки по саду беседа принимает официальный характер, и мне не терпится узнать, что носится в воздухе на этот раз. Дом и сад отличаются по-настоящему хорошим вкусом, ничего вульгарного или шикарного. Семья ведет простую, скромную жизнь. Я получаю официальную аудиенцию в светлом кабинете с многочисленными окнами, из которых открывается величественная панорама гор, сверкающих в весеннем солнце. Геринг, без сомнения, питает слабость к древним обычаям и костюмам. Даже не знаю, как описать его одеяние: это разновидность хитона или тоги, какие носили древние римляне, красновато-коричневого цвета, скрепленная золотой брошью. Все это для меня в новинку. Он курит длинную трубку длиной до самого пола, с раскрашенной фарфоровой чашечкой на конце. Я вспоминаю, что в детстве у моего отца была точно такая же, его трубка тогда была длиннее меня.

Немного понаблюдав за мной в молчании, Геринг начинает говорить. Я вызван для нового награждения. Он прикалывает мне на грудь Золотую медаль фронтовой службы с Бриллиантами в ознаменование двух тысяч моих боевых вылетов. Это совершенно новая медаль, ею никого прежде не награждали — ведь лишь я совершил столько вылетов. Она сделана из чистого золота, в центре — платиновый венок со скрещенными мечами, под которыми число 2000, выложенное крошечными бриллиантиками. Я рад, что эта награда не сопровождается какими-нибудь неприятными дополнениями, как это было раньше.

Затем мы обсуждаем ситуацию. Рейхсмаршал полагает, что мне не следует терять время и я должен вернуться на базу. Я намереваюсь сделать это в любом случае. Он говорит мне, что в моем секторе готовится крупномасштабное наступление и сигнал к его началу будет дан в ближайшие дни. Он только что вернулся с совещания у фюрера, где вся ситуация обсуждалась до мельчайших

деталей. Выражает удивление, что я не заметил этих приготовлений на месте, поскольку в этой операции будут участвовать приблизительно триста танков. Теперь я напрягаю свой слух. Число «триста» изумляет меня. Это в порядке вещей для русской стороны, но столько танков у нас? Я отвечаю, что с трудом могу в это поверить. Спрашиваю, может ли он назвать эти дивизии и количество танков, которые они имеют в своем распоряжении. Ведь я хорошо информирован о большинстве подразделений в моем секторе и сколько в каждом из них исправных танков. Накануне моего отлета с фронта я разговаривал с генералом Унрейном, командиром 14-й бронетанковой дивизии, две недели назад. Тот с горечью жаловался мне, что у него остался на всю дивизию всего один танк, и даже эту машину нельзя считать боеспособной, потому что он приказал оснастить ее для наземного обеспечения воздушных полетов. Эта машина представляла для него гораздо бóльшую ценность, чем боеспособный танк, поскольку, располагая хорошей связью со «Штуками», он мог нейтрализовать с их помощью многие цели, которые одни танки не могли бы вывести из строя. Я, таким образом, абсолютно точно знаю, сколько танков находится в 14-й бронетанковой дивизии. Рейхсмаршал с трудом верит мне, поскольку располагает совершенно другой информацией. Он говорит мне то ли всерьез, то ли в шутку: «Если бы я вас не знал, то за такие слова посадил бы под арест. Но мы сейчас же все это выясним». Он подходит к телефону и соединяется с начальником Генерального штаба.

«Вы только что сообщили фюреру, что для участия в операции X предназначены три сотни танков». Я, стоя рядом, слышу каждое слово: «Да, верно». — «Я хочу знать названия этих дивизий и каким количеством танков они располагают. У меня тут находится один человек, хорошо знакомый с ситуацией». — «Кто такой?» — «Один из моих людей, и он должен знать». Начальник Генштаба, к несчастью для него, начал именно с 14-й танковой. Он говорит, что дивизия располагает 60 танками. Геринг еле сдерживается: «Мой человек говорит, что в 14-й всего один танк!». На другом конце провода воцаряется долгое мол-

чание. «Когда он оставил фронт?» — «Четыре дня назад». Вновь тишина. Затем: «Сорок танков находятся в пути. Остальные в ремонтных мастерских, но непременно окажутся в своих частях к нужной дате, так что эта цифра правильная». Тот же ответ и по другим дивизиям.

Рейхсмаршал в ярости бросает трубку. «Вот так делаются дела! Фюреру рисуют абсолютно ложную картину, которая основана на неверных данных, и еще удивляются, когда операция не приносит того успеха, на какой рассчитывали. Сегодня благодаря вам эта ситуация нашла свое объяснение, но мы слишком часто строили свои надежды на таких вот утопиях. Вся сеть коммуникаций в юго-восточной зоне беспрестанно подвергается вражеским бомбежкам. Кто знает, сколько танков из этих сорока, например, вообще достигнут фронта и когда именно это произойдет? Кто знает, смогут ли ремонтные мастерские получить вовремя запасные части, а если они их получат, то закончат ли ремонт в отведенное время? Я должен немедленно доложить обо всем фюреру». Он говорит с гневом, затем устанавливается тишина.

Возвращаясь на фронт, я все еще обдумываю то, что только что услышал. В чем цель этого введения в заблуждение и лживых докладов? Случайно это делается или нарочно? В любом случае это играет на руку врагу. Кто и в каких кругах совершает эти гнусности?

Я прерываю свое путешествие в Белграде. Когда я захожу на посадку на аэродроме, над головой появляется строй американских четырехмоторных бомбардировщиков. Сходя со взлетной полосы, я вижу, как весь аэродромный персонал разбегается в разные стороны. К западу от взлетной полосы находятся холмы, где вырыты подземные тоннели, служащие укрытиями. Я вижу самолеты прямо перед собой, на небольшом расстоянии от аэродрома. Ситуация не из приятных. Я бегу вслед за потоком людей со скоростью, какую только могу развить в своих унтах. Только успеваю заскочить в тоннель, как на аэродроме взрывается серия бомб, поднимая гигантское грибовидное облако дыма. Не верится, что уцелело что-нибудь. Через несколько минут дым немного рассеивается, и я возвращаюсь

назад на аэродром. Почти все разрушено, среди обломков стоит мой верный Ю-87, изрешеченный осколками, но двигатель не поврежден и шасси в полном порядке. Большая часть органов управления функционирует нормально. Я нахожу полоску земли в стороне от взлетной полосы, пригодную для взлета, и рад, что снова могу подняться в воздух. Преданно и отважно моя раненая машина пронесит меня над всей юго-восточной зоной и опускает на землю в Хуши.

Во время моего отсутствия к нам прикрепили румынское звено Ю-87. Экипажи состоят в основном из офицеров, некоторые из них имеют определенный опыт, но вскоре мы обнаруживаем, что гораздо лучше, если они летят вместе с нами одним строем. В ином случае их потери при каждом вылете всегда высоки, в особенности им докучают вражеские истребители. Вскоре на основе своего собственного опыта они уже понимают, что и на низкоскоростном самолете можешь остаться не сбитым, если будешь держать строй. Штаб полка пересел на ФВ-190. Наша 1-я эскадрилья выведена из боев на восемь недель для отдыха. Опытные пилоты Ю-87 переучиваются для полетов на одноместных самолетах. В перспективе всем нашим частям придется сделать то же самое, поскольку производство Ю-87 вскоре будет прекращено. Пока мы стоим в Хуши, в перерывах между полетами я практикуюсь на штабных ФВ-190, чтобы быть готовым к будущим боевым операциям. Заканчиваю свою самоподготовку одним или двумя боевыми вылетами, чувствую себя на этом самолете в полной безопасности.

Наступил июль, наши вылазки становятся все более частыми, поскольку началось запланированное наступление к северу от Ясс. Оно ведется без участия мнимого количества танков и позже, чем предписывалось первоначальным планом, но тем не менее с более свежими и боеспособными частями, чем раньше. Нужно захватить возвышенность между Прутом и Тыргу-Фрумсом. Захват этого участка лишил бы противника удобного трамплина для атаки. Вся линия фронта в этом секторе приходит в движение, и нам удается отбросить Советы назад на зна-

чительное расстояние. Оказывая упорное сопротивление, им удастся удержать несколько ключевых пунктов. Им везет, потому что отдельные атаки, с помощью которых мы надеялись подавить эти очаги сопротивления, так и не были проведены. Некоторые из наших атакующих частей, которые брошены в бой, подобно пожарным командам, приходится отводить из района ожесточенных боев.

В ходе этого наступления я совершаю свой 2100-й боевой вылет. Цель знакомая: мост, имеющий важное значение для снабжения атакуемых советских частей. Всякий раз, когда мы идем к нему от Ясс, он окутан искусственной дымовой завесой, и мы никогда не можем быть уверенными в том, что не сбросим бомбы на свои же войска. Всякий раз, когда вижу эту завесу, я смеюсь, воображая лица «иванов» там, внизу, которые пристально вглядываются в дым, ожидая нашего приближения. Не требуется быть лингвистом, чтобы расслышать одно повторяющееся все время слово: «Штука-Штука-Штука». Наши дни в Хуши сочтены.

В первой половине июля, после празднования моего дня рождения, приходит приказ перебазироваться в Замосць, в центральный сектор Восточного фронта. Здесь русские начали новое широкомасштабное наступление. На нашу новую операционную базу мы летим над северными Карпатами, Стрыем, обходя стороной Львов. Замосць — приятный городок, он производит на нас хорошее впечатление. Мы размещаемся в старых польских казармах на северной окраине города. Наш аэродром находится довольно далеко от города и представляет собой обычное поле. Взлетная полоса очень узкая, что приводит однажды к прискорбному инциденту. Во время своей первой же посадки самолет унтер-офицера В. парашютирует, и пилот получает серьезное ранение. Это один из лучших моих танковых снайперов, и пройдет немало времени, прежде чем мы увидим его снова. Здесь опять много работы для истребителей танков, особенно когда линия фронта столь подвижна. Танковые прорывы случаются часто. Мы удержали Ковель, но Советы обошли его и намереваются форсировать Буг. Вскоре их ударные клинья появляются се-

веро-западнее от Львова — в Раве-Русской и Томашуве, а также захватывают Хелм на севере. Мы вновь перебазировуемся, на этот раз в небольшой польский городок в ста километрах к северо-западу от Кракова. Цель советского наступления ясна: они пытаются достичь Вислы на относительно широком фронте. Наша цель — приближающиеся массы людей и военной техники, которые пытаются пересечь Сан к северу от Пшемысля. Не следует недооценивать вражеское противодействие в воздухе — все чаще появляются американские истребители, служащие эскортом для четырехмоторных бомбардировщиков. Поначалу они взлетают с авиабаз на Средиземном море. Мы полагаем, что они не возвращаются на свои базы после завершения задания, а приземляются на русской территории для дозаправки, затем, на следующий день, снова летят на задание, а после его завершения — на юг к своим постоянным авиабазам.

Во время одного из вылетов над рекой Сан я встречаюсь с этими «Мустангами». Из почти три сотни. Я лечу вместе с пятнадцатью другими «Штуками» без эскорта истребителей. Мы все еще находимся в 30 километрах от Ярослава, нашей сегодняшней цели. Чтобы не подвергать опасности эскадрилью и, в частности, несколько экипажей из новичков, я отдаю приказ сбросить бомбы, чтобы можно было лучше маневрировать во время столь неравной воздушной битвы. Я с неохотой отдаю этот приказ: до сих пор мы всегда атаковали назначенную нам цель даже при подавляющем превосходстве противника. Мы избавляемся от бомб в первый и последний раз за всю войну. Но сегодня у меня нет выбора. Я привожу эскадрилью домой без потерь. Мы еще способны загладить ту неудачу и завершить миссию на следующий день при гораздо более благоприятных условиях, успех оправдывает мои действия. Вечером я узнаю, что соседняя часть понесла тяжелые потери от огромного соединения «Мустангов». Несколько дней спустя во время заправки нас снова захватывают врасплох американские самолеты, которые тут же снижаются и начинают атаковать наши самолеты. Оборона нашего аэродрома не очень сильна, и наши зенитчики, застигнутые врас-

плох, с опозданием открывают огонь по атакующим. Американцы, поскольку в их планы явно не входила борьба с сопротивляющимся противником, разворачиваются и уходят восвояси в поисках более легкой добычи.

Телефонный звонок из штаба Люфтваффе: в первый раз за эту войну русские ступили на немецкую землю и рвутся в Восточную Пруссию из района Волковыска в направлении Гумбиннен—Инстербург. Я хочу немедленно лететь в Восточную Пруссию. Поступает приказ о переводе, и на следующий день я уже прибываю в Инстербург вместе со всем летным персоналом. Находясь в божественно мирной тишине Восточной Пруссии, невозможно себе представить, что война подошла уже так близко и из этого тихого места придется совершать боевые вылеты с участием бомбардировщиков и самолетов — истребителей танков. В самом Инстербурге люди еще не осознали всей серьезности ситуации. Местный аэродром все еще перегружен сооружениями, которые бесполезны для таких массовых боевых операций. Поэтому лучше всего перебраться в Лётцен, в район Мазурских озер, где мы оказываемся одни на крошечном аэродроме.

Середина лета в прекрасной сельской местности Восточной Пруссии. Неужели она должна стать полем битвы? Именно здесь мы осознаем, что сражаемся за наши дома и нашу свободу. Сколько немецкой крови уже пролито на этой земле! Этого не должно быть вновь! Такие же мысли не оставляют нас, когда мы летим по направлению к нашим целям — Мемелю или Шауляю, Сувалкам или Августову. Мы снова оказались там, где начинали в 1941-м, именно отсюда началось вторжение на восток. Приобретет ли этот величественный монумент в Танненберге еще большее символическое значение? Самолеты нашей эскадрильи несут эмблему немецкого рыцарства, никогда она не значила для нас так много.

Ожесточенная борьба в районе Волковыска. Город несколько раз переходит из рук в руки. Здесь держит оборону небольшая немецкая бронетанковая часть. Мы оказываем ей поддержку с первого до последнего луча солнца, отбивая в течение нескольких дней бесчисленные атаки

русских. Некоторые из Т-34 укрываются за огромными скирдами на полях, с которых уже убран урожай. Мы поджигаем стога зажигательными пулями, чтобы лишить танки укрытия, затем атакуем их. Лето стоит жаркое, мы размещаемся у самой воды и часто купаемся в короткие получасовые промежутки между вылетами. Это настоящее наслаждение! Вскоре результативность боев на земле и наших вылетов начинает ощущаться: первоначальная ярость русских атак заметно ослабевает. Контратаки идут все чаще и чаще, и фронт вновь до известной степени стабилизируется. Но когда бои стихают в одном месте, они непременно разгораются где-то в другом. Советы рвутся в Литву, пытаюсь обойти с фланга наши армии в Эстонии и Латвии. Соответственно для нас, находящихся в воздухе, всегда полно работы. Советы относительно хорошо осведомлены о силе нашей обороны на земле и в воздухе.

Одна из вылазок дает лейтенанту Фиккелю повод снова отпраздновать свой день рождения. Мы вылетаем атаковать концентрирующиеся вражеские силы. Красные вновь используют свой старый трюк — ведут радиопередачи на наших частотах. Сам я не могу понять, что они тараторят, но, очевидно, о нас, потому что они все время повторяют слово «Штука». Мой коллега-лингвист и наземный пост, где есть переводчик, рассказали мне потом всю историю. Вот как примерно все выглядит.

«Штуки» приближаются с запада — вызываю всех красных соколов: немедленно атаковать «Штуки», их около двадцати, впереди одна с двумя длинными полосами — это, по всей вероятности, эскадрилья Руделя, того самого, который всегда выводит из строя наши танки. Вызываю всех красных соколов и зенитчиков: сбить «Штуку» с длинными полосами». Лейтенант Марквардт прямо в воздухе делает краткий перевод. Фиккель говорит со смехом: «Если они целятся в ведущего, можно биться о заклад, что попадут в ведомого». Он обычно летает моим ведомым и поэтому знает, что говорит.

Впереди и ниже нас на дороге, идущей между двумя лесными массивами, движутся «иваны» со своими автома-

шинами, артиллерией и прочим имуществом. Сильный зенитный огонь, красные соколы уже здесь, на нас нападают «Аэрокобры». Отдаю приказ начать атаку. Большая часть самолетов пикирует на грузовики, меньшая — на зенитные батареи, отчаянно маневрируя. Истребители уже решили, что пришло их время. Разрывы зенитных снарядов все ближе к нашим самолетам. Перед входом в пике Фиккель получает прямое попадание в крыло, он сбрасывает бомбы и уходит в направлении, откуда мы прилетели. Его самолет объят пламенем. Мы уже сбросили бомбы и выходим из пике. Я набираю высоту, чтобы увидеть, куда подевался Фиккель. Он приземляется в центре малоприспособленной для посадки местности, с канавами, ямами, пнями и прочими препятствиями. Его самолет перескакивает через две канавы, как разъяренный гусак; просто чудо, что он не спарашютировал. Вот он и его бортстрелок вылезают из кабины. Ситуация скверная, вражеские кавалеристы, за которыми идут несколько танков, приближаются к самолету со стороны леса, явно намереваясь захватить экипаж. «Аэрокобры» еще яростнее атакуют нас сверху. Я говорю: «Кто-то должен приземлиться немедленно. Все вы знаете, что мне это теперь запрещено». Ужасное чувство: мне это запрещено, но не в моем характере нарушать приказы. Мы все еще кружим над упавшим самолетом. Фиккель и Барч там, внизу, по всей вероятности, не могут и представить себе, что кто-то может целым и невредимым приземлиться в таких условиях. Русские постепенно подходят ближе, по-прежнему никто не начинает посадку: маневры по уклонению от атак истребителей требуют особого внимания со стороны каждого экипажа. Мне трудно принять решение садиться самому, несмотря ни на что. Но в этой ситуации, если я не буду действовать немедленно, мои товарищи погибнут. Если их вообще еще можно спасти, то у меня лучшие шансы это сделать. Я знаю, что не подчиниться приказу непростительно, но решимость спасти моих товарищей сильнее чувства долга. Я забываю о последствиях своих действий, обо всем остальном. Я должен их спасти! Приказываю: «Седьмое звено: атаковать кавалерию и пехоту

с малой высоты. Восьмое: кружить на средней высоте, прикрывать меня и Фиккеля. Девятое: подняться выше и вынудить истребителей вступить в бой. Если они будут пикировать, атаковать их сверху».

Лечу очень низко над местом вынужденной посадки Фиккеля и выбираю клочок земли, который можно использовать, если повезет, для приземления. Медленно прибавляю газ, вот мы над второй канавой. Убрать газ... самолет подпрыгивает, затем я останавливаюсь. Фиккель и Барч бегут к нам. Вот они уже у самолета. Пули «иванов» пока никого не задели. Оба забираются в кабину, я даю газ. Дрожу от напряжения. Смогу ли я взлететь? Поднимется ли мой самолет в воздух, прежде чем натолкнется на какое-нибудь препятствие на земле и разлетится на куски? Вот она, канава. Я отрываюсь от земли, лечу над канавой, колеса снова касаются земли. Затем самолет выравнивается. Медленно спадает напряжение. Эскадрилья приближается к нам, и мы возвращаемся домой без потерь.

«Бродячий цирк Руделя» размещается на убранном поле неподалеку от города Венден, около латвийско-эстонской границы. Фельдмаршал Шёрнер все время пытался заполучить мою эскадрилью в свой сектор и, наконец, добился своего: мы оказались на Курляндском фронте. Не успели мы расположиться на нашем поле, как появился неизбежный торт вместе с приветствием от фельдмаршала. Независимо от того, где я поступаю под его командование, всегда появляется один из таких сказочных тортов, обычно с Т-34 на сахарной глазури и числом уничтоженных мною на данный момент танков. Сейчас торт украшен цифрой 320.

Общая ситуация здесь следующая: в районе Тукума мы провели наступление с целью восстановить разорванную связь с остальным Восточным фронтом. Удар наносила штурмовая группа под командованием полковника графа Стрэхвица. Ее действия оказались успешными. Тем не менее Советы предпринимают упорные попытки пробить нашу оборону на востоке Курляндии. Этот сектор долгое время был настоящим шипом у них в боку. До сих пор он держался благодаря храбрости наших солдат, несмотря

на колоссальное материальное превосходство Советов. В данный момент этот сектор вновь подвергается необычно сильному давлению. Фельдмаршал позвал нас на помощь именно для того, чтобы ослабить этот напор противника. Во время наших первых вылетов мы видим, что линия фронта здесь относительно стабильна: позиции красных везде хорошо укреплены, их маскировка великолепна, а зенитные батареи расположены вплотную к линии фронта и везде достаточно сильны. Вражеская активность в воздухе высока и не прекращается ни на час. Там кружат орды неприятельских истребителей и лишь немногие наши самолеты, потому что в «котел» трудно доставлять припасы. Запасы бензина, бомб и снаряжения должны быть обеспечены в любой момент, когда они нужны. Хлеб, который мы едим здесь, заработан тяжелым трудом, независимо от того, в каком направлении мы летаем: к востоку или к югу от «котла», на Тукум или туда, куда направлен основной удар русских, — через Дерпт на Ревель. В нескольких вылетах нам сопутствовала удача, и нам удалось уничтожить большую моторизованную колонну, включая танки сопровождения, у Дерпта. Этот прорыв был остановлен, а фронт полностью закрыт силами армии. Откуда Советы взяли эти неисчислимы массы людей и боевой техники? В этом явно есть нечто сверхъестественное. Большинство грузовиков, которые мы обстреливаем, обычно американского производства. Только иногда среди танков, на которые мы наталкиваемся, движутся небольшие группы «Шерманов». Русские вовсе не нуждаются в этих американских танках, потому что их собственные лучше адаптированы к боевым действиям в России и они производятся в сказочных количествах. Это огромное количество военного снаряжения и материалов приводит нас в замешательство, а нередко и в уныние.

Мы часто встречаем и самолеты американского производства: «Аэрокобры», «Кингкобры» и «Бостоны». Американцы в невероятных количествах снабжают своего союзника как автотранспортом, так и самолетами. Неужели в их интересах помогать русским в таких масштабах? Мы часто спорим по этому поводу.

Однажды в половине третьего ночи меня будит лейтенант Вейсбах, мой офицер по разведке. Фельдмаршал Шёрнер желает срочно поговорить со мной. Долгое время по ночам я отключал свой телефон, потому что делаю первый вылет очень рано и должен хорошо отдохнуть. Поэтому мой офицер по разведке, который не должен лететь следующим утром, отвечает на все ночные звонки, но для фельдмаршала я всегда на месте. Он не ходит вокруг да около — это не его стиль. «Можете вылететь немедленно? Прорвались до сорока танков с мотопехотой. Наши фронтовые подразделения не смогли остановить прорыв и хотят вновь закрыть брешь этим вечером. Но эти русские продвинулись уже далеко, и их нужно атаковать, чтобы они не смогли расширить район прорыва. Если им удастся это сделать, они могут нанести огромный ущерб нашим тыловым линиям снабжения». Все та же старая история. Я достаточно долго нахожусь в секторе Шёрнера, чтобы ничему не удивляться. Наши братья по оружию на фронте залегли и пропустили танки над собой, а теперь ждут, что мы будем для них «таскать каштаны из огня». Они предоставили нам честь разобраться с вражескими силами в их тылу, надеясь, что смогут закрыть брешь тем же вечером или через пару дней, обезвредив окруженные вражеские силы. Здесь, в Курляндии, это особенно важно, потому что любой натиск противника может привести к прорыву всего фронта.

После краткого анализа ситуации я говорю фельдмаршалу: «В темноте вылет не будет иметь никакого успеха. Мне нужен дневной свет для атак на танки и грузовики с малой высоты. Обещаю подняться в воздух на рассвете силами всей 3-й эскадрильи и противотанкового звена туда, куда вы укажете. Затем я немедленно свяжусь с вами и дам вам знать, как выглядит ситуация». Согласно тому, что он мне сказал, красные проникли в озерный район и в данный момент со всеми своими ударными бронетанковыми соединениями находятся на дороге, проходящей между двумя озерами. Инструктирую Вейсбаха: с помощью телефона собрать метеодонесения из всех возможных источников и разбудить нас вовремя, чтобы мы могли выле-

теть перед рассветом и появиться над целью с первыми лучами солнца. Краткие телефонные звонки командирам звеньев, и дальше все идет автоматически. То, в чем вы практиковались сотни раз, вы делаете, как во сне. Повар знает, когда нужно подавать кофе. Старший механик знает до секунды, когда нужно собирать наземный персонал и начать подготовку к вылету. От меня требуется лишь сообщить звеньям: «Первый вылет в 5.30».

Рано утром над аэродромом висит густой туман. Учитывая срочность задания и надеясь, что в районе цели видимость будет получше, мы взлетаем. На низкой высоте идем курсом на юго-восток. К счастью, местность внизу плоская, как доска, иначе полет был бы невозможен. Видимость чуть более 400 метров, особенно когда еще не совсем рассвело. Примерно через полчаса туман опускается к земле — мы приближаемся к озерному району. Из-за трудностей полета на высоте 50—60 метров я отдаю приказ перестроиться. В целях безопасности мы выстраиваемся в один ряд. Соседние самолеты движутся в слое тумана и время от времени исчезают из виду. При таких погодных условиях мы не сможем успешно атаковать. Если нам придется сбрасывать бомбы, из-за малой высоты разлетающиеся осколки могут повредить наши собственные машины. Я радуюсь, когда последний из нас благополучно приземляется. Информую обо всем фельдмаршала Шёрнера, и он говорит мне, что получил такие же метеосводки с линии фронта.

Наконец, ближе к девяти часам утра слой тумана над аэродромом немного рассеивается и поднимается на высоту 400 метров. Я вылетаю вместе с противотанковым звеном в сопровождении седьмого звена, которое должно бомбить цели. Под слоем тумана снова идем на юго-восток. Но чем дальше мы летим в этом направлении, тем ниже он опускается. Вскоре мы опять вынуждены снизиться. Высота 50 метров, видимость крайне плохая. На местности нет почти никаких ориентиров, и поэтому я лечу по компасу. Начинается район озер, погода остается отвратительной. С северо-востока приближаюсь к той точке, которую фельдмаршал дал мне как местоположение ударных

клиньев. Я делаю небольшой крюк на запад и пролетаю мимо цели так, чтобы после захода на нее продолжать лететь по прямой к дому, — крайне необходимая предосторожность в такую погоду. Если враг настолько силен, как это нам описывали, он, вероятнее всего, защищен соответствующим зенитным огнем. Мы не можем незаметно приблизиться к цели под прикрытием холмов или деревьев, потому что заходим на атаку над водой; значит, при выборе тактики зенитный огонь нужно принимать во внимание. Держаться вне поля зрения зенитчиков, то выходя из облаков, то прячась в них, нельзя рекомендовать всему строю из-за опасности столкновений, находясь так близко к земле, хотя это и возможно для одиночного самолета. Пилоты вынуждены будут уделять внимание исключительно самому полету, а я не смогу в достаточной степени сконцентрироваться на их задаче.

Мы летим низко над водой, заходя с юга. Погода пасмурная, я ничего не могу различить дальше 700—800 метров. Сейчас прямо впереди вижу темную движущуюся массу: дорога, танки, грузовики, русские. Сразу же кричу: «Атака!». Тут же почти в упор следует огонь прямо по моей машине: стреляют сдвоенные и учетверенные пулеметы, автоматы, все ярко освещено вспышками. Я лечу на высоте 30 метров и над самой серединой осинового гнезда. Не пора ли выбираться отсюда? Другие самолеты развернулись веером по обе стороны от меня, и русская оборона не уделяет им такого же внимания. Я делаю круги, бросаю машину из стороны в сторону, выполняя самые сумасшедшие маневры, чтобы избежать попаданий. Стреляю, не целясь, потому что попытка выровнять машину для более точного прицеливания означала бы неотвратимую гибель.

Подойдя к танкам и машинам, я набираю высоту и лечу прямо над ними, каждую секунду ожидая попадания. Это все кончится плохо, моя голова раскалилась, как металл, с визгом пронесшийся мимо. Через несколько секунд раздается громкий удар. Гадерман кричит: «Мотор горит!». Попадание в двигатель. Он не дает нужных оборотов. Пламя лижет кабину. «Эрнст, прыгаем! Я немного наберу высоту

и буду лететь сколько смогу, чтобы убраться от русских. Неподалеку я видел наших парней». Пытаюсь подняться выше — я не имею никакого представления о нашей высоте. Темная нефть на остеклении кабины, я больше ничего не вижу и отбрасываю фонарь, чтобы хоть что-то разглядеть. Но это тоже не помогает, языки пламени закрывают все вокруг. «Эрнст, прыгаем! Не медли!» Двигатель барахлит, трещит, умолкает, работает снова, умолкает, работает... Наш самолет станет нашим крематорием вон на том лугу. Мы должны прыгать!

«Мы не можем! — кричит Гадерман. — Высота всего метров тридцать». Ему сзади лучше видно. Он тоже сдвинул свой фонарь, оборвав провод внутренней связи. Мы больше не можем переговариваться друг с другом. Его последние слова: «Мы над лесом!». Я тяну на себя ручку изо всех сил, но самолет отказывается идти вверх. Гадерман сказал, что мы летим слишком низко для прижка с парашютом. Сможем ли мы сесть? Возможно, да, хотя я ничего не вижу. Для этого двигатель должен работать, пусть и неустойчиво. Медленно убавляю газ. Чувствую, как самолет стал проваливаться вниз. Бросаю взгляд по сторонам, земля проносится мимо. Мы сейчас на высоте всего 6—7 метров. Напрягаю мышцы на случай удара. Неожиданно мы касаемся земли, и я выключаю зажигание. Может быть, это наш конец? Какой-то грохот, затем полный провал в памяти.

Ощущаю что-то вокруг себя — следовательно, я еще жив. Пытаюсь все восстановить в памяти; я лежу на земле, я хочу встать, но не могу, я пригвожден к земле, боль в ноге и голове. Затем до меня доходит, что где-то должен быть Гадерман. Я зову его: «Эрнст, где ты? Я встать не могу». «Подожди немного, может быть, все получится. Очень болит?» — вскоре он, хромая, подходит ко мне и пытается вытащить из-под обломков. Сейчас я понимаю, почему мне так больно: длинный кусок металла из хвоста самолета вонзился в нижнюю часть бедра, все хвостовое оперение лежит прямо на мне, так что я не могу даже двинуться. Первым делом Гадерман вытаскивает кусок металла из ноги, затем извлекает меня из-под

обломков хвоста. Ему приходится напрячь все силы, чтобы их поднять. Спрашиваю: «Как ты думаешь, русские уже здесь?» — «Трудно сказать».

Нас окружают лес и кустарник. Поднявшись на ноги, обзреваю сцену катастрофы: примерно в 30 метрах от нас лежит двигатель, он все еще горит, метрах в десяти в стороне валяются крылья, одно из них тоже дымится. Прямо передо мной, на приличном расстоянии, часть фюзеляжа с сиденьем бортстрелка, в котором зажалось Гадермана. Вот почему его голос слышался спереди, когда я позвал его. Обычно в самолете он сидит позади меня. Мы перевязываем раны и пытаемся понять, почему еще живы и в относительной безопасности. Без должной перевязки я не могу рассчитывать на спасение, слишком велика потеря крови.

Наше падение с тридцатиметровой высоты шло похоже в следующей последовательности: основной удар был смягчен деревьями на опушке леса, затем самолет попал на полосу песчаной почвы, где он развалился на куски, а разные его части разлетелись во все стороны, как я уже описал. Мы оба не были пристегнуты, поскольку готовились прыгать с парашютом. Все еще не могу понять, почему не ударился головой о приборную доску. Я лежал далеко от останков пилотского сиденья — меня, должно быть, отбросило сюда вместе с хвостом самолета. Да, не родился красивым, а родился счастливым.

Неожиданно в кустах слышится треск: кто-то прокладывает себе путь в подлеске. Смотрим в направлении звуков с затаенным дыханием... затем выдыхаем с облегчением: мы узнаем немецкую форму. Они слышали грохот падения с дороги, а перед этим — отдаленную стрельбу и горящий немецкий самолет. Они торопят нас: «За нами никого нет... только полчища «иванов». Один из них добавляет с усмешкой: «Но, я думаю, вы «иванов» и сами заметили». Он показывает глазами на дымящиеся обломки самолета. Мы залезаем на их грузовик и едем на северо-запад.

Днем мы прибываем в расположение эскадрильи. Никто не видел нашего падения, потому что все были в тот

момент заняты. Первые четыре часа нашего отсутствия не вызвали большой тревоги, так как я в результате вражеских действий нередко вынужден был сажать свой отважный Ю-87 на брюхо неподалеку от линии фронта и затем сообщать о моем местонахождении по телефону. Однако затем лица людей помрачнели, и вера в моего вошедшего в поговорку вездесущего ангела-хранителя стала ослабевать. Я дозвонился до фельдмаршала; он даже больше, чем кто-либо, был рад, что я вернулся с того света. Вряд ли нужно говорить, что он предупредил меня о скором прибытии еще одного праздничного торта.

Небо ярко-синее, последние признаки тумана исчезли. Докладываю фельдмаршалу, что мы вылетаем снова. Я крайне плохо настроен против наших советских «друзей». Они или я — вот закон войны. На этот раз не я, следовательно, пришел их черед. Полк прислал своего медика в «Шторхе», он перевязывает мои раны и объявляет, что я получил сотрясение мозга. Гадерман сломал три ребра. Не могу сказать, что чувствую себя отлично, но моя решимость летать перевешивает все другие соображения. Я инструкторую экипажи, назначаю им цели. Мы будем атаковать зенитки всеми самолетами-бомбардировщиками, а когда они будут нейтрализованы, уничтожим грузовики и танки, атакуя с малой высоты.

Моя эскадрилья быстро поднимается в воздух и направляется на юго-восток. Мы летим на высоте 2200 метров, так что сможем сделать заход со стороны солнца. Зенитчики с трудом нас разглядят, и мы точнее сбросим бомбы на их орудия, блестящие на солнце. Вот они, все еще на том же месте, что и раньше! По всей видимости, они не собираются двигаться дальше, пока к ним не придут подкрепления. Часть зениток установлена на грузовиках, остальные размещены в кругообразных укреплениях вокруг машин. Как только начинается фейерверк, я быстро запоминаю цели и затем следую собственному плану атаки — начинаю с зениток. Я нахожу в этом особое удовлетворение, поскольку задолжал им за то, что несколько часов назад моя жизнь висела на волоске. Мы на противо-

танковых самолетах летим через дым и облака пыли, об-
разовавшиеся при взрывах бомб, и атакуем Т-34. Нужно
быть все время осторожным и не оказаться рядом со взры-
вающейся бомбой. Зенитки вскоре подавлены. Взрывают-
ся танки один за другим, грузовики горят. Они уже ни-
когда не дойдут до Германии. Этот бронетанковый клин
определенно утратил свою стремительность.

Мы возвращаемся домой с чувством, что сделали все
от нас зависящее. Вечером фельдмаршал звонит нам сно-
ва и говорит, что наши товарищи на земле провели успе-
шную контратаку, прорыв блокирован и окруженный
противник уничтожен. Он благодарит нас от имени коман-
дования за поддержку. Завтра утром я должен буду пере-
дать его сообщение всей эскадрилье. Самая большая на-
града для нас — услышать от наших товарищей по
оружию, что сотрудничество с нами оказалось плодотвор-
ным и способствовало их успеху.

В Латвии до нас доходят тревожные слухи, что Советы
ворвались в Румынию. нас немедленно переводят в
Бузэу, к северу от Бухареста. Наш маршрут из Восточной
Пруссии идет через Краков и Дебрецен: чудесный полет
через всю Восточную Европу в солнечном сиянии бабьего
лета. Перелет совершают 3-я эскадрилья и штаб полка, 2-я
эскадрилья находится в районе Варшавы, а 1-я — уже в
Румынии. В Дебрецене ушло много времени на заправку,
и уже слишком поздно, чтобы лететь дальше в Румынию.
Мы должны пересечь Карпаты, и я не собираюсь терять
экипажи во время перелета. Поэтому мы остаемся на ночь
в Дебрецене. Вечером я предлагаю всем искупаться. В го-
роде находятся изумительные ванны, куда вода поступа-
ет из теплых целебных источников. Мы находимся здесь,
к восхищению и удовольствию моих товарищей, в компа-
нии женщин разного возраста, флегматично сидящих в
воде с дамскими сумочками, книжками и вышиванием. Их
водные процедуры сопровождаются нескончаемыми жен-
скими пересудами, этим они занимаются большую часть
дня. Для ветеранов русской кампании вид этих женщин в
купальных костюмах представляет просто диковинное зре-
лище.

На следующее утро мы вылетаем в Клаусенбург, прекрасный старинный город, в котором трансильванские немцы жили столетия назад, почему и местные жители говорят по-немецки. Мы очень торопимся и останавливаемся здесь только для заправки. В это время на высоте 7000 метров появляется американский самолет-разведчик. Это означает, что визита американских бомбардировщиков не придется ждать слишком долго. Полет над Карпатами в Бузэу оставляет неизгладимое впечатление, как, впрочем, и любой полет над прекрасным горным пейзажем в отличную погоду. Впереди появляется город, местный аэродром раньше использовался в качестве промежуточной остановки на пути к фронту, находившемуся далеко к северу. Теперь это операционная база почти на передовой. Что случилось со стабильной линией фронта Яссы—Тыргу-Фрумос и далее к Хуши? Аэродром находится на открытой местности, и замаскировать наши самолеты трудно. Совсем близко находится Плоешти, нефтяное сердце Румынии. Его беспрестанно атакуют американские бомбардировщики под очень сильной защитой истребителей. После бомбежки истребители могут обратить свое внимание и на нас, если, конечно, подумают, что мы того стоим. Количество американских истребителей, которые эскортируют бомбардировщиков во время каждого вылета, больше, чем общее число немецких истребителей на всем фронте.

Заходя на посадку, я вижу, что все дороги, ведущие к аэродрому, забиты бесконечными потоками румынских солдат, стремящихся на юг, местами колонны замерли в транспортных пробках. Среди них тяжелая артиллерия всех калибров. Но немецких частей здесь нет. Я становлюсь очевидцем последнего акта трагедии. Целые секторы на передовой брошены румынскими частями, которые прекратили оказывать какое-либо сопротивление и сейчас отступают по всему фронту. Советы преследуют их по пятам. Там, где отступают румыны, немецкие солдаты сражаются до последнего, поэтому они будут отрезаны и взяты в плен. Они думают, что наши румынские союзники никогда не позволят Советам вторгнуться в Румынию без

боя и не бросят свой народ на произвол судьбы. Они просто отказываются этому верить.

После посадки наши самолеты тут же начинают готовиться к боевым вылетам. Я докладываю о своем прибытии в штабе полка. Там рады, что мы вернулись и будем воевать вместе с ними. Полагают, что дел у нас будет предостаточно. Русские танки уже близко, их цель — захват Бухареста и Плоешти. Далее к северу все еще ведут бои немецкие войска группы «Юг».

Как только наши самолеты готовы к вылету, мы медленно взлетаем. Набираем высоту и идем над дорогой. В десяти километрах южнее видим гигантские облака пыли: да, это русские танки! Мы атакуем, они съезжают с дороги и бросаются врассыпную по полям. Но это их не спасает. Мы расстреливаем некоторые из них, затем возвращаемся, чтобы пополнить снаряжение, и продолжаем наш бой с той же колонной. Куда ни бросишь взгляд, везде массы людей и военной техники. Неужели людские резервы Советов неистощимы? Мы получаем свежее наглядное доказательство того, что производительная мощь СССР была сильно недооценена всеми и никто не знает подлинного положения вещей. Масса танков, вновь и вновь в невообразимом количестве, является наиболее убедительным доказательством этого. Много автомашин американского производства. Наши атаки следуют одна за другой, с восхода солнца и до заката, как и все эти годы.

Один из последних дней августа. Я вылетаю рано утром в район к северу от нас, где прорвались красные, и поднимаюсь на высоту 50 метров над аэродромом. Неожиданно наши зенитки открывают огонь, их обслуживают румынские расчеты, которые, как предполагается, должны защищать наш аэродром от атак русских и американских самолетов. Я смотрю туда, где взрываются снаряды, ищу глазами вражеские бомбардировщики. Неужели американцы этим утром поднялись так рано? Вместе с другими самолетами делаю разворот над взлетной полосой, чтобы, находясь под защитой, подождать, как развернутся дальше события. Но снаряды летят ниже, и некоторые разрываются в неприятной близости от моего

самолета. Я смотрю вниз на стреляющие батареи и вижу, что стволы зениток поворачиваются, следуя нашим маневрам, один из снарядов разрывается совсем близко. Вражеских самолетов не видно. Сомнений больше нет — эти зенитки стреляют по нашим самолетам. Ничем не могу этого объяснить, но факт остается фактом. Мы летим на север навстречу наступающим красным, которые большими силами рвутся на юг из района Хуши—Бырлад—Фокшани.

Во время нашего возвращения на аэродром я готов к новым абсурдным выходкам румынских зенитчиков, наземный контроль уже сообщил мне на обратном пути, что орудия нацелены именно на меня. С сегодняшнего дня румыны вступили с нами в войну. Мы быстро спускаемся на малую высоту и садимся по одному. Отдельные румынские орудия вновь открывают по нам огонь, но, как и раньше, не добиваются никакого успеха. Я тут же направляюсь к телефону и соединяюсь с румынским генералом Ионеску. Он командует всей румынской авиацией, а также зенитными батареями, и я хорошо знаю его лично еще по Хуши, у него несколько немецких наград. Я говорю ему, что недружелюбное внимание этим утром было явно адресовано мне и моей эскадрилье, и спрашиваю, так ли это. Он не отрицает этого и говорит, что его зенитчики видели, как немецкий истребитель сбил румынский связной самолет, и что, естественно, они очень разгневаны и стреляют по всем немецким самолетам, которые оказываются в поле их зрения. Он пока ни разу не упомянул о состоянии войны между Германией и Россией. Отвечаю ему, что не имею ни малейшего намерения слушать всю эту чепуху и что я хотел совершить новый боевой вылет против русских к северу от Рымнику-Сэрата. Однако сейчас я с помощью моих «Штук» намерен сначала разбомбить и расстрелять из пулеметов все зенитные батареи вокруг нашего аэродрома, чтобы устранить любые помехи нашим вылетам. Затем с помощью другой эскадрильи мы атакуем его штаб — я абсолютно точно знаю, где он находится.

«Ради Бога, не делайте этого. Мы всегда были лучшими друзьями, и я не могу нести ответственность за дей-

ствия нашего правительства. Делаю вам предложение: ни мы, ни вы не будем ничего предпринимать, не будем обращать на объявление войны никакого внимания, как будто его нет. Гарантирую, что, пока я остаюсь командующим, по вашим самолетам не будет сделано ни одного выстрела». Он клянется нашей с ним старой дружбой, а также своими теплыми чувствами к нам, немцам. Между нами объявлен этот сепаратный мир, и у меня больше нет причин для жалоб. Любопытная ситуация: я здесь один с моим летным персоналом на этом аэродроме, в стране, которая находится с нами в состоянии войны. Две румынские дивизии со всем их снаряжением, включая тяжелую артиллерию, окружили наш аэродром. Кто помешает им тут же нас ликвидировать? В ночные часы мы чувствуем себя не очень уютно, днем опять сильны. Даже две дивизии не очень спешат проявлять агрессивность по отношению к моим «Штукам», когда их так много и они находятся на открытой местности.

Наш запас бомб и горючего на аэродроме подходит к концу. К нам не поступают новые припасы, поскольку Румынию больше не удержат. Единственный для нас шанс — переместиться на другую сторону Карпат и попытаться образовать здесь новый фронт из остатков тех наших армий, которые смогли пробиться из Румынии, и любых других частей, которые можно наскрести из резервов. Совершенно ясно, что наша тяжелая артиллерия никогда не сможет преодолеть Карпаты и ее придется бросить в Румынии. Если бы только большая часть нашей отважной армии смогла выбраться из этого дьявольского котла измены, за которую следует винить румынское правительство! Оружие можно заменить, как это ни трудно, но людей — никогда! Наш наземный персонал готовится в путь по дороге, ведущей через перевал, мы используем последние капли горючего, атакуя русские клинья, которые подходят все ближе и ближе. Регулярно мы совершаем вылеты в глубь русских позиций, чтобы облегчить положение немецких войск, все еще участвующих здесь в ожесточенных боях. Какое печальное зрелище, достаточное, чтобы любого довести до отчаяния: ветераны рус-

ской кампании, окруженные противником, сражаются с надвигающейся стеной численно превосходящего врага, пока у них ничего не остается, кроме личного оружия. Артиллерия уже давно израсходовала все снаряды, вскоре у них не будет даже винтовочных или револьверных патронов. Единственный способ поддержать их сопротивление — атаковать и еще раз атаковать.

Сейчас наши запасы на аэродроме вконец истощены, и мы летим на запад над Карпатами на нашу новую операционную базу в Венгрии. В этом городке почти все говорят по-немецки, это цитадель трансильванских немцев. Есть немецкая кирха и немецкая школа. Когда идешь по городу, в голову даже не приходит и мысли о том, что ты не в Германии. Город живописно раскинулся между цепями холмов и небольшими горами, в окрестностях много лесов. Наш аэродром находится на возвышенности и окружен лесами, мы расквартированы в самом городе и в соседних чисто немецких деревнях к северу и северо-востоку от него. Наши операции в данный момент направлены против врага, рвущегося с востока через Карпаты. Здесь много отличных оборонительных позиций, но у нас нет достаточных сил, чтобы их сдерживать, поскольку вся тяжелая артиллерия осталась в Румынии. Даже в самой удобной для этого местности невозможно защищаться от самого современного оружия с помощью одного лишь героизма.

Мы атакуем на малых высотах горные перевалы и ведущие к ним дороги. У меня есть опыт полетов в горах Кавказа. Но здесь долины очень узкие, особенно в нижней их части, и, чтобы сделать разворот, приходится подниматься на значительную высоту. Дороги на перевалах извилисты, местами они проходят по уступам, вырубленным в скалистых горных склонах. Поскольку машины и танки обычно держатся защищающих их скал, надо быть дьявольски аккуратным, чтобы не врезаться в них. Если другая группа самолетов пролетает в том же самом районе и в то же время, возможно, заходя на цель с другой стороны долины, и с опозданием видит нас сквозь дымку, то на долю секунды «смерть костлявой рукой хватается

за ручку управления», когда одна группа встречается с другой, летящей навстречу. Это пострашнее зениток, которых ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Часть их размещена на горных склонах вдоль дорог, идущих через перевалы. Противник понял, что оставлять зенитки в составе конвоев на дороге весьма неэффективно, когда мы, например, атакуем цели внизу из-за скал. Истребителей пока немного. Неужели русские так долго тянут с перебазированием на румынские аэродромы? Сомневаюсь, ведь у них нет проблем со снабжением, а аэродромы в Бузэу, Романе, Текуче, Бакэу и Силистре отлично расположены и вполне достаточны для борьбы с нами.

Вероятно, «иваны» не очень любят летать в горах. Особо они опасаются летать на низкой высоте в долинах из-за возможности неожиданно попасть в тупик, выход из которого блокирован резко вздымающимися горами. У меня было точно такое же чувство два года назад, когда мы летали над перевалами и долинами в горах Кавказа.

Получаю приказ принять командование полком и сдать свою 3-ю эскадрилью. Мой приемник — обер-лейтенант Лау, он служил в эскадрилье и отличился еще с Греции. После первой фазы русской кампании его направили на штабную работу, а сейчас он снова вернулся на фронт. Что касается моих собственных полетов, новое назначение меня никак не затрагивает. Я располагаю для полетов всеми типами самолетов, находящимися на вооружении полка, и могу летать с тем или иным подразделением в любое время.

Однажды, в начале сентября, я вылетаю рано утром со своей 3-й эскадрильей, 2-я сопровождает нас в качестве эскорта. Вместе со звеном противотанковых самолетов я охочусь на танки в районе горного перевала Ойтош. Ситуация там не из приятных. Поэтому решаю сразу же после возвращения подняться в воздух на ФВ-190, пока самолеты других летчиков проходят обслуживание перед следующим вылетом. Лейтенант Хофмейстер готов к вылету и будет сопровождать меня в качестве разведчика.

Мы идем к перевалу, проводим несколько атак на малых высотах и изучаем состояние дел на всех карпатских

перевалах и вершинах. Теперь мы знаем общую картину положения дел в нашем секторе. Я возвращаюсь буквально без капли бензина и без единого патрона на наше летное поле. Тут же вижу сорок серебристых самолетов, летящих ко мне на той же высоте. Мы проносимся совсем близко друг от друга. Не скроешься. Это американские «Мустанги». Я говорю Хофмейстеру: «Немедленно приземляйся!». Выпускаю шасси, закрылки и иду вниз, прежде чем «Мустанги» успевают развернуться и начать атаку. Скольжение по земле отнимает много нервов — в этот момент твой самолет абсолютно беззащитен, ты ничего не можешь сделать, лишь терпеливо ждать, пока он остановится. Я все еще качусь по земле, когда, оглянувшись, вижу: «Мустанги» начинают атаку, и один из них идет прямо на мой самолет. Я быстро откидываю фонарь, все двигаясь со скоростью километров пятьдесят в час, вылезаю на крыло и бросаюсь на землю всего за несколько секунд до того, как начинают лаять пушки «Мустанга». Мой самолет загорается после первой же атаки. Я радуюсь, что сумел вовремя из него выбраться.

У нас на аэродроме нет зениток, потому что никто не ожидал и не был готов к нашему отступлению на венгерские аэродромы. Наши враги, которые располагают неограниченными ресурсами, могут размещать зенитные батареи на каждом углу. Мы, к сожалению, этого позволить себе не можем. «Мустанги» рассыпались над всем аэродромом и спокойно занимаются тренировочной стрельбой по мишеням, как в мирное время. Моя эскадрилья, которая должна быть заправлена и снабжена боеприпасами, все еще находится на земле. Несколько транспортных самолетов, которые доставили нам боеприпасы, горючее и бомбы, стоят на открытом месте. Пригодные к полетам самолеты находятся в импровизированных ангарах в лесу, и в них трудно попасть. Но ремонтируемые самолеты и транспортники с бомбами и горючим взлетают на воздух, пушки сорока «Мустангов» грохочут без передышки, превращая все, что видят пилоты, в пламя и обломки. Мною овладевает ярость от беспомощности, приходится смотреть на все это и не иметь возможности ничем ответить.

Под всему аэродрому горят самолеты, над ними поднимаются клубы черного дыма. В этой сумятице кажется, что пришел конец света. Как это ни абсурдно, я пытаюсь на мгновение заснуть. К тому времени, как я проснусь, все уже закончится. Если тот парень, который продолжает кружить надо мной, сможет в меня попасть, мне будет легче принять это во сне.

После того как пилот «Мустанга» поджег мой самолет во время первой атаки, он, должно быть, заметил меня, лежавшего в поле. Возможно, он даже видел, как я спрыгнул с крыла. Теперь он возвращается снова и снова и пытается попасть меня из пушек и пулеметов. Вероятно, он не видит меня четко через прицел, потому и не верит, что еще не попал в меня. Он раз или два с ревом пронесется надо мной, снижается на высоту в несколько метров и смотрит на меня. Я лежу на животе не шевелясь, лишь немного поворачиваю голову, чтобы бросить на него взгляд из-под полуопущенных век. Всякий раз, когда он приближается ко мне спереди, на меня летит песок от пулевых фонтанчиков. Попадет ли он в меня в следующий раз? Бежать нельзя, они стреляют по всему, что движется. Так это продолжается, кажется, до бесконечности. Наконец у него, я абсолютно уверен, кончились боеприпасы — пройдя надо мной еще раз, он убегает прочь. Его коллеги тоже израсходовали свои боеприпасы, и очень толково, надо признать. Они выстраиваются над летным полем и улетают.

Наш аэродром представляет сейчас ужасное зрелище, особенно с первого взгляда. Первым делом я ищу Хофмейстера. Его самолет лежит на краю летного поля. Должно быть, он не смог быстро приземлиться и был застигнут во время посадки. Он ранен: одну ногу придется ампутировать. На летном поле горят и взрываются самолеты. К счастью, среди них лишь несколько боеспособных машин, которые были хорошо замаскированы и не представляли собой легкую цель. Я посещаю каждое подразделение в лесу. Мне говорят, что во время атаки наземный персонал, как и было приказано, вел непрерывный огонь из стрелкового оружия. Сбито четыре «Мустанга». Учи-

тывая, что у нас нет зениток, это особенно отрадно. Значит, у «Мустангов» не получилась их безопасная тренировочная стрельба по мишеням. Через несколько дней прибывают зенитки, и маловероятно, что столь же успешные рейды противника когда-нибудь снова повторятся.

В нашем секторе нередко немецкие самолеты пилотируют румыны, мы сами же их ими и снабдили. Сейчас на них румынские опознавательные знаки, теперь они на стороне русских. Румынская операционная база находится не очень далеко от нашей. Поэтому мы проводим две атаки с малых высот на аэродромы в районе Карлсбурга, Кронштадта и Германштадта. Злые языки говорят, что мы пытаемся подражать «Мустангам», те поступали точно так же. Мы уничтожили более 150 самолетов на земле, некоторые — в воздухе, это в основном тренировочные и связанные самолеты, но и в этом случае они используются румынскими ВВС. Успех этих атак в значительной степени зависит от силы вражеской обороны.

Боевые действия в Румынии завершились. Советское наводнение затопило всю страну, и сейчас Советы пытаются нащупать проходы в Венгрию. Русские колонны одна за другой идут по перевалу в направлении Германштадта. Вылеты здесь особенно трудны, потому что их армии хорошо защищены от нападения с воздуха. Во время одного из полетов над северными склонами перевала 40-миллиметровый зенитный снаряд срывает надо мной фонарь. К счастью, ни один из осколков меня не задевает.

Вечером мой офицер по разведке говорит, что он почти каждый день слышит по радио пропагандистские передачи на немецком — это истории о зверствах немецких солдат и подстрекательства к партизанской войне. Передача всегда начинается со слов: «Говорит Кронштадт». Поговорив с группой, мы назначаем на завтра первую атаку на радиостанцию, так мы сможем разобраться с этими провокаторами. На рассвете вылетаем в направлении Кронштадта, древнего поселения трансильванских саксонцев. Прямо впереди, в утреннем тумане, виден городок. Нам не приходится лететь над ним: передающая станция с ее двумя высокими мачтами находится на главной дороге в

семи километрах к северо-востоку. Между гигантскими мачтами стоит небольшое здание, нервный центр всей радиостанции. Подлетаю ближе. Уже готов спикировать, но тут вижу автомобиль, выезжающий из внутреннего двора этого здания. Если бы я был уверен, что именно его пассажиры подстрекали партизан нанести нам удар в спину, я без труда накрыл бы их во время атаки. Автомобиль исчезает в лесу, его пассажиры наблюдают за нашими действиями издалека. Во время атаки следует быть очень внимательным, не спикировать слишком низко, так как мачты соединены друг с другом множеством поводов, за которые легко зацепиться. Небольшое здание уже в центре моего прицела, я нажимаю кнопку, выхожу из пикирования и кружусь над мачтами, ожидая увидеть результат, пока моя эскадрилья снова строится в боевой порядок. Одна из моих маленьких 10-килограммовых бомб попала в самую верхушку мачты, та надломилась и изогнулась под прямым углом. От здания радиостанции ничего не осталось, бомбы сделали свое дело. Теперь враги долгое время не смогут вести отсюда свои злобные пропагандистские передачи. С этой утешительной мыслью мы возвращаемся на базу.

Нарастающее давление на карпатские перевалы все яснее и яснее показывает ущерб нашей военной мощи вследствие румынского фиаско. Советы продвинулись далеко за Германштадт, они пытаются захватить Клаусенбург. Большинство наших войск здесь — венгерские, в основном части 1-й и 2-й бронетанковых дивизий. Практически нет никаких немецких резервов, чтобы сформировать костяк сопротивления в этом важном секторе. Советское наступление подвергает опасности немецкие войска, удерживающие Карпаты дальше к северу. Им приходится оставлять свои позиции на перевалах с тяжелыми последствиями: Карпаты, являясь природной крепостью, являются ключом к венгерским равнинам, которые очень трудно удержать нашими ослабленными силами. Последние несколько недель Советам было легко делать свое дело, потому что они шли по «союзной» Румынии, где серьезное немецкое сопротивление невозможно органи-

зовать. Наш девиз: «Прочь из Румынии, следующая остановка — Карпаты». Но Румыния имеет протяженные границы, а это означает, что наш слабо защищенный фронт должен будет растянуться еще больше.

Возвращаемся на несколько дней на наш старый аэродром, откуда мы почти ежедневно совершаем вылеты в район Торенбурга. Впервые за Бог знает сколько времени в бой вступают «Железные Густавы». Во время каждого вылета мы остаемся в районе цели, насколько это позволяет нам запас горючего, всегда надеясь на столкновение с противником. Третья эскадрилья занимается бомбежкой. Ее эскортируют 2-я эскадрилья, штабное звено и я сам на ФВ-190. Нам удастся сбить большое количество русских штурмовиков и истребителей. Особенно удастся охота командиру 2-й эскадрильи Кеннелю, награжденному Дубовыми листьями. Не дело для пикировщиков сбивать вражеские самолеты, но при нынешнем кризисе, думаю, очень важно для наших боевых товарищей на земле, что мы можем успешно одолевать вражескую авиацию. Поэтому наши противотанковые снайперы тоже вступают в бой с неприятельскими самолетами и добиваются великолепных результатов. Эти операции показывают нам, старым пилотам Ю-87, что лучше быть гончей, нежели зайцем.

В сентябре 1944 года битва за равнины Венгрии становится реальностью.

До меня доходит новость о том, что мне присвоено звание подполковника. Штабное звено и наземный персонал на короткое время размещаются южнее Токая. Обе эскадрильи, 1-я и 2-я, и я сам находимся около Таснада, 3-я эскадрилья перемещается в район Мишкольца. Там их вылетам мешает плохое летное поле, а всю окружающую его местность, включая дороги, ведущие к аэродрому, проливные дожди превратили в болото.

Мы стоим здесь недолго, только для того, чтобы помочь нашим войскам в боях, которые идут в районе Гросвардейн—Цеглед—Дебрецен. Русские орды движутся на запад почти исключительно по ночам. Днем они остаются на месте, хорошо замаскированные в лесах рядом с дорогами, в кукурузных полях или в деревьях. Бомбежка и

атаки с воздуха становятся менее важными по сравнению с разведкой, поскольку, только изучив цель, можно нанести ей серьезный ущерб. Немецкий фронт не представляет собой единого целого, это по большей части изолированные боевые группы, спешно созданные в результате слияния подразделений, которые либо прорвались с боями из Румынии, либо прежде были расквартированы в Венгрии. Эти подразделения — пестрая смесь всех родов войск. В ключевых пунктах находятся ударные войска: пехотные полки с великими традициями, части СС, все наши старые знакомые и друзья, с которыми мы делили все трудности тяжелых лет в России. Они любят и ценят наши «Штуки», мы испытываем те же чувства по отношению к ним. Когда знаем, что одна из этих частей занимает свои позиции прямо под нами, мы уверены, что никаких неприятных сюрпризов не будет.

Мы знакомы с большинством офицеров-авианаводчиков лично или по крайней мере по голосам. Они указывают нам любой очаг сопротивления, каким бы маленьким он ни был, затем мы атакуем его всем, чем располагаем. Наземные войска атакуют сами с молниеносной быстротой и сметают все с лица земли. Но численное превосходство врага столь подавляющее, что даже отдельные величайшие успехи являются всего лишь каплей в море. Русские просачиваются слева и справа от мест этих схваток, а у нас нет достаточного количества солдат, чтобы сдержать их. Следует новый прорыв, результат которого заключается в том, что даже те войска, которая держат прочную оборону, вынуждены отступать, прежде чем пути их отхода будут перерезаны.

Это происходит раз за разом, пока мы вновь не оказываемся на Тисе, новой линии нашей обороны. Река узкая и в современной войне не может быть серьезным препятствием. В Сегеде русские вскоре захватывают сильный плацдарм, который мы не в состоянии уничтожить. С него противник наносит стремительный удар на северо-запад, в направлении Кечкемета. Мой полк оттянут назад, мы стоим в Фармоше, к западу от Сольнока, на железнодорожной линии Сольнок—Будапешт. Наш аэродром часто

навещают четырехмоторные американские бомбардировщики, которые до этого концентрировали свое внимание на железнодорожном мосту в Сольноке.

Мы не жалуемся здесь на наш рацион, поскольку Нирман получил разрешение на охоту, а окрестности кишат зайцами. Каждый день он возвращается с большим мешком. Фридолина мутит уже от одного вида зайцев. Иногда резко холодает, скоро зима. Прогуливаясь вечером по окрестностям Фармоша, я поддаюсь очарованию долин в такой степени, какой не мог предположить для такого горца, как я.

Мы летаем в основном вблизи Тисы, на той и другой ее стороне, поскольку на западном берегу Советам в нескольких местах удалось создать плацдармы. Нашими целями, как и прежде, являются места концентрации техники на берегах реки и на ведущих к плацдармам дорогах, в дополнение к постоянно восстанавливаемым мостам и переправам, которые организованы очень примитивными методами. Плоты, старые парусные суда, рыболовные лодки и прогулочные катера — все это курсирует по узкой Тисе. «Иван» не теряет времени, собирая эту разнородную флотилию. Наиболее оживленные переправы находятся между Сегедом и Сольноком, потому они появляются и севернее. Создание множества плацдармов всегда является предупреждением, что Советы накапливают резервы, необходимые для нового наступления. В районе Сольнок—Мезётур—Кишуйсаллаш—Туркеве идет и наше успешное наступление, цель которого — расстроить их приготовления. Мы беспрестанно летаем в поддержку атак наших войск. Новое наступление русских на Тисе откладывается и ослабляется вследствие нарушения их коммуникаций, по крайней мере в северном секторе, но они все еще способны расширить большой плацдарм у Сегеда и соединить его с меньшими плацдармами к северу.

В конце октября начинается наступление противника по всему этому сектору. Сначала следует удар на северо-запад и север в направлении Кечкемета. Его цель ясна: вызвать коллапс нашей линии обороны на Тисе и рва-

нуться вперед по равнинам к Будапешту и Дунаю. «Иван» очень активен в воздухе. Оказывается, он занял целый ряд аэродромов в окрестностях Дебрецена, и мы снова вступаем в бой с численно превосходящим нас противником. Мы ослаблены из-за потери ряда самолетов, сбитых зенитками, а также плохого снабжения припасами, а новое пополнение оставляет желать лучшего. Советы не могут поставить себе в заслугу наше затруднительное положение, они должны лишь благодарить своих западных союзников, которые нарушили наши коммуникации в ходе атак четырехмоторных бомбардировщиков на города и железнодорожные станции. Остальное довершает патрулирование железнодорожных линий и дорог американскими истребителями-бомбардировщиками. Из-за нехватки людей и техники у нас недостаток средств для защиты наших транспортных магистралей.

С немногими оставшимися в строю самолетами моего полка, включая противотанковые, я часто делаю боевые вылеты к юго-востоку от Кечкемета. Численность боеспособных самолетов настолько сильно уменьшилась по причинам, о которых я уже говорил, что однажды я вылетаю один, в сопровождении четырех ФВ-190, для атаки на вражеские танки в этом районе. Когда я приближаюсь к цели, я с трудом верю своим глазам: на большом расстоянии севернее Кечкемета по дороге движутся танки — это русские. Над ними, как виноградная гроздь, висит густой зонтик советских истребителей, прикрывающих эту ударную группу. Один из сопровождающих меня офицеров знает русский и тотчас же переводит мне все, что может разобрать. Советы опять используют для своих переговоров нашу частоту. Они кричат друг на друга и создают такой шум, что просто чудом кто-нибудь из них может понять то, что ему говорят. Мой переводчик в ФВ-190 сумел разобрать примерно следующее: «Вызываю всех красных соколов — одиночная «Штука» с двумя длинными полосами собирается атаковать наши танки. Мы уверены, что это тот самый нахальный нацист, который расстреливает наши танки. С ним несколько «Фоккеров». Атаковать эту «Штуку», а не «Фоккер» — его нужно обязательно сбить!»

Во время всей этой суматохи я успел снизиться к земле и произвести атаку. Один танк горит. Два ФВ-190 вьются надо мной, пытаюсь отвлечь несколько Ла-5. Два других прилипли ко мне, маневрируют вместе со мной. Они не собираются оставлять меня одного, что обязательно произойдет, если они ввяжутся в воздушный бой с «иванами». Двадцать или тридцать Ла-5 и Як-9 сейчас обращают на нас внимания. Авианаводчик, который направляет действия истребителей, находится похоже где-то совсем рядом с танками, потому что орет, как недорезанный: «Вперед, вперед, сбить этого гада! Вы что, не видите, что один танк уже горит?!» Для меня это самое очевидное подтверждение победы. Всякий раз, когда один из истребителей атакует, я делаю резкий разворот в тот момент, когда он направляется ко мне. Его скорость не позволяет ему следовать моим маневрам, он не может точно прицелиться. Я разворачиваюсь и захожу сзади, пока он от меня довольно далеко. Мне жалко тратить свои противотанковые снаряды, я стреляю в него 37-миллиметровыми. Даже если я сейчас промахнусь, парень, которому предназначались мои снаряды за то, что он не следил за своим хвостом, получит шок, когда увидит, как эти огненные шары мелькают совсем рядом. Один из тех, кого я обстрелял, кричит: «Оглянись, будь осторожен! Ты что, не видишь?! Фашист стреляет в тебя!» Он орет так, как будто сам уже сбит. Другой пилот, наверняка командир этой части, говорит: «Мы должны атаковать его одновременно с разных сторон. Сбор над деревней, куда я сейчас направляюсь. Там обсудим, что можно сделать».

Тем временем я атакую другой танк. До сих пор они не пытались прятаться, уверенные, что надежно защищены своими истребителями. Снова один танк вспыхивает. Красные соколы кружат над деревней и ужасно орут, они все хотят высказаться, как лучше всего сбить мой Ю-87. Авианаводчик на земле в ярости, он угрожает, спрашивает, видят ли они, что горят уже четыре танка. Вот они снова возвращаются и на самом деле атакуют с разных направлений. Я рад, что, подбив пятый танк, израсходовал свой последний снаряд: если эта игра продолжится и дальше,

трудно надеяться на счастливый исход. По мне струится пот, хотя стоит очень холодная погода: волнение греет лучше любой меховой куртки. То же справедливо и относительно моего эскорта. Лейтенанты Бирман и Кинадер не столько боятся, что их самих собьют, сколько того, что они не справятся с обязанностью защитить меня. Еще более вероятно, что «иваны» могут сказать и о себе то же самое: если они не сумели сбить Ю-87 с полосами, как им было приказано, они по крайней мере могут приняться за «Фоккеров». Мы направляемся домой. «Иваны» какое-то время идут за нами, потом поворачивают обратно. Слышим укоры наземного офицера-аваианаводчика и красных соколов, которые приносят свои извинения.

Случается, что на пути наступающих русских нет ничего, кроме отдельных частей, спешно направленных в район прорыва. Нередко они состоят из зенитчиков, обслуживающего персонала аэродромов и тыловых армейских служб. Мы испытываем нехватку людей и техники — все та же старая история, снова и снова. Личная храбрость может отсрочить отдельные действия, но не способна остановить наступление колоссальных масс людей и вражеской техники. Немногие ударные части, которыми мы располагаем, не в состоянии успевать повсюду в одно и то же время. Невзирая ни на что, наши товарищи на земле ведут бой с непостижимой храбростью. Фронт по Тисе уже не удержать, следующей линией обороны будет Дунай. Я встревожен советским ударом на крайнем юге через Фюнфкирхен в направлении Капошвара: если он окажется успешным, то и новая наша позиция вновь окажется в опасности. Спустя некоторое время мои опасения подтверждаются.

Битва за Венгрию

Один из наших последних дней в Фармоше. Только что получено сообщение: бронетанковая колонна русских прорвалась в направлении гор Матра и достигла окраины Дьёндьёша. Наши части, которых обошли с фланга, озабочены тем, чтобы закрыть разрыв. Погода испортилась, что становится для нас дополнительным испытанием: вся местность здесь холмистая, облачный покров очень низко над землей. Мы оставляем Будапешт справа и вскоре впереди видим горы Матра, а еще дальше — Дьёндьёш. Южнее горят пожары — очевидно, там что-то происходит. Видно, как по дороге идут танки, явно не немецкие. Когда я иду в их направлении, чтобы составить общее представление о силах противника, меня встречает сильный зенитный огонь. Мы кружим на низкой высоте над головой танковой колонны. Впереди Т-34 и ИС идет танк нового типа, какого я никогда не встречал прежде, но это и не американская машина. Я уничтожаю этот танк первым, а затем переключаюсь на других. Вскоре пять танков горят, но у меня кончились боеприпасы. Противотанковое звено хорошо поработало, и для «ивана» день начался неудачно. Мы перестраиваемся и уходим домой. По дороге нас перехватывают с опозданием появившиеся на сцене советские истребители Як-9, но они не наносят нам никакого вреда.

Мы уже находимся за нашими позициями, до базы остается всего десять минут лета, когда до меня вдруг доходит: какими словами я опишу первый подбитый танк в своем докладе? Получилась ли достаточно четкой фотография, по которой можно будет определить тип этого танка? Очень важно, чтобы наш Генеральный штаб знал,

какие типы танков появляются на определенных участках фронта. Такая информация показывает, какое новое оружие неприятель начал производить или получил из других стран. Я должен знать, какой модели был этот танк. Поэтому приказываю командиру 3-й эскадрильи вести самолеты домой, а сам разворачиваюсь и лечу назад.

Я немного убираю газ и на высоте 3—4 метра облетаю несколько раз загадочного стального монстра, осматривая его с близкого расстояния. Сбоку от него стоит ИС, который, по всей вероятности, подошел откуда-то из хвоста колонны, чтобы узнать, что случилось. Станный танк все еще горит. Когда я облетаю его последний раз, я вижу, как несколько «иванов» карабкаются на башню ИС к установленному там 13-миллиметровому зенитному пулемету. Они, как по команде, поднимают головы, я вижу дымок, выходящий из дула их пулемета, и понимаю, что они открыли по мне огонь. Я нахожусь от них на расстоянии 50, самое большее 60 метров. Им трудно в меня попасть, потому что я описываю круги слишком малого радиуса, если только это не опытные стрелки, которых специально учили стрелять по таким целям. Продолжаю рассуждать в том же духе, когда на мой самолет обрушиваются два удара. Я чувствую жгучую боль в левом бедре. С трудом преодолеваю темноту в глазах и убеждаюсь, что по ноге струится теплая кровь. Говорю о своем ранении Гадерману, но тот не может ничего сделать, ему до меня не дотянуться. У нас нет никаких бинтов. Местность, над которой мы летим, кажется малозаселенной и не особенно пригодной для посадки. Если мы приземлимся здесь, понадобится Бог знает сколько времени, чтобы получить медицинскую помощь, и я истеку кровью. Поэтому я должен попытаться достичь Будапешта, который от нас в двадцати пяти минутах лета.

Чувствую, как быстро уходят силы. Кровь все еще льется... Испытываю некое странное чувство... какой-то транс... но продолжаю лететь, я все еще могу контролировать свои чувства. Спрашиваю Гадермана: «Как ты думаешь, я внезапно потеряю сознание... или ослабею постепенно?» «Ты никогда не долетишь до Будапешта... по всей вероятно-

сти... но внезапно сознания не потеряешь», — последние слова он произносит скороговоркой, вероятно, чтобы не расстраивать меня. «Тогда я лечу дальше... и попытаю счастья».

Максимальный газ... минуты беспокойного напряжения... я не сдамся... я не... вот и летное поле с истребителями, Будапешт... выпустить закрылки... убрать газ... я приземляюсь... все...

Я на операционном столе в местном госпитале. Медсестры столпились вокруг и смотрят на меня с любопытством. За спиной хирурга, профессора Фикка, стоит Гадерман, он качает головой. Он говорил мне потом, что, находясь под наркозом, я сказал несколько вещей, которые, по всей видимости, не могли привести медсестер в восхищение. Чего не сделаешь в такой ситуации! Профессор Фикк объясняет, что в меня попали две пули калибра 13 мм; одна, которую он уже извлек, вошла под углом в бедро, а другая прошла навывлет. Он говорит мне, что я потерял много крови. Как только мне наложат гипс, меня отправят в санаторий на озере Балатон, чтобы я быстро восстановил свои силы и дал возможность своим ранам затянуться в тишине и покое.

Тем временем прибыл Фридолин и порицает меня за то, что я вляпался во все это из-за своего любопытства. Хотя он прямо и не говорит мне этого, он явно рад, что не произошло ничего похуже. Он докладывает, что мы должны перебазироваться в район Штульвессенбурга. Мои носилки закрепляют в санитарном «Шторхе» и доставляют меня на озеро Балатон, где я должен пройти лечение в санатории доктора Петера. Я уже спрашивал профессора Фикка, сколько времени займет мое выздоровление и когда я смогу хотя бы ходить, не говоря уже о полетах. Он дал уклончивый ответ, наверно, потому, что Гадерман уже поведал ему о моей нетерпеливой натуре. Я настаиваю, чтобы доктор Петер немедленно снял с меня повязки и сказал мне, как долго, по его мнению, я буду здесь. Он поначалу отказывается снять повязки, но затем после долгих споров исследует рану и говорит: «Если не будет никаких осложнений, пролежите недель шесть».

До этого момента я не особенно беспокоился о ране, но сейчас почувствовал, что снова теряю все, обреченный на бездействие, когда нужен каждый человек. Я в бешенстве. Вот так ситуация: моя нога в гипсе, и я могу передвигаться с трудом. Но в одном я уверен твердо: долго это не продлится. Не важно, насколько благотворно скажутся на мне медицинский уход и отдых, — я не смогу отдохнуть понастоящему, пока не вернусь в полк и не начну летать с ним. Фридолин каждый день навещает меня с портфелем, набитым бумагами на подпись. Он держит меня в курсе боевых дел полка, всех его тревог и потребностей. До прибытия на наш нынешний аэродром полк временно стоял несколько дней на аэродроме в пригороде Будапешта. Отвратительная ноябрьская погода, и, несмотря на критическую ситуацию, совершенно лишь несколько боевых вылетов. На восьмой день Фридолин навещает меня еще раз и приносит новость, что Советы атакуют Будапешт большими силами и уже захватили плацдарм на этой стороне Дуная. Еще хуже то, что их новое наступление с юга в направлении Балатона угрожает вбить клин между нашими позициями. Он совсем не удивлен, когда я говорю ему, что достаточно належался в постели и собираюсь вместе с ним вернуться в полк. «Но...» — он не заканчивает фразу, зная о моем упрямстве. Сестра слышит, как Фридолин упаковывает мои вещи, и не верит своим глазам, когда заглядывает в дверь, чтобы узнать, что происходит. Когда же появляется предупрежденный ею доктор Петер, он застает меня уже готовым к уходу. Понимаю, что он не может взять на себя ответственность, и ни о чем его не прошу. Он качает головой, наблюдая за нашим отъездом. Через час автомобиль доставляет нас на станцию.

Пока полк расквартирован в Фармоше, мы стоим в деревне. Люди настроены к нам очень дружелюбно, чего и можно было ожидать. Они надеются, что мы сможем остановить русских и освободить уже оккупированную часть их страны. Мой ординарец Дальман уже приготовился к моему приезду и натопил комнату в небольшом коттедже, полагая, что она понадобится в качестве больничной палаты. Проходит несколько дней, и погода улучшается. Я

летаю с первого же дня, закрепляя ногу в гипсе дополнительными ремнями. Двигаться трудно, но кое-как удается. В середине декабря из-за сильных дождей и мокрого снега наше летное поле становится все больше и больше похожим на болото, и мы возвращаемся в Варпалоту. Этот аэродром расположен на сухом возвышенном месте, и мы можем взлетать в любое время.

Моя 3-я эскадрилья, наконец, переоснащена истребителями «Фокке-Вульф-190», и, имея в виду складывающуюся ситуацию, мне нежелательно давать им время на переподготовку. Поэтому одного или двух пилотов по очереди прикрепляю к штабу полка и между боевыми вылетами знакоблю их с новым типом самолета, учу их, как с ним обращаться. Каждый из них делает несколько кругов, количество которых зависит от его летного мастерства, затем я беру их с собой в качестве ведомых на боевые вылеты. После пятнадцати или двадцати полетов их знакомство с новым самолетом считается законченным, и наступает очередь других экипажей. В итоге 3-я эскадрилья способна совершать боевые вылеты без перерывов.

Во время своих первых таких вылетов экипажам приходится получать самые трудные уроки, поскольку зенитная оборона везде сильна, и, кроме того, они все еще немного боятся летать на самолетах нового типа: у них нет бортового стрелка, который подстрахует их при атаках противника сзади. Во время первого вылета ФВ-190 лейтенанта Шталера получает попадание в двигатель и тут же идет вниз. Ему удается совершить вынужденную посадку за нашими окопами. В тот день все идет не так. Я уже собираюсь взлететь вместе с лейтенантом М., который также проходит обучение на новой машине, но тут большая группа Ил-2 в сопровождении истребителей пролетает около аэродрома на высоте 600 метров. Стоит холодный декабрьский день, и у меня уходит некоторое время на то, чтобы разогреть двигатель до нормального режима работы. Тем временем «иваны», конечно же, исчезают за горизонтом. Затем до меня доходит, что в течение нескольких особенно холодных дней механики использовали подогревающие устройства, что позволяет нам взлетать

сразу же, без предварительного прогрева двигателей. Работа такого устройства зависит от специально приготовленного топлива. Я делаю знак М. немедленно заправиться и идти вслед за мной. Бомбовый груз для запланированного вылета все еще находится под брюхом наших самолетов. Я не хочу снимать бомбы, поскольку нам еще предстоит выполнить нашу миссию. Возможно, даже с этим грузом мы еще сможем догнать строй «Илов». М. пилотирует низкоскоростной самолет и отстает.

Я постепенно приближаюсь к «Железным Густавам», которые пересекают линию фронта, когда я нахожусь от них еще на расстоянии нескольких сотен метров. Но я упрям и намерен их атаковать, пусть даже и в одиночестве. С моим ФВ-190 я не боюсь русских пилотов на их Ла-5 и Як-9. Внезапно в двигателе раздается треск, из него хлещет масло. Я уже ничего не вижу, масло забрызгало все стекла кабины. В первое мгновение я подумал: наверное, это зенитный снаряд или пулеметная очередь с русского истребителя, но затем понял, что заклинило поршень двигателя. Он не тянет, издает ужасные звуки, может остановиться в любой момент. В следующее мгновение я инстинктивно опускаю нос самолета и иду к нашим позициям. Выброситься с парашютом невозможно, даже не принимая во внимание малую высоту: ведь моя нога все еще в шине. Самолет не сможет подняться выше даже на метр. Отбрасываю фонарь, чтобы иметь возможность смотреть по сторонам и назад. Лечу на высоте 50 метров. Местность внизу не пригодна для вынужденной посадки. Кроме того, надо подойти как можно ближе к своему аэродрому, чтобы после посадки побыстрее вернуться в свою часть. Около меня, совсем близко, промелькнул церковный шпиль; хорошо еще, что он не оказался прямо на моем пути. Впереди вижу дорожную насыпь, пересекающую мой курс под углом. Боюсь, что в любую секунду двигатель заглохнет, но надеюсь, что самолет пройдет над насыпью. Тяну ручку на себя и жду. Удастся машине перескочить через эту насыпь или нет?

Удалось! Вот я касаюсь земли. С треском и скрежетом самолет юзом скользит по замерзшей земле вдоль широкой

канавы и останавливается. Меня больше всего беспокоит нога, но с ней, похоже, все в порядке. Я смотрю на тихий, мирный зимний ландшафт, лишь отдаленные раскаты орудий напоминают мне, что все еще идет война, хотя Рождество уже на пороге. Отстегиваю ремни, бросаю взгляд на дымящийся двигатель и усаживаюсь на фюзеляж. По дороге идет машина с двумя солдатами. Они первым делом внимательно рассматривают меня, желая убедиться, что я не русский, поскольку те чаще падают за нашей линией фронта, нежели мы на их стороне. Солдаты бросают доски через канаву и несут меня к машине. Через час я уже опять на аэродроме и готовлюсь к новому вылету.

Мы расквартированы в казармах в нескольких километрах от аэродрома, в пригороде Варпалоты. На следующий день, в перерыве между вылетами, я лежу в постели, чтобы немного отдохнуть. Слышен рев авиационных моторов: это не немецкие самолеты. В открытое окно я замечаю строй бомбардировщиков «Бостон», летящих на высоте 400 метров. Они идут прямо на нас. Вот с визгом стали падать бомбы. Я моментально оказываюсь на полу, даже со здоровой ногой я не мог бы двигаться быстрее. Тяжелая бомба взрывается в 15 метрах от окна и на куски разносит мой БМВ. Дальман, который в этот момент входит в дверь, чтобы предупредить меня о налете, обнаруживает оконную раму у себя на шее. Он отделяется шоком, но не ранен.

Теперь благодаря нашей поддержке с воздуха в районе Балатона затишье, но восточнее Советы обошли Будапешт и достигли реки Гран к северу от Дуная. Южнее Будапешта они рвутся со своего плацдарма и, взаимодействуя с частями, которые движутся в северо-западном направлении, переходят в наступление. Они идут по восточным склонам севернее Штульвессенбурга, и Будапешт, таким образом, окружен. Мы совершаем боевые вылеты в этом районе и дальше, к востоку. Пытаемся нанести удар по коммуникациям русских в их глубоком тылу, где ходят их грузовые поезда. Во время этих стремительно разворачивающихся событий мы становимся мастерами на все руки: играем роль пикировщиков, штурмовых самолетов, истребителей и самолетов-разведчиков.

Рождество, 1944

Битва за снятие осады Будапешта в самом разгаре. Мы, летный персонал, стоим в Кемемеде, в районе Папы. По прибытии, как только мы начали устраиваться, Фридолин вскидывает голову и спрашивает: «А знаете, парни, что до Рождества всего два дня осталось?» Он прав: так и есть, судя по календарю. Взлет—боевые действия—посадка—взлет—боевые действия—посадка, мы живем в таком ритме день за днем, годами. Все остальное поглотил этот ритм: холод и жару, зиму и лето, рабочие дни недели и выходные. Наши жизни стали несколькими идеями и фразами, которые наполняют наш мозг и не оставляют нас, особенно сейчас, когда война стала борьбой за выживание. Один день следует за другим, сегодня — то же самое, что и вчера. «Взлет!» «Куда?» «Против кого?» «Встреча с эскортом». «Зенитный огонь». Эти слова и мысли одолевают и самого молодого пилота, и командира полка. Сколько еще так будет продолжаться? Неужели вечно?

Итак, послезавтра — Рождество. Фридолин вместе с офицером штаба едет в штаб группы забрать нашу рождественскую почту. Тем временем поздравления в адрес «Бродячего цирка «Иммельман» поступают почти от всех армейских частей. Мы возвращаемся с нашего последнего задания в самый канун Рождества, в пять вечера. Все выглядит веселым и праздничным, почти, как дома. Поскольку у нас нет большого помещения, каждая эскадрилья собирается в самой большой комнате своего штаба. Я обхожу всех по очереди. Каждая часть празднует Рождество по-своему, соответственно вкусам своего командира. Повсюду веселье. Я провожу большую часть времени с офицерами штаба полка. Наша комната украшена ветка-

ми, повсюду горят свечи. Две большие ели и стол перед ними, уставленный подарками, напоминают нам детство. В глазах моих солдат видны ностальгические мечты, их мысли — о женах и детях дома, о родителях и семьях, о прошлом и будущем. Лишь в нашем подсознании мы видим среди зелени немецкий военный флаг. Он возвращает нас к реальности: мы празднуем Рождество на фронте. Мы поем «Тихая ночь, святая ночь» и другие немецкие песни. Хриплые солдатские голоса сплетаются в мягкое созвучие. Затем в наших сердцах происходит великое чудо: мысли о бомбах и целях, снарядах и зенитках смягчаются сверхъестественным ощущением мира, безмятежного и успокаивающего мира. И мы снова думаем о возвышенных и прекрасных вещах с такой же простотой, как об орехах, пунше и конфетах. Последнее эхо любимых немецких песен умолкает. Я говорю несколько слов о нашем немецком Рождестве, хочу, чтобы мои люди видели во мне сегодня своего товарища, а не командира. Мы, счастливые, сидим вместе час или два, затем рождественский вечер заканчивается.

Святой Петр благосклонен к нам в первый день праздников: стоит густой туман. Из телефонных разговоров я уже знаю, что «иван» атакует и мы срочно нужны. Но летать нельзя. На следующее утро у меня короткий хоккейный матч с моими людьми. Это означает, что я, натянув меховые ботинки, стою в воротах, потому что и спустя пять недель после ранения могу лишь кое-как ковылять. На коньках мне кататься еще нельзя. После обеда наши хозяева, у которых мы расквартированы, приглашают меня и несколько других офицеров поохотиться. Я очень мало знаю об обыденной, или «садовой», охоте. В нашем отряде много стрелков, но всего лишь несколько загонщиков. Зайцы, кажется, знают, что судьба в этот раз на их стороне, и, оказавшись в «котле», молниеносно проскакивают через широкие разрывы между нами. Прогулка по глубокому снегу явно не способствует моему быстрому выздоровлению. Мой водитель, ефрейтор Бёме, стоит сбоку. Вижу, как какой-то великолепный экземпляр покидает укрытие и бросается в нашу сторону. Прижимаю при-

клад, поворачиваюсь, как прирожденный охотник, закрываю левый глаз и нажимаю курок. Падает чье-то тело, но не зайца, а Бёме, которого я, охваченный, как и все новички, охотничьим азартом, совершенно не заметил. Судя по всему, он все еще сомневается в моих намерениях, потому что смотрит на меня, лежа в снегу, и говорит укоризненно: «Ну что же вы, герр оберст!» Он вовремя заметил, что я целюсь, и бросился на землю перед самым выстрелом. Дробь миновала его, но и заяц остался невредимым. Я испуган больше, чем обе мои предполагаемые жертвы. Вот был бы настоящий рождественский сюрприз! Еще одно подтверждение любимой поговорки всех летчиков-пикировщиков: «Ничего само собой не получится, если не практиковаться».

На следующее утро устанавливается хорошая погода. «Иван» уже на ногах, он совершает налет на наш аэродром. Вновь бомбежка неприятеля прискорбно плоха, просто позорна. Атаки идут с низкой высоты, мы не несем практически никакого ущерба. Весь второй день после Рождества совершаем боевые вылеты, чтобы помочь нашим наземным силам на северо-востоке, на реке Гран и остальном Будапештском фронте. Наше мирное рождественское настроение развеялось. Нас снова окружает безжалостная война, тихий радостный мир рождественского вечера канул в чистилище вчерашнего дня.

В воздухе и на земле бушуют яростные сражения. На нашей стороне в бой введены свежие подкрепления, это мои старые знакомые — друзья по Восточному фронту, танкисты, которые, как и мы, играют роль «пожарной команды» верховного командования. Наша общая задача — помочь пробиться тем частям, которые попали в окружение под Будапештом, открыть для них коридор для отхода и соединения с остальными силами. Вместе мы вытаскиваем эти каштаны из огня. Год за годом. День за днем. Я воевал во всех секторах Восточного фронта и полагаю, что приобрел значительные познания в области военной тактики. Опыт учит, что только практика ведет к совершенству, практическое знание — единственный критерий того, что возможно и невозможно, хорошо или плохо. Со-

вершая вылеты каждый день, мы должны изучить тщательно каждую канаву, каждую складку земли внизу, потому что мы постоянно летаем на низкой высоте.

На земле царит неразбериха. Некоторые из наших бронетанковых частей разбиты, а панцер-гренадеры брошены в бой как обычные пехотинцы. Танки, которые всегда работали вместе с ними в одной команде, чувствуют себя неуверенно, пехота, назначенная им, не имеет никакого практического опыта совместных боевых действий, и это может закончиться опасными сюрпризами. Не могу понять, как мог быть отдан такой приказ. Более того, трудно вообразить себе худший выбор сектора, выбранного для этого наступления. Здесь много болот и других препятствий, тогда как есть немало более благоприятных альтернатив. Пехота, с другой стороны, должна наступать по ровной, открытой местности, которая идеальна для танков, но на ней слишком мало укрытий. Враг полностью использует свои преимущества, и наша пехота противостоит советским стальным монстрам, оставшись без поддержки танков. Зачем эти напрасные потери? Виновников нужно судить. Кто отдал такие приказы? Мы сидим все вместе вечером и размышляем об этих вопросах.

30 декабря получена радиограмма: я должен немедленно прибыть в Берлин и предстать перед рейхсмаршалом. Я киплю от злости, полагая, что мое присутствие здесь необходимо во время столь трудных операций. Вылетаю в Берлин в тот же день через Вену, полный решимости вернуться к своим товарищам через два или три дня. Приказ есть приказ. Единственный багаж, который я беру с собой, — большой портфель для депеш со сменой белья и туалетными принадлежностями. Ввиду серьезности ситуации я не намерен задерживаться в Берлине надолго.

Не покидает ощущение, что меня вызывают по какому-то малоприятному поводу. Когда я был ранен последний раз, в ноябре, то получил приказ, запрещающий мне летать, но возобновил полеты, как только вышел из госпиталю. До сегодняшнего дня никто об этом не вспоминал, и я постепенно начал истолковывать это как молчаливое согласие. Однако сейчас, похоже, этот вопрос встал

снова, и меня вызывают «на ковер». Лечу в Берлин с большой неохотой, зная, что никогда не подчинюсь такому приказу. Я не могу беззаботно глазеть по сторонам, когда моя страна находится в опасности, ведь мой богатый опыт дает мне преимущество перед теми, кто не получил достаточной подготовки. Успех — плод опыта и соразмерен с ним. Несмотря на то что я был ранен пять раз, несколько из них — серьезно, мне везло: я всегда быстро набирал силы и был способен снова и снова пилотировать самолет, день за днем, год за годом, по всему Восточному фронту — от Белого моря до Москвы, от Астрахани до Кавказа. Я знаю русский фронт вдоль и поперек. Поэтому и чувствую свою обязанность продолжать летать и сражаться до тех пор, пока не смолкнут пушки и свобода нашей страны не будет обеспечена. Я смогу это сделать, потому что здоров физически и натренирован занятиями спортом, моя хорошая форма — наичценнейший источник моих сил.

После короткой остановки у друзей в Вене приземляюсь в Берлине и сразу же о своем прибытии докладываю по телефону в Каринхалле. Я бы предпочел ехать туда немедленно, чтобы вылететь обратно, не теряя времени. Но мне приказывают оставаться в Фюрстенхофе и обратиться в министерство Люфтваффе за пропуском на специальный поезд рейхсмаршала, который отправляется на запад. Моя поездка будет более долгой, чем я ожидал. Кажется, вызов не имеет ничего общего с наложением взыскания.

Следующим вечером мы отправляемся на запад со станции Грюневальд. Это означает, что Новый год я встречу в этом поезде. Пытаюсь не вспоминать о своем подразделении. Как только начинаю о нем думать, у меня темнеет в глазах. Что принесет нам 1945 год?

Мы прибываем в район Франкфурта рано утром 1 января. Я слышу рев самолетов и вглядываюсь в серую предрассветную дымку. Армада истребителей, летящих на низкой высоте, проходит совсем рядом. Моя первая мысль: «Американцы!» Целую вечность я не видел так много наших самолетов в небе одновременно. Просто невероятно: на них на всех немецкая свастика, и это только истреби-

тели — Me-109 или ФВ-190. Они идут на запад. Позже я узнаю об их задании. Вот поезд останавливается. Похоже, мы где-то неподалеку от Нойхейма-Фридберга. Меня уже ждет автомобиль. Миновав лес, мы подъезжаем к зданию, которое напоминает древний замок. Здесь меня приветствует адъютант рейхсмаршала. Он говорит мне, что Геринг еще не прибыл и мне придется его обождать. Он не знает, зачем меня вызвали. У меня нет иного выбора, как щелкнуть каблуками и остаться здесь, в западной штаб-квартире Люфтваффе.

Я отправляюсь на двухчасовую прогулку. Какой в этой холмистой и поросшей лесами местности чудесный воздух! С удовольствием наполняю им легкие. Зачем меня сюда вызвали? Я должен буду вернуться через три часа, когда ожидается прибытие рейхсмаршала. Надеюсь, он не заставит меня долго ждать и примет сразу же. Но когда я возвращаюсь, его еще нет. Кроме меня, прибыл генерал, мой старый товарищ еще по тренировочным полетам на «Штуках» в районе Граца. Генерал рассказывает мне о сегодняшней операции, за планирование и проведение которой он несет основную ответственность; постоянно поступают доклады о широкомасштабных атаках на аэродромы в Бельгии и на севере Франции. «Самолеты, которые вы видели этим утром, принимали участие в атаке на авиабазы союзников. Мы надеемся, что сможем уничтожить там много самолетов, так что превосходство врага в воздухе над районом нашей приостановленной наступательной операции в Арденнах будет нейтрализовано». Говорю генералу, что подобная вещь на Восточном фронте была бы невозможной: расстояние, которое нужно преодолеть над вражеской территорией, слишком велико, а полет на небольшой высоте означал бы огромные потери от огня очень сильной противовоздушной обороны. Если американцам удаются такие атаки над Германией, то только потому, что наши аэродромы недостаточно защищены, мы не можем выделить для этой цели в достаточном количестве людей и военного снаряжения. Генерал говорит мне, что сегодня у всех соединений есть карты с нанесенными маршрутами подхода к вражеским аэродромам.

На востоке мы уже давно не разрабатываем практические действия исходя из теории, а поступаем наоборот. Командир авиационного соединения получает только самое общее задание, а как он будет его выполнять — всецело его дело, так как он несет за него полную ответственность. Сейчас война в воздухе стала столь многообразной, что никто уже не может полагаться на теории, только командиры обладают необходимым опытом, и в критический момент они, вполне вероятно, примут правильное решение. Очень хорошо, что на востоке мы поняли это вовремя, иначе никто из нас уже не летал бы.

Для противника пятью сотнями самолетов на земле больше или меньше — не так уж и важно, пока живы их экипажи. Гораздо лучше использовать истребители, которые так долго накапливали для проведения налетов, над нашим собственным фронтом, чтобы очистить там воздушное пространство. Если бы мы смогли устранить на время кошмар огромного превосходства союзников в воздухе, мы дали бы нашим товарищам на земле хороший шанс вновь почувствовать ветер в парусах. Любое передвижение войск и подвоз припасов за линией фронта могли бы происходить беспрепятственно. Все вражеские самолеты, которые мы поразим, станут в большинстве случаев подлинным уроном для врага, потому что вместе с самолетами погибнут и их экипажи.

Все эти мысли приходят мне на ум. Через несколько часов окончательные результаты операции подтверждают мои опасения. Пятьсот вражеских самолетов уничтожено на земле, не вернулось двести двадцать наших самолетов с их экипажами. Среди погибших — ветераны, командиры соединений, «старики», которых и так осталось мало. Все это печалит меня. Сегодня об операции будет доложено рейхсмаршалу и верховному главнокомандующему как о великой победе. Что это — намеренное введение в заблуждение или чрезмерные личные амбиции?

Входит адъютант и говорит мне: «Только что звонил оберст фон Белов. Он хочет, чтобы вы зашли на чашку кофе». — «Но не могу ли я доложить о себе рейхсмарша-

лу лично?» — «Рейхсмаршал еще не прибыл. Почему бы вам не посетить пока фон Белова?» Какое-то время раздумываю над тем, не нужно ли мне переодеться, но решаю этого не делать, чтобы оставить свою последнюю свежую рубашку для беседы с рейхсмаршалом.

Сравнительно долгий путь через лес ведет нас в городок, состоящий из бараков и сельских жилых домиков, — это западная штаб-квартира фюрера. За кофе я рассказываю фон Белову о последних событиях на русском фронте. Через двадцать минут он покидает меня, но тотчас же возвращается и просит меня следовать за ним. Не подумав ни о чем, прохожу через несколько комнат, затем он открывает дверь, пропускает меня вперед, и я оказываюсь лицом к лицу с фюрером. Все, о чем я сейчас думаю, — я не надел чистую рубашку, больше на ум ничего не приходит. Узнаю других людей, которые стоят вокруг него: рейхсмаршал, который прямо лучится от удовольствия, что случается крайне редко, адмирал Дёниц, фельдмаршал Кейтель, шеф Генштаба генерал-лейтенант Йодль и ряд других знаменитых военачальников, включая генералов с Восточного фронта. Они окружают огромных размеров стол с картой, на которой показано положение дел на фронтах. Они смотрят в мою сторону, и эти взгляды нервируют меня. Фюрер заметил мое смущение и обращается ко мне в полной тишине. Он подает мне руку и превозносит мою последнюю операцию. Говорит, что в знак признания моих заслуг награждает меня высочайшей наградой за храбрость — Золотыми Дубовыми Листьями с Мечами и Бриллиантами к Рыцарскому Кресту — и присваивает мне звание оберста. Я слушаю его слова в изумлении, но когда он говорит с ударением: «Довольно полетов. Ваша жизнь должна быть сохранена для блага германской молодежи и вашего опыта», я в мгновение ока настораживаюсь. Значит, мне придется остаться на земле! Прощайте, мои боевые товарищи! «Мой фюрер, я не могу принять эту награду и повышение в звании, если мне не позволят продолжать летать с моей частью». Моя правая рука все еще в его руке, он все еще смотрит мне в глаза. Левой рукой он подает мне черный, обтянутый

вельветовой тканью футляра, в котором находится моя новая награда. Многочисленные лампы в комнате заставляют бриллианты сверкать всеми цветами радуги. Фюрер смотрит на меня с грустью, затем выражение его лица меняется, он говорит: «Хорошо, продолжайте летать» и улыбается.

В этот момент мое сердце охватывает теплая волна радости, я счастлив. Потом фон Белов говорил мне, что его и генералов чуть было не хватил удар, когда я ставил свои условия. Он уверяет меня, что молния, скользящая по лицу фюрера, не всегда превращается в улыбку. Все меня поздравляют, главнокомандующий Люфтваффе — с особой сердечностью, он сильно щиплет меня за руку просто от удовольствия. Поздравления адмирала Дёница более умеренные, поскольку он добавляет чуть раздражительно: «Я рассматриваю вашу просьбу продолжать полеты, обращенную к фюреру, как не соответствующую долгу солдата. У меня много хороших капитанов подводных лодок, но рано или поздно им всем пришлось бы подчиниться приказам». Хорошо, что он не мой главнокомандующий!

Фюрер ведет меня к столу с картами и говорит, что на совещании только что обсуждалась ситуация в районе Будапешта, а я только что прибыл оттуда, не так ли? Он перечисляет известные ему по докладам причины не вполне удовлетворительного хода операции, которая до сих пор не привела к созданию коридора для связи с осажденным городом. Делаю умозаключение: в качестве объяснения назывались погодные, транспортные и другие трудности, но ни разу не упоминались ошибки, свидетелями которых мы были сами, находясь в воздухе, — разделение бронетанковых дивизий, выбор неподходящей местности для атак танками и пехотой. Я докладываю о своем мнении, основанном на долгом опыте войны на Восточном фронте и на том факте, что во время этой операции я летал в этом секторе по 8 часов ежедневно, в основном на малой высоте. Все слушают меня молча. После короткой паузы фюрер делает замечание, обводя глазами круг своих советников: «Видите, меня вводили в заблуждение, и кто знает как долго».

Он никого персонально не упрекает, хотя и знает подлинные обстоятельства. Но видно, что он возмущен обманом. Показывает на карте, высказывает свое желание, как перегруппировать наши силы для новой попытки снять осаду Будапешта. Спрашивает меня, где, с моей точки зрения, местность более всего благоприятствует атаке бронетанковых частей. Я высказываю свое мнение. Позднее эта операция завершилась успешно, ударная группа подошла к оборонительным линиям защитников Будапешта, и те смогли пробиться из города.

Когда совещание заканчивается, фюрер ведет меня в свой личный кабинет, меблированный с большим вкусом и утилитарной простотой. Если бы мои товарищи находились тут и прожили со мной все эти часы, поскольку я здесь только благодаря их достижениям! Фюрер предлагает мне выпить, мы говорим о разных вещах. Он спрашивает меня о моей жене, сыне, родителях и сестрах. Расспросив самым детальным образом о моих личных делах, начинает говорить о своих идеях, относящихся к перевооружению армии. Вполне естественно, он начинает с Люфтваффе, делая основной упор на предполагаемую модернизацию самолетов, которые мы используем. Спрашивает меня, считаю ли я оправданным продолжать полеты на низкоскоростных Ю-87 сейчас, когда вражеские истребители летают намного быстрее? Ссылаясь на чертежи и некоторые расчеты, он указывает, что убирающиеся шасси способны увеличить скорость Ю-87 самое большое на 50 километров в час, но, с другой стороны, характеристики самолета во время пикирования изменятся самым невыгодным образом. Фюрер спрашивает о моем мнении по каждому пункту. Обсуждает мельчайшие детали из области баллистики, физики и химии с легкостью, которая производит на меня большое впечатление. Говорит также о своем желании начать эксперименты для проверки возможности установки четырех крупнокалиберных пушек в крыльях вместо нынешних двух 37-миллиметровых. Он полагает, что аэродинамические качества нашего противотанкового самолета существенно улучшатся благодаря этим изменениям: в качестве боеприпасов будут исполь-

зоваться те же снаряды с вольфрамовым сердечником, в результате эффективность самолетов, оснащенных таким оружием, наверняка возрастет.

Объяснив мне далеко идущие изменения в других областях, таких, как артиллерия, стрелковое оружие и подводные лодки, и все с той же поразительной осведомленностью, фюрер говорит мне, что он сам написал предварительный текст представления меня к последней награде. Мы беседуем примерно полтора часа, когда ординарец докладывает, что фильм готов к показу. Каждый новый еженедельный выпуск новостей незамедлительно показывают фюреру, который дает разрешение на его демонстрацию по всей Германии. Мы спустились этажом ниже и сели в зрительном зале. Картина начиналась сценой, снятой на летном поле во время стоянки нашего полка в Штульвессенбурге, затем следовал взлет Ю-87, а вот и панорама танков, подбитых мною западнее Будапешта. После просмотра фильма я покинул верховного главнокомандующего. Оберст фон Белов передал мне наградные листы и грамоты, которые хранились в рейхсканцелярии. Каждая из них — весом более килограмма, особенно последние две в массивных золотых рамках.

Я отправился в штаб-квартиру Геринга. Рейхсмаршал выразил свое удовольствие видеть меня, тем более что недавние события сделали его положение весьма затруднительным. Превосходство врага в воздухе усугубило наши неприятности и препятствовало реализации планов. Но как с этим покончить? Он безмерно рад и горд, что один из его людей вдохновил фюрера на учреждение новой германской награды за храбрость. Отведя меня немного в сторону, он говорит мне: «Видите, как мне все завидуют и как радуются ухудшению моих позиций? На совещании фюрер сказал, что учредит новую и уникальную награду для вас, поскольку ваши достижения ни с чем не сравнимы. Правда, представители других родов войск возражали: награждаемый — летчик Люфтваффе, недостатки которых были причиной стольких проблем. Они хотели знать: разве нельзя, по крайней мере теоретически, заработать награду для солдат и других родов войск? Вы видите теперь,

чему мне приходится противостоять». Он говорит, что никогда не поверил бы, что я смогу убедить фюрера изменить его мнение относительно запрета на мои полеты. Сейчас, когда у меня есть разрешение фюрера, он не может запретить мне летать. Просит меня, как он неоднократно делал прежде, принять пост командующего всей фронтовой авиацией. Но вряд ли, приняв во внимание разрешение фюрера на полеты, он всерьез верит, что сможет меня убедить в необходимости этого, по крайней мере сегодня.

После обеда я сажусь в специальный поезд, отправляющийся в Берлин, где меня ждет мой самолет, который доставит меня к моим товарищам на фронт. Я провожу в Берлине лишь несколько часов, но этого достаточно, чтобы привлечь внимание целой толпы любопытных, поскольку о моем награждении уже рассказали пресса и радио. Вечером встречаюсь с Риттером фон Хальтом, в то время главой организации «Немецкий спорт». Он рассказывает мне, как после долгих попыток смог убедить Гитлера, что мне следует возглавить спортивное движение в странах после войны. Когда будут написаны мои военные воспоминания и я передам своему преемнику свой нынешний пост, мне предложат это назначение.

По дороге на фронт я лечу в Гёрлиц, где встречаюсь с семьей, затем вновь поднимаюсь в воздух и беру курс на Будапешт в тот самый день, когда доклады о положении на этом участке фронта становятся особенно тревожными. Ко времени моей посадки полк построен, чтобы заместитель командира эскадрильи мог поздравить меня от имени всей части с моими новыми наградой и званием.

Мы снова поднимаемся в воздух и совершаем боевой вылет в район Будапешта. «Если бы русские зенитчики знали, сколько золота и бриллиантов летит над их головами, — говорит с ухмылкой один механик из наземного персонала, — можно биться об заклад, что они постарались бы и стреляли гораздо лучше».

Спустя несколько дней я получаю сообщение от венгерского лидера Салаша, который приглашает меня в свою штаб-квартиру вблизи Шопрона. Меня сопровождают генерал Фёттерер, командующий венгерскими военно-воздуш-

ными силами, и Фридолин. В благодарность за наши операции против большевиков в Венгрии он награждает меня венгерской высшей военной наградой — медалью «За храбрость». До сих пор ею награждены всего семеро венгров. Я — восьмой ее кавалер и единственный иностранец. Поместье, права на которое присуждаются вместе с наградой, не слишком меня интересует. Я вступлю в права собственника только после войны, и, без всякого сомнения, оно станет местом отдыха для всех летчиков моего полка.

В середине января мы получаем тревожные известия о том, что Советы начали наступление с барановского плацдарма и глубоко проникли в глубь Силезии. Силезия — мой дом. Я прошу немедленного перевода полка на этот участок фронта. До 15 января не поступает никаких определенных приказов, наконец, получено распоряжение перебазировать весь полк, за исключением 1-й эскадрильи, на аэродром в Верхнюю Силезию. У нас не хватает транспортных самолетов, и мы везем первую смену механиков и оружейников на наших Ю-87, чтобы быть готовыми к вылетам сразу же после перебазирования. По пути направляемся в Ольмюце. Когда летим над Веной, командир противотанкового звена сообщает по радио: «Мне придется сесть... двигатель отказывает». Я очень недоволен этим и не столько из-за близких к истине подозрений, что неполадки связаны с фактом проживания его невесты в Вене, сколько потому, что вместе с ним летит дежурный офицер лейтенант Вейсбах. Это означает, что Вейсбах будет отсутствовать, когда мы приземлимся на нашем новом аэродроме, и мне самому придется сидеть на этом проклятом телефоне!

Приближаемся к месту нашего назначения над знакомыми, покрытыми снегом склонами Судет. Кто бы мог подумать, что однажды я буду совершать боевые вылеты в этом районе? Когда мы находились над бескрайними просторами России, в 1700 километрах от дома, и нам в первый раз пришлось отступать, мы шутливо говорили: «Если так будет продолжаться, мы вскоре будем базироваться в Кракове». Мы относились к этому городу как к типичной базе снабжения со всеми удобствами, связанными с горо-

дом такого размера, и обладающей определенной привлекательностью — по крайней мере в течение нескольких дней. Сейчас наша шутка стала реальностью, даже худшей. Краков захвачен русскими и сейчас находится далеко за линией фронта.

Приземляемся в Удетфельде. Мало что узнаю от командира авиационной дивизии, которая здесь расквартирована. Ситуация сложная, связь с большинством наших передовых частей нарушена. Русские танки находятся уже в 40 километрах от Ченстоховы, но полной информации нет. Так бывает почти всегда, когда ситуация выходит из-под контроля. Танковые «пожарные бригады» в этом секторе, 16-я и 17-я танковые дивизии, в данный момент отрезаны, отчаянно сражаются за свою жизнь и не способны прийти на помощь другим дивизиям. Похоже, русские начали широкомасштабное наступление, в течение ночи они пробили оборону 16-й и 17-й танковых дивизий. Соответственно наши атаки с воздуха должны проводиться с большой осторожностью, поскольку не любая часть, находящаяся в глубине русских позиций, является вражеской. Это может быть и наша часть, пытающаяся пробиться назад. Поэтому я приказываю всем пилотам перед атакой удостовериться, летя на малой высоте, что атакуемые ими войска на самом деле являются советскими.

Покидая Венгрию, мы полностью загрузили боеприпасы, но по-прежнему нет никаких следов наших машин-заправщиков.

Бросаю взгляд на указатель запаса топлива: у нас горючего только на один короткий вылет. Через двадцать минут после посадки в Удетфельде мы совершаем первый боевой вылет в этом районе.

Вдали показалась Ченстохова. Обслежую дороги, идущие на восток, по которым, судя по сообщениям, движутся русские танки. Мы летим на малой высоте над городом. Но что это там? По главной улице движется танк, за ним следуют второй и третий. Они похожи на Т-34, но этого не может быть! Это скорее всего танки наших 16-й и 17-й танковых дивизий. Делаю еще один круг. Ошибки нет: это, без сомнения, Т-34 с пехотой, сидящей сверху на броне.

«Иваны»! Это не захваченные у русских танки, которые мы иногда используем, поскольку в этом случае их экипажи стали бы стрелять в воздух из ракетниц или подняли бы на корпусах флаги со свастикой. Мои последние сомнения рассеиваются, когда я вижу, что пехота открывает по нам огонь. Даю приказ атаковать. Мы не должны сбрасывать бомбы на город — всегда есть вероятность того, что внизу окажутся мирные жители, которые, захваченные врасплох, не смогли эвакуироваться из города. Провода высоковольтной линии, высокие дома с антеннами и другие препятствия чрезвычайно затрудняют атаки противотанковых самолетов с малой высоты. Некоторые из Т-34 кружат по городским кварталам, так что легко потерять их из виду во время пикирования. Я расстреливаю три танка в центре города. Они должны были откуда-то появиться. Мы летим на восток, вдоль железной дороги и шоссе. Всего в нескольких километрах за городом другая группа танков катится впереди колонны грузовиков с пехотой, боеприпасами и зенитными орудиями. Здесь, на открытой местности, мы чувствуем себя в своей стихии и преподносим танкам неприятный сюрприз. Уже в сумерках возвращаемся на базу. Восемь танков горят. У нас кончились боеприпасы.

Мы никогда не относились к своей задаче несерьезно, но, возможно, были склонны относиться к охоте на танки, как к разновидности спорта. Однако сейчас я чувствую, что все это перестало быть игрой. Если бы я увидел еще один танк, после того как у меня кончились боеприпасы, я протаранил бы его своим самолетом. Меня охватывает ярость при мысли о том, что эта степная орда катится через самое сердце Европы. Способен ли кто-нибудь снова избавить от них Европу? Сегодня у них могущественные союзники, снабжающие их материалами и открывшие второй фронт. Станет ли однажды поэтизированная справедливость ужасным возмездием?

Мы летаем с рассвета до заката, невзирая на потери и плохую погоду. Мы участвуем в крестовом походе. Молчим между вылетами и по вечерам. Каждый выполняет свой долг, стиснув зубы, готовый отдать, если понадобится, свою жизнь. Офицеры и солдаты осознают, что жизнеутверж-

дающий поток объединяет их в духе товарищества, независимо от ранга и класса. И так было у нас всегда.

В один из этих дней рейхсмаршал срочно вызывает меня в Каринхалле. Мне категорически запрещено летать, это приказ фюрера. Я схожу с ума от бешенства: пропустить целый день полетов и приехать в Берлин, только чтобы узнать об этом! Невыносимо! Я просто не подчинюсь! В этот момент я чувствую, что ответствен только перед собой. Звоню в Берлин с намерением просить рейхсмаршала даровать мне отсрочку до тех пор, пока не окончится кризис. Надеюсь на уступку со стороны фюрера, я должен получить разрешение продолжать летать, не могу же я просто глядеть на все со стороны. Рейхсмаршала нет на месте. Пытаюсь связаться с шефом Генштаба. Там все на совещании с фюрером, и до них не дозвониться. Дело очень срочное, я намереваюсь нажать на все рычаги, прежде чем сознательно не подчиниться приказу. Использую последнее средство — звоню фюреру. Телефонист в штаб-квартире фюрера не понимает меня и, наверное, приходит к заключению, что я хочу соединиться с кем-нибудь из генералов. Когда я повторяю, что хочу говорить с фюрером лично, он спрашивает меня: «Ваше звание?» «Капрал», — отвечаю я. Кто-то на другом конце линии смеется, поняв шутку, и соединяет меня. Трубку берет фон Белов: «Я знаю, чего вы хотите, но умоляю вас не сердить фюрера. Разве вам рейхсмаршал ничего не говорил?» Отвечаю, что именно поэтому и звоню, описываю серьезность нынешней ситуации на фронте. Но это не срабатывает. Мне советуют лично прибыть в Берлин и поговорить с рейхсмаршалом, полагая, что для меня есть новое назначение. Я в такой ярости, что не могу говорить, и вешаю трубку. В комнате стоит гробовая тишина. Все знают, что, когда я в бешенстве, лучше всего дать мне время остыть в тишине.

Завтра мы должны перелетать в Клайн-Эйхе. Я хорошо знаю этот район, здесь неподалеку живет наш «танковый знакомый» — граф Стрехвиц. Лучший способ забыть о своих неприятностях — лететь в Берлин и увидиться с рейхсмаршалом. Он принимает меня в Каринхалле, я поражен его раздражительностью и отсутствием добросер-

дечности. Мы беседуем во время короткой прогулки по лесу. Он тут же открывает огонь из орудий самого крупного калибра: «Я говорил с фюрером о вас на прошлой неделе, и вот что он сказал: «Когда Рудель был здесь, у меня не хватило духу сказать ему, что он должен прекратить летать, я просто не мог ему сказать об этом. Но на что тогда вы, главнокомандующий Люфтваффе? Вы можете ему это сказать, я — нет. Я рад видеть Руделя, но не хочу встречаться с ним снова, пока он не уступит моим пожеланиям». Я цитирую слова фюрера и говорю вам об этом прямо. Нет необходимости и дальше обсуждать этот вопрос. Я знаю наперед все ваши аргументы и возражения!» Ошеломляющий удар для меня.

Я возвращаюсь в Кляйн-Эйхе. Во время полета мой ум занимают события последних часов. Теперь я знаю, что должен игнорировать приказ. Чувствую, что мой долг перед Германией, перед моей страной — бросить на чашу весов весь свой опыт и все силы. Иначе буду считать себя предателем. Буду продолжать летать, независимо от последствий.

В мое отсутствие полк совершает боевой вылет. Лейтенант Вейсбах, который не участвовал в полетах, потому что был нужен мне как оперативный офицер, отправляется на танковую охоту с Людвигом, первоклассным стрелком и обладателем Рыцарского креста. Они не возвращаются с задания, для нас это невосполнимая потеря. В эти дни мы должны отдавать все, что у нас есть, мы не должны щадить себя. Сейчас я в большем напряжении, чем когда-либо, так как все время помню, что не выполнил приказ верховного главнокомандующего. Если что-нибудь случится со мной, мне откажут в военных почестях, и я буду опозорен. Мысль не из приятных, но ничего не могу с собой поделать, нахожусь в воздухе с утра до позднего вечера. Все мои офицеры знают: если кто-то спросит меня, отвечать, что я не на боевом вылете, а просто «куда-то отошел». Индивидуальный счет уничтоженных танков всегда указан в ежедневных отчетах, которые каждый вечер посылают в штаб Люфтваффе с указанием имен летчиков. Поскольку приказ о запрещении летать остается в силе, уничтоженные мною

танки не идут на мой личный счет, а записываются все-му полку. До сих пор в эту категорию относили трофеи только в том случае, если два летчика атаковали одну и ту же цель. Тогда, чтобы избежать ошибок, цифру записывали под рубрикой «Имя летчика точно указать невозможно, победа приписана всему подразделению». Позднее у нас часто возникали споры с командованием, которое обратило внимание, что прежде мы всегда указывали имя летчика. Почему вдруг столько танков появилось в графе совместного счета? Вначале мы отделялись от вопросов, говоря, что теперь, когда кто-нибудь один замечает танк, мы все пикируем на него одновременно. Каждый горит желанием нанести удар.

Однажды во время моего вылета для расследования является шпион в лице офицера Люфтваффе и вытягивает все из моего дежурного офицера, пообещав, что никому ничего не расскажет. Кроме того, один генерал застаёт меня врасплох сразу после вылета на аэродроме в Гротткау, на который мы только что перебазировались. Он не верит моим уверениям, что был всего лишь «короткий испытательный полет». По его словам, это не имеет значения, он «ничего не видел». Тем не менее я вскоре обнаруживаю, что истина дошла до верховного командования. Однажды, уже после визита генерала, я упомянут в военном коммюнике как уничтоживший одиннадцать танков. Одновременно меня по телефону вызывают в Каринхалле. Я лечу туда и встречаю очень холодный прием. Первые слова рейхсмаршала: «Фюреру известно, что вы продолжаете летать. Полагаю, что он узнал об этом из вчерашнего коммюнике. Он просил меня предупредить вас, чтобы вы прекратили полеты немедленно и навсегда. Вы не должны вынуждать его прибегать к дисциплинарным мерам за неисполнение приказа. Более того, он не представляет себе, что так может вести себя человек, награжденный высшей германской наградой за храбрость. Думаю, что мои комментарии излишни». Я выслушиваю его молча. Расспросив меня о ситуации в Силезии, он отпускает меня, и я возвращаюсь в часть в тот же день. Мне ясно: я должен продолжать летать, если хочу сохранять душев-

ное равновесие во время столь трудных испытаний для моей страны. Я должен продолжать летать!

Мы охотимся за танками в промышленном районе Верхней Силезии, где врагу легче маскироваться, а нам труднее его обнаружить. Наши атакующие Ю-87 кружатся над трубами городков. В Кифернштадтеле мы видим нашу артиллерию, которую уже дано не встречали, и помогаем ей ликвидировать численно превосходящие силы Советов и их Т-34.

Постепенно на Одере появляется новый фронт. Создать новый фронт буквально из ничего! На это способен только фельдмаршал Шёрнер! Мы часто видим его теперь, когда он посещает нашу базу, чтобы обсудить со мной ситуацию и возможные операции. Особую ценность для него представляют результаты нашей разведки. В это время докладывают о том, что командир эскадрильи Лау пропал без вести вместе со своим бортстрелком. Он подбит зенитками, совершил вынужденную посадку в районе Грос-Вартенберга и захвачен в плен русскими. После того как ему не удалась попытка приземлиться в стороне от советских войск, ему пришлось садиться в самой их гуще.

Создается фронт и по реке Одер. Я получаю по телефону приказ немедленно перебазировать полк на аэродром Маркиш-Фридлянд в Померании, а 2-ю эскадрилью — во Франкфурт. Ситуация здесь еще более опасная, чем в Силезии. Идет густой снег, который не позволяет нам лететь плотным строем. Поэтому мы взлетаем тройками и направляемся в Маркиш-Фридлянд через Франкфурт. Некоторые из наших самолетов приземляются на промежуточных аэродромах в Загане и Зорау. Погода отвратительная. Во Франкфурте уже ждут моего приземления. Я должен без промедления позвонить на старую базу в Гротткау. Когда меня соединяют, узнаю, что вскоре после моего отлета фельдмаршал Шёрнер приехал повидать меня и поднял большой шум. Стуча кулаком по столу, он спросил, кто отдал мне приказ о перебазировании. Лейтенант Ниерман, мой дежурный офицер, сказал ему, что приказ пришел из штаба Люфтваффе. «Штаб Люфтваффе! Все это ширма! Я хочу знать, кто приказал Руделю лететь.

Позвоните ему во Франкфурт и прикажите ждать там. Я поставлю вопрос перед самим фюрером. Настаиваю, чтобы он оставался здесь! Я что, должен удерживать фронт одной пехотой с винтовками?» Узнаю обо всем по телефону. Если я хочу добраться до Маркиш-Фридланда до наступления темноты, то не должен терять время. Звоню в штаб-квартиру фюрера, чтобы спросить, продолжать мне перелет или вернуться в Силезию. В первом случае фельдмаршал Шёрнер должен отпустить моих людей, удерживаемых им в Гротткау, чтобы у меня был полный комплект людей и снаряжения, когда я прибуду на новое место. Мне говорят, что решение принято: мой полк определенно переводится на север, поскольку ситуация в этом секторе, командующим которым назначен рейхсфюрер СС Гиммлер, более чем серьезна.

Приземляюсь в Маркиш-Фридланде вместе с несколькими первыми самолетами в сильную метель и в полной темноте. Остальная часть полка должна прибыть завтра, 2-я эскадрилья останется во Франкфурте и будет совершать боевые вылеты оттуда. Как только мы находим место для ночлега, я звоню Гиммлеру в Орденсбург-Крессинзее, чтобы доложить о своем прибытии в сектор. Он рад, что я здесь, и очень доволен: он выиграл дуэль с фельдмаршалом Шёрнером. Спрашивает меня, что я сейчас собираюсь делать. Время 11 часов вечера, поэтому я отвечаю: «Иду спать». Мне нужно встать завтра как можно раньше, чтобы составить общее представление о ситуации. Но Гиммлер считает иначе. «А мне не спится», — говорит он. Я отвечаю, что ему не нужно лететь завтра утром, а когда люди летают без перерыва, сон незаменим. После долгой праздной болтовни он сообщает, что посылает за мной машину, чтобы увидеться со мной как можно скорее. Поскольку у меня мало топлива и боеприпасов, информация о новом секторе, которую может мне сообщить его командующий, может по меньшей мере облегчить мне ряд организационных проблем. На пути в Орденсбург мы застреваем в снежных заносах. Попадаю туда только в два часа ночи. Первый, кого я вижу, — начальник штаба, с которым мы долго обсуждаем ситуацию и

общие вопросы. Мне особенно любопытно слышать от него, как Гиммлер приступает к своей новой задаче, видя, что у него не хватает необходимой подготовки и опыта. Начальник его штаба — армейский офицер, а не член СС. Он говорит мне, что работать с Гиммлером — большое удовольствие, потому что он вовсе не самоуверенный человек и не ищет случая показать свою власть. Не считает, что знает больше, чем эксперты его штаба, с готовностью соглашается с их предложениями и затем использует весь свой авторитет, чтобы претворить принятое решение в жизнь. И поэтому все идет гладко. «Только одна вещь вас поразит: у вас всегда будет ощущение, что Гиммлер никогда не говорит того, что думает на самом деле».

Через несколько минут я обсуждаю ситуацию и мою задачу с Гиммлером. Я сразу замечаю его озабоченность. Советы почти обошли Шнайдемюль и рвутся в Восточную Померанию по направлению к Одеру, вдоль долины Нейсе и также севернее и южнее от нее. В этом районе очень мало частей, какие можно назвать боеспособными. В окрестностях Маркиш-Фридланда формируется боевая группа, которая должна сдерживать прорвавшиеся вражеские силы и предотвратить их дальнейшее продвижение к Одеру. Никто не рискнет предсказать, в какой степени наши войска способны пробиться назад, в любом случае они не смогут быстро восстановить свои силы. Разведка оставляет желать лучшего, и поэтому нет полного представления об их положении. Это, следовательно, будет одной из наших первых задач. Кроме того, мы должны атаковать противника во всех пунктах, которых он уже достиг, в особенности его механизированные и бронетанковые силы. Выясняю потребности в бомбах, горючем и боеприпасах. Если они не будут удовлетворены, уже через несколько дней я не смогу выполнять боевые действия. Гиммлер обещает мне в своих собственных интересах, что мои запросы будут удовлетворяться в первую очередь. Объясняю ему, как я вижу возможное использование моего соединения, основывая свою точку зрения на той картине, которую он мне нарисовал.

Я покидаю Орденсбург в 4.30 утра, зная, что через два часа буду уже летать над сектором. «Штуки» летают весь

день без перерывов. Наши самолеты украшены эмблемой Германского рыцарского ордена, потому что сейчас, как и шесть столетий назад, мы вовлечены в битву с Востоком. Устанавливается очень холодная погода, снежный покров на аэродроме уже толщиной 5 сантиметров. Когда мы взлетаем, эта снежная пыль забивается в механизмы пушек на наших противотанковых самолетах и замерзает, как только мы поднимаемся в воздух. После одного-двух выстрелов орудия заклинивает. Я не могу этого вынести! Когда подо мною русские бронированные колонны наступают на Германию и мы заходим на атаку, даже преодолевая очень сильную противовоздушную оборону, что происходит? Наши пушки молчат. Некоторые пилоты в отчаянии уже подумывают о том, чтобы пикировать и врезаться в танки. Мы заходим еще и еще раз, но безрезультатно. Это случается с нами во многих местах. Т-34 рвутся на запад. Иногда, для того чтобы взорвать танк, нужен всего один выстрел, но далеко не всегда.

Сколько дней потеряно, пока я, наконец, получаю достаточное число людей для очистки взлетной полосы от снега. Огромное количество русских танков заставляет шевелиться волосы на голове. Мы летаем во все концы. Если бы световой день был в три раза длиннее, и этого слишком мало. Взаимодействие с нашей истребительной эскадрильей выше всяких похвал, там реагируют на каждый наш разведывательный отчет: «Передовые отряды противника в такой-то или такой-то точке». В совместной операции к востоку от Дойч-Кроны и в лесах к югу от Шлоппе мы смогли нанести Советам существенные потери. Когда танки оказываются в селении, они обычно въезжают прямо в дома и пытаются там укрыться. После этого их можно заметить только по длинному шесту, который торчит из середины дома, — это не что иное, как танковая пушка. В стене дома образуется пролом, и, поскольку маловероятно, что в нем все еще живут немцы, мы заходим сзади и стреляем в двигатель. Никакие другие методы атаки не помогают. Танки загораются и взрываются вместе с развалинами домов. Если кто из экипажа и остается в живых, то иногда пытается въехать на горящем

танке в новое укрытие. Но исход борьбы уже предрешен, поскольку в этот момент можно нанести удар в любую уязвимую часть танка. Я никогда не сбрасываю на селения бомбы, даже если это оправданно с военной точки зрения. Меня бросает в дрожь при одной мысли о том, что я могу попасть в немецких жителей, которые и так уже беззащитны перед террором русских.

Ужасная вещь — летать и сражаться над нашими собственными домами, тем более когда видишь, как массы людей и военной техники врываются в твою страну, подобно наводнению. Сейчас мы играем роль плотины, небольшого препятствия, но не способны остановить прилив. Германия, вся Европа сейчас на кону в этой дьявольской игре. Бесценные военные силы истекают кровью, последний бастион мира разрушается под натиском красной Азии. Вечером нас изводит эта мысль больше, нежели непрерывные полеты в течение дня. Нежелание мириться с роком и уверенность в том, что «это не должно случиться», заставляют нас двигаться. Не могу упрекнуть себя в том, что не сделал все, от меня зависящее: страшный призрак поражения уже виден. Я знаю, что каждый достойный молодой немец думает так же, как и я.

Южнее нашего сектора ситуация выглядит очень тревожной. Франкфурт-на-Одере находится под угрозой. Поэтому ночью мы получаем приказ выдвинуться в район Фюрстенвальде, который находится ближе к критическому сектору. Через несколько часов уже вылетаем в операционный район Франкфурт—Кюстрин. Клинья советских наступающих частей достигли Одера в предместье Франкфурта. Кюстрин окружен. Враг, не теряя времени, захватывает плацдарм в Гёритц-Рейтвейне на западном берегу замерзшей реки.

Однажды, как и прусский кавалерийский генерал Цейтен триста лет назад, мы принимаем участие в битве восточнее Франкфурта, на месте исторического сражения. Здесь небольшие немецкие силы окружены советскими танками. Мы атакуем их. Танки, которые не загорелись, пытаются уйти на открытой местности. Мы заходим на атаку снова и снова. Наши товарищи на земле прыгают от

радости, бросают в воздух свои ружья, каски и, уже не заботясь об укрытии, преследуют отходящих русских. Наш огонь выводит из строя все танки до одного. Среди всех, кто был свидетелем нашего успеха, царит радостное настроение. После того как все танки были уничтожены или захвачены, я приготавливаю контейнер и пишу поздравление нашим товарищам от имени полка и от своего имени. Я кружу на очень малой высоте и бросаю контейнер с запиской и плиткой шоколада прямо им под ноги. Вид их счастливых, благодарных лиц укрепляет нас и в преддверии трудных операций вдохновляет на новые упорные попытки облегчить борьбу наших товарищей по оружию.

К несчастью, первые дни февраля очень холодные, Одер во многих местах замерз настолько, что русские могут переходить через реку. Они кладут на лед доски, и я вижу, как по ним едут грузовики. Лед не кажется мне достаточно крепким, чтобы выдержать вес танков. Поскольку фронт на Одере еще не установился и в его линии много брешей, в которых нет ни одного немецкого солдата, способного противостоять наступлению, Советам удастся захватить несколько плацдармов, например в Рейтвейне. Наши танковые войска, которые были введены в бой слишком поздно, наталкиваются здесь на сильную вражескую оборону на западном берегу, подкрепленную тяжелой артиллерией. Переправы через реку с самого первого дня защищены сильным зенитным огнем.

«Иван» хорошо информирован о нашем присутствии в этом секторе. Каждый день мне приказывают уничтожить переправы, чтобы остановить наступление врага и выиграть время для подхода наших подкреплений и боевой техники. Я сообщаю, что в данный момент это почти бесполезно, потому что через Одер можно перейти практически в любом месте. Бомбы пробивают лед, оставляя лишь небольшие полыньи, и это все, чего мы можем добиться. Я атакую только распознаваемые цели на обеих сторонах реки или пересекающий ее транспорт, а не так называемые мосты, которых, строго говоря, здесь вообще нет. То, что на аэроснимке выглядит как мост, обычно оказывается следами пехоты и колеями автомашин, а также

досками, уложенными на лед. Если мы бомбим эти следы, «иван» просто переходит по льду в стороне от них. Это становится ясным для меня в первый же день, так как я летаю над ними бесчисленное количество раз, и, кроме того, эти переправы не являются для меня чем-то новым: я знаю их по Дону, Донцу, Днестру и другим русским рекам. Поэтому, не обращая внимание на приказы, я концентрирую атаки на настоящих целях на обоих берегах реки: танках, автомашинах и артиллерии.

Однажды появляется генерал, присланный из Берлина, и говорит мне, что на снимках, сделанных с самолетов-разведчиков, всегда появляются новые мосты. «Но, — говорит он, — вы не докладывали, что эти мосты не разрушены. Вы должны продолжать их атаковать». «В общем-то, — объясняю я ему, — это вовсе не мосты». Я вижу, что его лицо превращается в вопросительный знак, и мне на ум приходит одна идея. Говорю, что я уже собирался подняться в воздух, и приглашаю его лететь со мной — обещаю, что предоставлю доказательства. Он мгновение колеблется, затем, видя любопытные взгляды моих молодых офицеров, которые слышали мое предложение не без ликования, соглашается. Приказываю подразделению атаковать плацдарм, а сам приближаюсь к цели на предельно малой высоте от Шведта к Франфурту-на-Одере. В некоторых местах мы наталкиваемся на внушающий уважение зенитный огонь, и генерал вскоре признает, что те мосты и на самом деле являются мнимыми. После посадки он очень доволен, что смог убедиться лично, и делает соответствующий доклад начальству. Мы освобождены от нашей ежедневной обязанности атаковать эти «мосты».

Однажды вечером рейхсминистр Шпеер привозит мне новое задание от фюрера. Я должен разработать план для его выполнения. Поясняет: «Фюрер планирует атаки на плотины гидроэлектростанций, снабжающих энергией военную промышленность Урала. Он ожидает, что производство вражеского вооружения, в особенности танков, будет остановлено на год. Этот год даст нам шанс воспользоваться передышкой. Вам предстоит организовать эту операцию, но ни в коем случае вы не должны летать сами,

фюрер повторил это несколько раз». Я обратил внимание министра на то, что есть более подходящие кандидатуры для выполнения этой задачи — из командования авиацией дальнего действия, которые знакомы с такими вещами, как астрономическая навигация и прочим, гораздо лучше меня, получившего подготовку в бомбометании с пикирования и поэтому обладающего совершенно иными знаниями и опытом. Более того, если я должен ставить задачу экипажам и пребывать при этом в нормальном состоянии, то должен иметь разрешение летать самому. «Фюрер хочет, чтобы именно вы руководили этой операцией», — возражает Шпеер.

Я задаю несколько важнейших технических вопросов, относящихся к типу самолета и бомб, с помощью которых должна быть выполнена операция. Если это нужно сделать как можно быстрее, всерьез можно рассматривать только Хе-177, хотя и с ним не совсем все ясно. С моей точки зрения, единственной бомбой для такой цели является нечто вроде торпеды, но ее еще необходимо испытать в действии. Я отказываюсь от предложения Шпеера использовать 1000-килограммовые бомбы, поскольку уверен, что с их помощью нельзя достичь успеха. Показываю ему снимки, сделанные в северном секторе Восточного фронта: тогда я сбросил две такие бомбы на бетонные опоры моста через Неву, и он не обрушился. Проблема, таким образом, должна быть решена, как и вопрос о моем участии в этой миссии. Вот мои условия, если фюрер настаивает на том, чтобы я взялся за эту задачу. Он уже знает мои возражения: мой опыт относится к совсем иной области.

Я получаю досье со снимками заводов и с интересом их изучаю. Многие заводы находятся под землей и практически неуязвимы с воздуха. На снимках, которые были сделаны во время войны, — сама плотина, гидроэлектростанция и некоторые фабричные здания. Как появились эти снимки? Я вспоминаю мое пребывание в Крыму и складываю два и два. Когда мы стояли в Сарабузе и поддерживали себя в форме, занимаясь подъемом тяжестей и метанием диска после вылетов, на аэродроме часто приземлялся самолет, выкрашенный черной краской. Из него выходили

необычные пассажиры. Однажды член экипажа сказал мне по секрету, что происходило. Этот самолет привез русских священников из свободолюбивых государств Кавказа, которые вызвались выполнить важные задания немецкого командования. Одетый в рясу, с развевающейся бородой, каждый из них нес на груди небольшой пакет либо с фотокамерой, либо со взрывчаткой — в зависимости от задания. Эти священники считали немецкую победу единственным шансом вновь обрести независимость своей страны, а вместе с ней и свободу своей религии. Они были фанатичными врагами большевистского мира и поэтому нашими союзниками. До сих пор они стоят у меня перед глазами: люди с белыми бородами и благородными чертами лиц, как будто вырезанных из дерева. Из глубины России они доставляли снимки, месяцами находясь в дороге и возвращаясь после завершения задания. Если кто-то из них исчезал, то скорее всего погибал ради свободы либо в результате неудачного вынужденного прыжка с парашютом во время выполнения задания или на обратном пути за линию фронта. На меня произвел большое впечатление рассказ моего собеседника о том, как эти священнослужители без колебаний прыгали в ночь, вдохновленные верой в величие своей миссии. Когда мы сражались на Кавказе, их сбрасывали на парашютах в горные долины, где жили их родственники, с помощью которых они намеревались организовать сопротивление и совершать диверсионные акты.

Все это вспомнилось мне, когда я раздумывал над тем, откуда появились снимки этих заводов.

После нескольких общих замечаний об общем ходе войны, в которых Шпеер выразил свою твердую уверенность в фюрере, он уехал рано утром, пообещав мне прислать новые детали, касающиеся уральских планов. Но до конца дело так и не дошло, потому что события 9 февраля сделали мое участие в этой операции невозможным. Значит, задача разработки плана была доверена кому-то еще. Но затем в лихорадке событий на последнем этапе войны и сам план потерял какое-либо практическое значение.

Последние месяцы смертельной борьбы

Рано утром 9 февраля в штабе раздается телефонный звонок. Из Франкфурта сообщают, что прошлой ночью русские навели переправу через Одер у селения Лебус, к северу от города, и при поддержке танков удерживают плацдарм на западном берегу реки. Ситуация более чем критическая, поблизости нет пехоты, чтобы их атаковать, и нет никакой возможности доставить туда тяжелую артиллерию, которая могла бы остановить противника. Таким образом, ничто не сдерживает советские танки, они готовы начать марш на столицу или по крайней мере перерезать железную дорогу и автомобильное шоссе Франкфурт—Берлин, которые являются жизненно важными для снабжения фронта на Одере.

Мы летим туда, чтобы выяснить, насколько правдива эта информация.

Издали уже вижу понтонный мост, и задолго до того, как мы достигаем его, по нам открывают огонь зенитные орудия. Русские приготовили нам нечто вроде закуски! Одна из моих эскадрилий атакует мост, расположенный прямо по льду. У нас нет больших надежд на то, что мы добьемся чего-нибудь существенного. Мы знаем по опыту: «иваны» располагают таким количеством строительных материалов, что могут восстановить мост почти мгновенно. Я лечу низко над землей вместе с противотанковыми самолетами и ищу танки на западном берегу реки. Уже могу разглядеть их следы, но не вижу самих стальных монстров. Быть может, то были следы от артиллерийских тягачей? Я снижаюсь и вижу танки, хорошо замаскированные в складках речной долины, на северном краю Лебуса. Я уверен в этом. Здесь

их, вероятно, штук двенадцать или пятнадцать. Что-то ударяет в крыло — попадание из легкой зенитной пушки. Держусь низко над землей. Отовсюду стреляют зенитки, речную переправу защищают примерно шесть или восемь зенитных батарей. Зенитчики похоже давно играют в эти игры и приобрели большой опыт в борьбе со «Штуками». Они не дают очередей, мы не видим тянувшихся к нам нитей с нанизанными красными бусинками. Понимаешь, что они открыли огонь, только когда самолет вдруг резко вздрагивает от удара. Как только мы набираем высоту, они тут же перестают стрелять, и наши бомбардировщики не видят, кого надо атаковать. Только если летишь очень низко над целью, можно увидеть, как из ствола орудия вырывается пламя, похожее на огонь факела.

Размышляю, что и как делать. Нет никакой возможности подойти к цели скрытно — в плоской речной долине такая тактика невозможна. Здесь нет ни высоких зданий, ни деревьев. Делаю вывод, что только опыт и тактические навыки могут помочь, даже если нарушены все основные правила. Ответ: решительная атака и надежда на удачу. Если бы я всегда был таким же авантюристом, то уже десятки раз мог бы лечь в могилу. Но рядом нет наших войск, мы находимся в 80 километрах от столицы Рейха, на опасно малом расстоянии, когда к ней рвутся вражеские танки. Для длительных размышлений времени уже не остается. «На этот раз тебе придется положиться на удачу, — говорю я себе. — Пошел!» Приказываю другим пилотам держаться на той же высоте. Среди них несколько новичков, и пока нельзя ожидать, что они нанесут большой ущерб противнику при такой обороне. Скорее всего мы сами понесем неоправданно высокие потери. Когда я спущусь ниже и как только станут видны вспышки зенитных орудий, они должны сконцентрировать огонь своих пушек на зенитках. Всегда есть шанс, что это смутит «иванов» и повлияет на точность их стрельбы. Здесь несколько танков ИС, остальные — Т-34. После того как четыре танка загорелись и у меня кончились боеприпасы, мы летим назад.

Говоря о своих наблюдениях, я подчеркиваю тот факт, что атаковал, лишь принимая в расчет близость Берлина, иначе такая тактика была бы неоправданной. Если бы мы удерживали фронт подальше к востоку, я подождал бы более благоприятной ситуации или по крайней мере того момента, когда танки выйдут из зоны защиты своих зенитных установок, сосредоточенных вокруг моста.

После двух вылетов я меняю самолет, потому что мой получил повреждения от зенитного огня. В четвертый раз я лечу назад, и вот уже пылают все двенадцать танков. Я лечу на бреющем над танком ИС, который извергает дым, но пока не загорается. Перед атакой я поднимаюсь на высоту 800 метров, здесь зениткам труднее меня достать. Отсюда я пикирую почти отвесно, отчаянно бросая машину из стороны в сторону. Когда я уже недалеко от танка, выравниваю машину в момент выстрела, затем ухожу в сторону над самим танком, пока не смогу набрать высоту снова вне досягаемости зенитками. Мне, конечно же, необходимо заходить на цель помедленнее, когда мой самолет лучше управляется, но это было бы самоубийством. Только благодаря своему опыту и сомнамбулической уверенности в себе я выравниваю машину в доли секунды и поражаю танк в его наиболее уязвимых местах. Конечно, такие атаки моим коллегам не под силу — у них нет достаточного опыта.

Кровь бешено пульсирует в голове. Я знаю, что играю в кошки-мышки с судьбой, но этот ИС должен быть подожжен. Вновь на высоту 800 метров и вниз — на 60-тонного левиафана. Он опять не загорается! Меня душит ярость. Он должен загореться и будет гореть! На панельной доске мигает красный индикатор. Вдобавок еще и это! У одной из пушек заклинило затвор, в другой остался только один снаряд. Я снова набираю высоту. Не сумасшествие ли рисковать всем ради одного-единственного выстрела?

На раз мой Ю-87 поднимается на 800 метров гораздо дольше, чем обычно, поскольку сейчас я начинаю взве-

шивать все «за» и «против». Одно мое «Я» говорит: «Если этот тринадцатый танк до сих пор не загорелся, не воображай, что ты сможешь добить его одним снарядом. Лети домой и пополни боеприпасы, ты потом всегда сможешь их найти». На это мое второе «Я» отвечает с горячностью: «Возможно, не хватает всего одного снаряда, чтобы помешать этому танку свободно мчаться по Германии». Мчаться по Германии! Звучит, как в мелодраме. Гораздо больше русских танков помчатся по Германии, если ты плохо выполнишь свою работу. Не строй иллюзий. Только сумасшедший спустится так низко ради одного выстрела. Это чистое безумие! Сейчас ты скажешь, что не смог ничего сделать только потому, что это был тринадцатый танк. Какая чушь — все эти суеверия! У тебя остался всего один снаряд, так что брось эту нерешительность и приступай к делу!»

И вот я уже иду вниз с высоты 800 метров. «Сосредоточься на полете, бросай самолет из стороны в сторону, вновь орудия плюют в тебя огнем». Вот я выравниваю машину... огонь... танк вспыхивает! С ликованием в сердце проношусь над горящим танком. Поднимаюсь вверх по спирали... треск в двигателе, ногу пронзает вдруг раскаленный стальной клинок. У меня чернеет перед глазами, перехватывает дыхание. «Но я должен продолжать полет... полет... я не должен потерять сознание. Сожми зубы, ты должен побороть свою слабость». Спазмы боли проходят по всему телу.

«Эрнст, мне ногу оторвало». — «Нет, если бы оторвало, ты не мог бы говорить. У нас левое крыло горит. Тебе нужно садиться, в нас попали два зенитных снаряда». Пугающая темнота завлакивает глаза, я больше ничего не вижу. «Скажи мне, где приземлиться. Потом вытаскивай меня побыстрей, чтобы я не сгорел заживо».

Я ничего больше не вижу, пилотирую, повинуюсь только инстинкту. Смутно припоминаю, что начинал каждую атаку с юга и потом поворачивал влево. Таким образом, я, должно быть, лечу на запад, по направлению к дому. Так продолжается несколько минут. Не понимаю, почему крыло до сих пор еще не отвалилось.

На самом деле я лечу на северо-запад, почти параллельно русскому фронту. «На себя!» — кричит Гадерман по внутренней связи, и я чувствую, что медленно погружаюсь в какой-то туман... приятное забытие. «Ручку на себя!» — кричит снова Гадерман. Что это было, деревья или телефонные провода? Я ничего не чувствую и тяну ручку на себя только потому, что так велит Гадерман. Если бы только прекратилась эта жгущая боль в ноге... и этот полет... если бы я только мог позволить себе погрузиться в этот странный серый мир и в даль, которая манит меня...

«Тяни!» Вновь автоматически налегаю на ручку, но сейчас на мгновение Гадерман меня действительно разбудил. Надо что-то сделать. «Что внизу?» — «Плохо — кочкарник».

Но я должен идти вниз, иначе на меня снова навалится эта опасная апатия, и я потеряю контроль над своим телом. Нажимаю на левую педаль и кричу в агонии. Но ведь я ранен в правую ногу? Поднимаю нос самолета вверх. Только бы не спарашютировали. Самолет горит... Раздается глухой удар, самолет скользит еще несколько мгновений. Теперь я могу отдохнуть, соскользнуть в серую даль... чудесно!

Сумасшедшая боль рывком возвращает меня из забытия. Кто-то тащит меня? Какая земля здесь неровная... Вот все и кончено. Наконец-то я погружаюсь в объятия тишины.

Я прихожу в себя, все вокруг меня белого цвета... внимательные лица... едкий запах... я лежу на операционном столе. Внезапно меня охватывает паника: где моя нога, ее нет? Хирург кивает. Спуск с горы на новеньких лыжах... прыжки в воду... атлетика... прыжки с шестом... что все это теперь для меня? Сколько друзей были ранены гораздо серьезней? Помнишь... одного в госпитале, в Днепропетровске, его лицо и обе руки были оторваны взрывом мины? Потеря ноги, руки, головы — все это не имеет никакого значения, если только жертва может спасти родину от смертельной опасности... это не катастрофа, единственная катастрофа в том, что я

не смогу летать неделями... и это в такой критической ситуации!

Эти мысли проносятся в моем мозгу, и хирург говорит мне мягко: «Я не мог ничего поделывать. Кроме нескольких остатков плоти и волокон там ничего не было, поэтому ногу пришлось ампутировать». Если там ничего не было, думаю я про себя с мрачным юмором, что же он тогда ампутировал? Конечно же, для него это в порядке вещей, обычное дело. «Но почему другая нога в гипсе?» — спрашивает он с изумлением. «С прошлого ноября. Где я нахожусь?» — «В главном полевом госпитале войск СС в Зеелове». — «О, в Зеелове! Это в семи километрах от линии фронта. Так что я, очевидно, летел на северо-запад, а не на запад». — «Вас принесли сюда эсэсовцы, и один из наших офицеров-медиков сделал операцию. У вас на совести еще один раненый», — добавляет он с улыбкой. «Я что, хирурга укусил?» — «Ну, до этого вы не дошли, — говорит он, качая головой. — Нет, вы никого не кусали, но лейтенант Корал попытался приземлиться на «Шторже» рядом с тем местом, где вы совершили вынужденную посадку. Но это, должно быть, было слишком сложным, его самолет спарашютировал... и сейчас у него голова перевязана!» Добрый старый Корал! Похоже, даже когда я летел без сознания, у меня было несколько ангелов-хранителей!

Тем временем рейхсмаршал послал своего личного доктора с инструкциями доставить меня немедленно в госпиталь, который размещался в бомбонепробиваемом бункере на территории Зоо, берлинского зоопарка. Но хирург, который меня оперировал, не хочет и слушать об этом, так как я потерял слишком много крови. Завтра все будет в порядке.

Врач рейхсмаршала говорит мне, что Геринг уже сообщил об инциденте фюреру. Гитлер, сказал он, был очень рад, что я отделался сравнительно легко. «Конечно, если цыплята хотят быть умнее курицы», — сказал он, как мне передали. Я успокоился: он не упоминал о том, что мне запрещено летать. Полагаю, что ввиду отчаянной борьбы и общей ситуации в последние

несколько недель мое участие в боевых действиях было воспринято, как само собой разумеющееся.

На следующий день я переведен в бункер Зоо, который служит также платформой для самых тяжелых зенитных орудий, участвующих в защите столицы и гражданского населения от налетов. На второй день на тумбочке у моей кровати появляется телефон — я могу связываться со своей частью по поводу боевых операций, общей ситуации и прочего. Знаю, что долго не пролежу в кровати, не хочу терять и должность. Поэтому обязан оставаться в курсе всех деталей и участвовать в делах части, пусть даже с помощью телефона. Доктора и медсестры, проявляющие обо мне трогательную заботу, в этом отношении недовольны своим новым пациентом. Они продолжают говорить что-то об «отдыхе».

Почти каждый день меня навещают коллеги из части или другие люди. Некоторые из них просто называют себя моими друзьями, чтобы проложить себе путь в мою палату. Если это хорошенькие девушки, они широко открывают глаза и вопросительно поднимают брови, когда видят мою жену, сидящую у постели.

Со мной уже заводили разговор о протезе, хотя им еще неизвестно, в какой степени я поправился. Я нетерпелив и хочу встать как можно быстрее. Ко мне подходит мастер по изготовлению протезов. Прошу его сделать мне временный протез, с которым я мог бы летать, даже если культия еще не зажила. Несколько первоклассных фирм отказываются на том основании, что это пока преждевременно.

Один мастер принимает заказ, но только в порядке эксперимента. Он принимается за дело столь энергично, что у меня начинает кружиться голова. Он накладывает гипс до самого паха, не смазав кожу и не приспособив защитный колпачок. Дав гипсу засохнуть, советует лаконично: «Думайте о чем-нибудь приятном!». Когда он снимает гипс, то тянет его изо всех сил, вырывая с корнем присохшие к гипсу волосы. От боли мне кажется, что наступил конец света. Этот парень явно ошибся

с выбором профессии, ему следовало бы подковывать лошадей.

Моя 3-я эскадрилья и штаб полка тем временем переместились в Гёрлиц, в тот самый городок, где я ходил в школу. Дом моих родителей находится совсем рядом. Сейчас русские пробиваются сюда, советские танки мчатся по тем местам, где прошло мое детство. Можно сойти с ума от одной только мысли об этом. Моя семья, как и миллионы других, давно уже стали беженцами, не способными ничего спасти, кроме своих жизней. А я лежу, обреченный на бездействие. Чем я заслужил такое?

Цветы и всевозможные подарки, которые каждый день приносят в мою палату, — доказательство любви народа к своим солдатам. Кроме рейхсмаршала, меня дважды навещает министр пропаганды Геббельс, с которым я не был прежде знаком. Он интересуется моим мнением о стратегической ситуации на востоке. «Фронт на Одере, — говорю я ему, — наш последний шанс задержать Советы. Вместе с ним падет и столица». Но он сравнивает Берлин с Ленинградом. Указывает на то, что этот город не пал, потому что его жители превратили в крепость каждый дом. То, что смогли сделать жители Ленинграда, смогут сделать и берлинцы. Его идея заключается в том, чтобы достичь высочайшей степени организованности в защите домов путем установки радиопередатчиков в каждом здании. Он убежден, что «его берлинцы» предпочтут смерть перспективе пасть жертвами красных орд. Насколько серьезно он был настроен, докажет впоследствии его собственный конец. «С военной точки зрения я вижу это иначе, — отвечаю я. — Как только после падения фронта на Одере начнется битва за Берлин, удержать город, полагаю, будет абсолютно невозможно. К тому же сравнивать эти два города нельзя. Ленинград имел преимущество: он защищен на западе Финским заливом, а на востоке Ладожским озером. К северу от него был один лишь слабый Финский фронт. Единственный шанс захватить его — с юга, но с этой стороны Ленинград был сильно укреплен, и

его защитники сумели воспользоваться отличной системой заранее подготовленных позиций. Кроме того, не удалось полностью перерезать линии снабжения города. Грузовые катера могли пересекать Ладожское озеро летом, а зимой русские проложили железнодорожный путь по льду и снабжали город с севера». Мои аргументы для Геббельса неубедительны.

Через две недели я уже могу вставать на короткое время и наслаждаться свежим воздухом. Во время воздушных налетов я нахожусь на крыше бетонной башни Зоо, где установлены зенитные орудия, и вижу снизу то, что, вероятно, весьма неприятно для находящихся в воздухе. Я не скучаю. Фридолин приносит мне бумаги, которые требуют моей подписи, иногда его сопровождают мои коллеги. Фельдмаршал Грайм, Скорцени или Ханна Рейч заглядывают поболтать со мной часок. Событие за событием, а я нахожусь в стороне от них! Попав в бункер Зоо, я «клятвенно» пообещал, что встану на ноги не позднее чем через шесть недель и буду летать. Доктора знают, что их запреты бесполезны и могут лишь рассердить меня. В начале марта выхожу гулять на свежий воздух в первый раз — на костылях.

Во время моего выздоровления меня приглашает к себе домой одна из медсестер. И вот я — гость министра иностранных дел. Настоящий солдат редко становится хорошим дипломатом, и эта встреча с Риббентропом весьма меня интригует. Это возможность для беседы, которая прольет свет на другую сторону войны, ведущейся без применения оружия. Он хочет знать мое мнение о силах, противостоящих друг другу на Восточном фронте, и о нашем военном потенциале в данный момент. Я говорю ему, что мы, фронтовики, надеемся, что он сделает необходимое по дипломатическим каналам для ослабления той мертвой хватки, с которой сцепились обе стороны. «Разве нельзя продемонстрировать западным державам, что большевизм — их самый страшный враг, что после окончательной победы над Германией он будет представлять для них такую же угрозу, как и для нас, что одни они не смогут он него

избавиться?» Риббентроп воспринимает мои замечания как мягкий личный упрек. Без сомнения, я лишь повторяю то, что ему уже приходилось выслушивать много раз от других. Он тут же объясняет мне, что уже предпринял ряд попыток, которые закончились неудачей. Каждый раз новое отступление на одном или на другом участке фронта вскоре после начала переговоров побуждало врага продолжать войну. Он упоминает эти случаи и говорит с укором, что договоры, которые он заключил перед войной, среди других — с Англией и Россией, были немалым достижением, если не триумфом. Но никто больше о них не вспоминает, сегодня люди видят только негативные аспекты, ответственность за которые он не несет. Естественно, даже сейчас переговоры продолжаются, но в нынешней ситуации шансы на успех, на который он все-таки еще надеется, выглядят проблематичными. Я заглянул за дипломатические кулисы, чтобы удовлетворить свое любопытство, и уже не горю желанием узнать что-то еще.

В середине марта, в весеннем солнечном сиянии, я совершаю первую прогулку по зоопарку в сопровождении медсестры, и во время первой же экскурсии со мной случается небольшое происшествие. Мы, как и многие другие, очарованы обезьянами в клетке. Меня особенно занимает большая обезьяна, лениво сидящая с совершенно безразличным видом на суку, с которого свисает ее длинный хвост. Конечно, я не могу удержаться от того, чего делать не следовало бы: просовываю свой костыль сквозь прутья с намерением пощекотать обезьяне хвост. Не успел я его коснуться, как она хватается вдруг за мой костыль и пытается втащить меня в клетку. Я подскакиваю на одной ноге к самим прутьям, но, конечно же, зверь не может втащить меня сквозь них. Сестра Эдельгарда хватается за меня, и мы вместе тянем костыль к себе. Человек против обезьяны! Ее лапы начинают скользить по гладкой поверхности костыля и доходят до резинового колпачка на самом конце, который предохраняет его от углубления в землю или скольжения при ходьбе. Резиновый колпачок возбуждает ее

любопытство, обезьяна обнюхивает его, стаскивает с костыля и глотает с широкой ухмылкой. Теперь я могу вытащить костыль из клетки, по крайней мере частично одерживая победу в этом поединке. Через несколько секунд раздается вой сирен, предупреждающих о воздушном налете. Быстрая ходьба по песчаным дорожкам Зоо заставляет меня вспотеть, потому что без резиновых колпачков костыли глубоко увязают в песке. Все вокруг торопятся и суетятся, я уже не могу воспользоваться их помощью и продолжаю ковылять, сильно хромя. Мы едва успеваем добраться до бункера, как начинают падать первые бомбы.

Приближается Пасха. Я хочу вернуться в часть до нее. Мой полк сейчас базируется в районе Гросенхайна в Саксонии, 1-я эскадрилья опять перелетела из Венгрии в район Вены и по-прежнему остается на Юго-Восточном фронте. Гадерман находится в Брауншвейге все время, пока меня нет, так что может заниматься лечением больных. Звоню ему, чтобы сказать, что приказываю Ю-87 забрать меня в Темпельхофе, в конце недели я намереваюсь вернуться в часть. Поскольку незадолго до этого Гадерман говорил с моим лечащим врачом, он не может до конца в это поверить. Кроме того, он и сам болен. Я уже не встречу с ним во время войны, на тех последних операциях, которые сейчас должны начаться. Место моего бортстрелка занимает Ниерман — у него достаточный боевой опыт, он носит Рыцарский крест.

Повинуясь приказу доложить о себе фюреру перед отъездом, я прощаюсь с ним в бункере. Он снова и снова говорит о том, что доволен моим относительно гладким выздоровлением. Не запрещает мне летать, вероятно, потому, что сама мысль о моих новых боевых вылетах просто не приходит ему в голову.

И вот я снова сижу в своем самолете, первый раз за последние шесть недель. Лечу к своим боевым товарищам. Канун Пасхи, я счастлив. Незадолго до взлета звонил Фридолин, просил меня лететь прямо в Судеты, он собирается переместить часть в Куммер-ам-Зее. Пона-

чалу чувствую себя не совсем уверенно в самолете, но вскоре я уже опять в своей стихии. Управление затруднено тем, что я использую только одну педаль, не могу нажимать на правую педаль, потому что мой протез еще не готов. Свою культю в гипсе вытягиваю под приборной панелью, чтобы не задеть за что-нибудь. Через полтора часа я приземляюсь на новом аэродроме в Куммере. Полк прибыл сюда на час раньше меня.

Наш аэродром расположен в великолепном месте, между двумя отрогами Судетских гор, и со всех сторон окружен лесами. Рядом находится живописное карстовое озеро Куммер. Пока не решена проблема с расквартированием, мы ночуем в гостиничном номере. Здесь, в Судетах, все еще царит атмосфера мира и спокойствия. Враг находится за горами, этот фронт удерживают войска под командованием фельдмаршала Шёрнера, так что невозмутимое спокойствие здесь не столь уж и абсурдно. Ближе к одиннадцати часам мы слышим высокие голоса детского хора, который исполняет «Gott grusse dich». Местная школа во главе с директрисой встречает нас серенадой. Это пение — нечто новое для нас, видавших виды ветеранов. Оно затрагивает струны, о которых сейчас, на этой стадии войны, нам вскоре придется забыть. Мы слушаем завороченно, каждый из нас погружен в свои мысли. Эти дети, конечно же, верят в нашу способность отразить надвигающуюся опасность со всеми сопутствующими ей ужасами. Я благодарю их за очаровательную встречу и приглашаю посетить наш аэродром утром, посмотреть на наших «птичек». Они появляются на следующий день, и я начинаю процедуру со взлета в своем противотанковом самолете и стрельбы по мишени площадью в треть квадратного метра. Дети стоят полукругом, представляя себе атаку на вражеский танк. Это хорошая разминка для меня — попробовать попасть в него с одной ногой.

Противоположный склон Судетских гор все еще закрыт туманом. Поскольку мы не можем совершить боевой вылет, у меня есть немного свободного времени. Я поднимаю в воздух «Фокке-Вульф-190» и демонстрирую

воздушную акробатику на большой и малой высоте. Этот гений — гауптман Катшнер, мой офицер-инженер, — уже переделал ножные тормоза, незаменимые для этого высокоскоростного самолета, таким образом, что ими можно управлять при помощи рук. Когда я иду на посадку, все жестикулируют и указывают на небо. Я оглядываюсь и через просветы в рваных облаках вижу американские самолеты, кружащие вверху. Они летят на высоте полтора-два километра над слоем тумана. Меня они не видели, иначе мне не удалось бы приземлиться спокойно. Самолеты несут бомбы и похоже заняты поисками цели — вероятнее всего, нашего аэродрома.

Быстро, в той степени, в какой это слово применимо к одноному человеку в гипсе, иду к тому месту, где стоят остальные. Им всем надо срочно где-то укрыться. Заталкиваю детей в погреб, где их по крайней мере не заденут осколки. На аэродроме только один дом, который мы используем в качестве штаба. Он наверняка станет целью для тех парней, которые кружат там, вверху. Я вхожу последним, чтобы успокоить детей. В этот момент падают первые бомбы, одна — около здания. Взрыв вырывает оконные рамы и сносит крышу. Наша противовоздушная оборона слишком слаба, чтобы отбить этот налет, но оказывается достаточной для предотвращения атак с малой высоты. К счастью, никто из детей не пострадал. Я очень огорчен: их светлые, романтические мысли об авиации столь жестоко столкнулись с мрачной реальностью. Вскоре дети успокаиваются, учительница выстраивает маленький отряд и ведет его по направлению к деревне. Ниерман доволен и лучится от счастья, потому что смог заснять всю атаку на киноплёнку. Во время всего этого «представления» он стоял в щели, снимая падающие бомбы от момента их отделения от самолетов до взрывов и фонтанов земли, которые они поднимали в воздух.

Последние метеорологические отчеты из района Гёрлиц—Баутцен предсказывают постепенное улучшение погоды, поэтому мы взлетаем. Советы уже обошли Гёрлиц и рвутся за Баутцен, который окружен вместе с

гарнизонам, к Дрездену. Против их ударных клиньев, пытающихся вызвать коллапс фронта, удерживаемого войсками фельдмаршала Шёрнера, идут постоянные контратаки. При нашей поддержке Баутцен разблокирован, нам удастся уничтожить большое количество автомашин и танков. Эти вылеты изматывают меня, я потерял много крови, и, по всей видимости, моя неисчерпаемая выносливость тоже имеет свои пределы. Наши успехи разделяют наземные войска и истребители, переданные под мое командование и расквартированные на нашем аэродроме.

В начале апреля меня вызывают в рейхсканцелярию. Фюрер говорит мне, что я должен принять командование всеми реактивными самолетами и с их помощью очистить воздушное пространство над новой армией генерала Венка, которая сейчас формируется в районе Гамбурга. Первой целью этой армии будет удар в направлении Граца, чтобы перерезать линии снабжения союзных армий, находящихся восточнее. Успех этой операции зависит от предварительной расчистки воздушного пространства над нашими собственными линиями снабжения, иначе наступление обречено на неудачу. Фюрер убежден в этом, и генерал Венк, назначенный командующим этой операцией, согласен с ним. Я прошу фюрера освободить меня от этого задания, поскольку считаю, что сейчас я незаменим в секторе фельдмаршала Шёрнера, его армия вовлечена в тяжелейшее оборонительное сражение. Я прошу назначить на этот пост кого-нибудь другого, кому он ближе. Указываю на то, что мой опыт ограничен бомбардировкой с пикирования и борьбой с танками, что я всегда следовал одному принципу: никогда не отдавал приказы, которые не смог бы выполнить сам. С реактивными самолетами я не могу так делать и, следовательно, чувствовал бы себя неловко перед командирами групп и экипажами. Я всегда обязан показывать дорогу моим подчиненным.

«Вам вообще не придется летать самому, будете заниматься только организацией. Если кто-либо поставит под сомнение вашу храбрость, потому что вы находи-

тесь на земле, скажите мне, и я прикажу этого человека повесить». Да, радикальная мера, но, возможно, он хочет лишь рассеять мои сомнения. «У нас много людей с опытом, но одного опыта мало. Я должен поручить дело тому, кто может организовать и провести эту операцию самым энергичным образом».

Окончательное решение в тот день так и не было принято. Я лечу назад, но через несколько дней рейхсмаршал снова вызывает меня к себе. Он приказывает мне выполнить поставленную задачу. Между тем ситуация на фронте настолько ухудшилась, что Германии угрожает разделение на две части, и проведение всей этой операции вряд ли стало возможным. По этой причине и по другим соображениям, о которых уже говорил, я отказываюсь. Как дает мне понять рейхсмаршал, это не удивляет его, поскольку он знает о моем твердом решении не брать на себя командование бомбардировочной авиацией. Тем не менее главный мотив моего отказа заключается в том, что я не могу взять на себя ответственность за дело, в выполнении которого сомневаюсь. Вскоре я убеждаюсь в том, в каких мрачных красках видит ситуацию рейхсмаршал. Мы обсуждаем положение на фронте, склонившись над столом с разложенными на нем картами, и он бормочет про себя: «Я гадаю, когда мы должны поджечь этот сарай». Он имеет в виду Каринхалле. Советует мне отправиться в штаб-квартиру фюрера и лично проинформировать его о моем отказе. Однако, не получив до сих пор никакого приказа, я сразу же вылетаю в свою часть, где меня с нетерпением ждут.

Но это не последний мой полет в Берлин. 19 апреля приходит радиограмма: меня снова вызывают в рейхсканцелярию.

Добраться в Берлин из Чехии в самолете без эскорта уже не так просто: во многих местах русский и американский фронты подошли очень близко друг к другу. В воздухе множество самолетов, но среди них нет ни одного немецкого. Я прибываю в рейхсканцелярию, меня приглашают пройти в приемную в бункере фюрера. Здесь царит атмосфера спокойствия и уверенности, присут-

ствуют в основном армейские офицеры, которые принимают участие в текущих боевых операциях или в их планировании. Снаружи слышны тяжелые удары 1000-килограммовых бомб, которые «Москито» сбрасывают в центре города.

Верховный главнокомандующий появляется вечером, около 11 часов. Я предвидел предмет беседы — мое назначение, которое обсуждалось ранее. Отличительная черта фюрера — ходит вокруг да около и никогда не говорит прямо о деле. И в этот вечер он начинает с получасовой лекции, объясняющей решающее значение развития техники, в котором мы всегда опережали мир, преимущество, которое сейчас мы должны использовать до предела, переломить ситуацию и добиться победы. Фюрер говорит мне, что весь мир боится немецкой науки и техники, показывает мне некоторые донесения разведки, где описаны шаги, предпринятые союзниками, которые крадут наши технические достижения и наших ученых. Слушая его, я каждый раз поражаюсь его памяти на цифры и знанию технической специфики. Я налетал уже больше шести тысяч часов и с моим обширным практическим опытом знаю почти все о самолетах различных типов, о которых он говорит. Однако нет ничего, о чем он не мог бы распространяться с неповторимой простотой или делать уместные предложения по модификации. За последние три или четыре месяца его физическое состояние ухудшилось. Его глаза ярко блестят. Фон Белов говорит мне, что за последние восемь недель Гитлер практически не спал, одно совещание сменяется другим. Его руки дрожат, это у него с попытки покушения на его жизнь 20 июля. Во время долгого обсуждения в тот вечер я замечаю, кроме того, что он склонен повторять одно и то же, чего раньше никогда не делал, хотя его слова хорошо продуманны и полны решимости.

Когда длинная преамбула закончена, фюрер подходит к главной теме. Я о ней уже наслышан. Он перечисляет причины, о которых мне было сообщено несколько дней назад, и делает заключение: «Я хочу, чтобы

эту трудную задачу взяли на себя вы, единственный человек, который носит высшую награду Германии за храбрость». Я отказываюсь, приводя те же самые или схожие аргументы, как и в прошлый раз. Особенно подчеркиваю, что ситуация на фронте ухудшилась, что встреча Восточного и Западного фронтов в центре страны — вопрос лишь времени, после этого двум частям Рейха придется оперировать отдельно. Только северный «котел» можно рассматривать с точки зрения выполнения задачи, и именно здесь надо сконцентрировать все наши реактивные самолеты. Оказывается, число пригодных к полетам реактивных самолетов, бомбардировщиков и истребителей на сегодняшний день составляет 180 машин. На фронте мы долгое время ощущали, что враг имеет подавляющее численное превосходство — двадцать к одному. Принимая в расчет, что реактивный самолет нуждается в особо длинной взлетной полосе, можно начать с рассмотрения лишь ограниченного числа аэродромов в северном «котле». Я указываю на то, что, как только мы соберем наши самолеты на этих базах, вражеские бомбардировщики будут бомбить их день и ночь. В чисто техническом аспекте их операционная эффективность сведется к нулю через несколько дней, в этом случае контролировать воздушное пространство над армией Венка не удастся, и катастрофа будет неизбежной, так как армия потеряет стратегическую мобильность. Я знаю из личной беседы с генералом Венком, что его армия считает мою гарантию свободного воздушного пространства фактором надежности и учитывает его во всех своих расчетах. И на этот раз я не могу взять на себя ответственность и упорно отказываюсь.

Снова убеждаюсь: любой человек, которого Гитлер считает бескорыстно служащим интересам общего дела, имеет право свободно выражать свою точку зрения, чтобы заставить фюрера пересмотреть свою позицию. С другой стороны, Гитлер теряет доверие к тем людям, которые постоянно его разочаровывали и вводили в заблуждение. Он не соглашается с моей теорией «двух кот-

лов», поскольку не верит, что она способна предсказать, как развернутся события дальше. Он основывает свое мнение на твердом обещании, которое ему дали командующие секторами: они не отступят с занимаемых сейчас позиций по Эльбе, Одру, Нейсе и Судетским горам. Я говорю, что доверяю немецкому солдату, проявляющему сейчас величайшую храбрость, поскольку он сражается на своей земле. Но если русские соберут все свои силы для концентрированного удара в одном ключевом пункте, они смогут пробить брешь в наших позициях, и два фронта соединятся. Я напоминаю о случаях на Восточном фронте в прошлые годы, когда русские бросали в бой танк за танком. Если три бронетанковые дивизии не могли достичь цели, они бросали еще десять, захватывая наши позиции ценой огромных потерь в людях и боевой технике. Ничто не могло остановить их. Вопрос, следовательно, заключался в том, истощатся ли их колоссальные людские резервы, прежде чем Германия будет вынуждена встать на колени, или нет. Этого не произошло, поскольку помощь, получаемая ими с запада, была велика. С чисто военной точки зрения всякий раз, когда мы уступали наши позиции в России и Советы несли тяжелые потери, это было нашей победой. Хотя противник и высмеивал такие победы, мы знали, что они были настоящими. Но на этот раз победоносное отступление было бы бесполезным, поскольку русские вплотную приблизились бы к позициям своих союзников. Их западные союзники возложили на себя печальную ответственность — возможно, и на грядущие столетия: ослабляя Германию, они дают дополнительную силу России.

В конце нашей беседы я сказал фюреру: «С моей точки зрения сейчас войну нельзя завершить победой на обоих фронтах, но еще можно выиграть на одном фронте, если мы сможем заключить перемирие на другом». По его лицу проскользнула усталая улыбка: «Вам легко так говорить. Начиная с 1943 года я много раз пытался заключить мир, но союзники не желали этого; с самого начала войны они требовали от меня безоговорочной ка-

питуляции. Моя личная судьба, естественно, не имеет никакого значения, но каждый человек в здравом уме видит, что я не могу избрать безоговорочную капитуляцию для немецкого народа. Переговоры идут даже сейчас, но я оставил все надежды на их успешное завершение. Следовательно, мы должны сделать все, для того чтобы преодолеть этот кризис, чтобы оружие еще смогло принести нам победу». После обмена мнениями о положении армии Шёрнера Гитлер сказал мне, что намеревается подождать несколько дней: надо посмотреть, как будут развиваться события: как предвидел он или окажутся оправданными мои опасения. В первом случае он вызовет меня в Берлин, чтобы я принял, наконец, новое назначение. В час ночи я покидаю бункер фюрера. Первые посетители уже ждут в приемной своей очереди поздравить его с днем рождения.

Рано утром я возвращаюсь в Куммер. Летим на малой высоте, чтобы избежать американских самолетов, которые вскоре показываются в воздухе и начинают кружить сверху. Находиться в воздухе, задаваясь все время вопросом «Заметили меня или нет?», — занятие, которое держит меня в большем напряжении, нежели боевой вылет. Не удивительно, что мы с Ниерманом буквально вспотели от напряжения. Мы радуемся, когда приземляемся, наконец, на нашей базе.

Небольшое снижение давления на наши позиции к западу от Гёрлица связано с нашими дневными операциями, в ходе которых мы смогли нанести русским большие потери. Однажды вечером после боевых вылетов я еду в Гёрлиц, мой родной город, который оказался в зоне боев. Здесь я встречаюсь со многими друзьями моей юности. Они все заняты делами, не последняя среди их обязанностей — участие в фольксштурме. Мы не высказываем мысли, которые у всех на уме. У каждого из нас свой груз проблем, горестей и тяжелых утрат, но сейчас мы видим перед собой только угрозу с востока. Женщины делают работу мужчин, роя танковые ловушки, и откладывают в сторону лопаты только для того,

чтобы накормить голодных детей; старики забыли о своем возрасте и работают, пока с бровей не начинает капать пот. Решимость написана и на лицах девушек, они знают, что для них припасли красные орды, рвущиеся на запад. Люди сражаются, чтобы выжить! Если бы западные нации могли своими глазами видеть, что происходит в эти судьбоносные дни, и понять их значение, они вскоре изменили бы свое легкомысленное отношение к большевизму.

В Куммере стоит только 2-я эскадрилья, штаб-квартира полка размещается в нимесской школе, некоторые из нас живут в домах местных жителей, подавляющее большинство из которых — немцы. Они делают все возможное, чтобы исполнить любое наше желание. Добраться до аэродрома не всегда легко, кто-то из пассажиров любого автомобиля всегда следит за небом, чтобы предупредить о появлении вражеских самолетов. Русские и американские самолеты рыскают на низкой высоте весь день напролет, нередко вступая в бой друг с другом.

Когда мы поднимаемся в воздух, «ами» ждут нас в засаде с одной стороны, а русские — с другой. Наши старые Ю-87 в сравнении с вражескими самолетами ползут, как улитки, и, когда мы приближаемся к цели, наши нервы уже напряжены до предела из-за постоянных воздушных боев. Если мы атакуем, воздух гудит от роя врагов; когда мы идем домой, нам снова приходится прокладывать путь сквозь кольцо вражеских самолетов, прежде чем мы сможем приземлиться. Наши зенитки, прикрывающие аэродром, буквально расчищают нам путь для захода на посадку. Американские истребители не атакуют нас, если видят, что мы направляемся к линии фронта, и вступают в воздушные бои с «иванами». Обычно мы взлетаем с куммерского аэродрома рано утром силами четырех или пяти противотанковых самолетов. Нас сопровождают двенадцать—четырнадцать истребителей ФВ-190, несущих бомбы и в то же время играющих роль прикрытия. Враг ждет нашего появления, чтобы наброситься на много превосходящими силами. Очень редко,

если есть запас горючего, мы способны проводить общие операции всеми подразделениями, которые находятся под моей командой, но и в этом случае противник превосходит нас: пять к одному! Так что действительно хлеб наш насущный заработан потом и слезами.

25 апреля я получаю еще одну радиограмму из штаб-квартиры фюрера, отправленную, видимо, в состоянии смятения. Практически ничего нельзя разобрать, но я догадываюсь, что меня снова вызывают в Берлин. Звоню в штаб Люфтваффе и докладываю: я вызван в Берлин и прошу разрешения вылететь туда. Коммодор отказывается дать свое согласие. Согласно армейскому бюллетеню, бои идут около темпельхофского аэродрома, и он не знает, остался ли еще какой аэродром, не захваченный противником. Он говорит: «Если вас собьют над территорией, занятой русскими, мне отрубят голову за то, что я позволил вам лететь». Говорит, что попытается связаться с полковником фон Беловым по радио и запросит точный текст сообщения, а также выяснит, где именно я могу приземлиться, если еще смогу это сделать. В течение нескольких дней я ничего не слышу об этом деле, затем в 11 вечера 27 апреля коммодор звонит мне и сообщает, что ему, наконец, удалось связаться с Берлином и что я должен лететь туда немедленно на Хе-111. Приземлюсь на широкой магистрали, пересекающей Берлин, у Бранденбургских ворот и монумента Победы. Меня будет сопровождать Ниерман.

Взлет на Хе-111 в ночное время — вовсе не простое дело. По периметру аэродрома нет огней, нет вообще какого-либо освещения. Кроме того, летное поле небольшое по размерам, а с одной стороны к нему подходят вплотную довольно высокие холмы. Для того чтобы взлететь, нам приходится сливать горючее из баков, чтобы уменьшить вес самолета. Естественно, тем меньше времени мы можем находиться в воздухе.

Мы взлетаем в час ночи в кромешной тьме. Летим над Судетскими горами в северо-западном направлении, в зону идущих боев. Местность под нами освещена пожарами, горят селения и города, вся Германия пы-

лает. Мы понимаем, что не можем предотвратить этот ужас, но лучше об этом не думать. На окраинах Берлина советские прожектора и зенитки уже нацелены на нас. Трудно ориентироваться, поскольку город окутан густым дымом. В некоторых местах огонь бушует так, что ослепляет. На земле не разглядеть никаких ориентиров, приходится какое-то время смотреть в темноту, прежде чем снова становишься способным что-то видеть. Но даже тогда я не могу найти нужную мне городскую магистраль. Одно пожарище за другим, вспышки орудий — кошмарное зрелище. Моему радисту удается связаться с землей, нам приказано ждать. Через 15 минут от фон Белова поступает сообщение, что посадка невозможна, так как дорога находится под сильным артиллерийским обстрелом и Советы уже захватили Потсдамерплац. Мне велено лететь в Рехлин и оттуда позвонить в Берлин для получения дальнейших приказаний.

У моего радиста есть частота этой радиостанции, мы торопимся вызвать Рехлин, потому что наши баки почти пусты. Под нами бушует океан пламени. Это может означать, что русские ворвались в город и с другой стороны, в районе Нойруппина, и для бегства на запад открыт лишь узкий коридор. На мою просьбу включить огни Рехлин отвечает отказом: там бояться, что тут же навлекут на себя ночную атаку вражеских самолетов. Я читаю им открытым текстом инструкцию о нашей посадке, добавив от себя несколько не особенно вежливых замечаний. Ситуация нравится мне все меньше и меньше, так как горячее может кончиться в любой момент. Вдруг справа от нас загораются огни, обозначая контуры какого-то аэродрома. Мы приземляемся. Но где мы? Это Виттстокк, тридцать километров от Рехлина. Виттстокк слушал наш разговор с Рехлином и решил включить свои огни.

Через час, в три утра, я прибываю в Рехлин, диспетчерская которого оборудована радиосвязью. С ее помощью мне удастся связаться с Берлином. Полковник фон Белов говорит, что мне уже не нужно следовать в

Берлин, поскольку предназначавшееся мне место занял фельдмаршал Риттер фон Грайм, с которым удалось связаться вовремя. Более того, он говорит, что в Берлине уже невозможно приземлиться. Отвечаю: «Утром я сяду на «Штуке» на этой магистрали. Думаю: на более легком самолете это еще можно сделать. Кроме того, мне кажется важным вывезти фюрера из этого опасного места, чтобы он не потерял контроль над ситуацией в целом». Фон Белов просит меня не вешать трубку, пока он не наведет справки. Он возвращается к телефону и говорит: «Фюрер принял окончательное решение. Он убежден, что Берлин необходимо удерживать до последнего, поэтому и не может оставить столицу, где ситуация уже критическая. Если он покинет город, войска, удерживающие его, будут уверены, что Берлин брошен на произвол судьбы, и сделают вывод, что любое сопротивление окажется бесполезным. Поэтому фюрер намерен оставаться в городе. Вам не следует пытаться проникнуть в город, вы должны немедленно возвращаться в Судеты, чтобы обеспечить поддержку армии фельдмаршала Шёрнера, которому приказано нанести удар в направлении Берлина». Я спрашиваю полковника, что он думает о ситуации. Он отвечает, как всегда, спокойно и без эмоций: «Наше положение не кажется слишком хорошим, но наступление генерала Венка или Шёрнера еще может спасти Берлин». Я восхищаюсь его хладнокровием. Теперь я знаю, что мне делать, и возвращаюсь в свою часть, чтобы продолжать боевые действия.

Шокирующее известие о том, что глава государства и верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами Рейха мертв, оказывает на войска ошеломляющий эффект. Но орды красных опустошают нашу страну, поэтому мы должны продолжать сражаться. Мы лишь тогда сложим оружие, когда такой приказ отдадут наши руководители. Это наш долг согласно присяге, это наш долг ввиду ужасного рока, который угрожает нам, если мы сдадимся безоговорочно, как на том настаивает враг. Это наш долг перед судьбой, которая разместила нас

географически в самом сердце Европы, и чему мы следовали столетиями: быть бастионом Европы против Востока. Понимает Европа или нет ту роль, которую судьба возложила на нас, относится она к нам с фатальным безразличием или с враждебностью — все это ни на йоту не изменяет наш долг перед ней. Мы убеждены, что сможем высоко держать головы, когда будет написана история нашего континента и в особенности тех тревожных времен, которые еще впереди.

Восточный и Западный фронты подходят все ближе и ближе друг к другу, нам все труднее вести боевые операции. Можно лишь восхищаться дисциплиной моих людей — она осталось точно такой же, как в первый день войны. Я горжусь ими. Самое суровое наказание для моих офицеров, как это было всегда, — запрет на вылет вместе с остальными на боевое задание. У меня проблемы с моей культей. Механики сконструировали для меня оригинальное устройство, похожее на чертово копыто, с ним я и летаю. Оно прикреплено под коленом. Всякий раз, когда я давлю на него, скажем, когда мне нужно нажать на правую педаль, я натираю нижнюю часть культи, которая только начала затягиваться, так, что на коже образуются язвы. Рана открывается вновь и начинает сильно кровоточить. В воздушном бою, когда мне нужно резко развернуться вправо, культя особенно стесняет мои движения. Иногда после вылета мой механик вынужден вытирать кровь, которой забрызгана вся кабина.

Мне снова везет в первые дни мая. Я отправляюсь на встречу с фельдмаршалом Шёрнером, но хочу заглянуть по дороге в штаб-квартиру Люфтваффе в замке Германштадтель, примерно в семидесяти пяти километрах от нас. Я лечу туда на «Шторхе». Замок окружен высокими деревьями, в центре находится парк, на территории которого я могу, как мне кажется, приземлиться. Со мной в самолете верный Фридолин. Посадка проходит благополучно. Короткая остановка, мы берем несколько карт и вновь взлетаем. «Шторх» медленно набирает скорость. Чтобы облегчить взлет, выпускаю

закрылки прямо перед опушкой леса. Но самолет не может подняться над высокими деревьями. Я тяну ручку на себя, но нужной скорости нет. Тянуть дальше бесполезно, нос самолета словно налит тяжестью. Слышу какой-то ужасающий треск: я окончательно разбил культу, если не хуже. Затем все вдруг стихает. Я лежу на земле? Нет, сижу в кабине, рядом со мной Фридолин. Мы застряли между ветвями на самой верхушке огромного дерева, раскачиваемся взад и вперед, дерево шатается. Наверное, удар был слишком сильным. Боюсь, что «Шторх» сыграет с нами еще одну шутку и перевернется вверх колесами. Фридолин придвигается ближе и спрашивает с тревогой: «Что происходит?». «Не шевелись, — говорю я, — или мы и все, что осталось от «Шторха», рухнем вниз». Хвост и куски крыльев отвалились и лежат на земле. Я все еще держу в руках ручку, культура не пострадала. Повезло! Мы не можем слезть с дерева, оно очень высокое и с гладкой корой. Ждем. Спустя некоторое время на сцене появляется генерал: он слышал треск и сейчас видит нас, сидящих на дереве; доволен, что мы отделались так легко. Поскольку нет никакого иного способа вернуть нас на землю, он посылает за местной пожарной командой. Та помогает нам спуститься вниз по длинной раздвижной лестнице.

Русские обошли Дрезден и пытаются с севера достигнуть границ протектората и выйти во фланг армии Шёрнера. Главные советские силы находятся в районе Фрайберга и к юго-востоку от него. Во время нашего последнего вылета мы видим длинную колонну беженцев, которых настигли советские танки. Они мчатся прямо через людской поток, как асфальтовые катки, сокрушая все на своем пути. Мы тут же атакуем танки и уничтожаем их. Колонна продолжает свой путь на юг. По всей видимости, беженцы надеются укрыться за Судетскими горами, где, как они думают, будут в безопасности.

В том же районе мы атакуем еще одну колонну советских танков. Но здесь они под защитой зенитного огня, похожего на торнадо. После выстрела в танк ИС поднимаюсь на высоту 200 метров. Осмотревшись, заме-

чаю позади град обломков. Они падают откуда-то сверху. Спрашиваю: «Ниерман, кого из наших только что сбили?» Это кажется мне единственным объяснением, Ниерман думает так же. Он торопливо считает самолеты, но все на месте. Значит, никого не сбили. Я гляжу на танк и вижу только черное пятно. Уж не танк ли взорвался с такой силой, что его осколки оказались на такой высоте?

Потом экипажи, которые летели за мной, подтвердили, что взорвался именно тот танк — я видел его падающие вниз обломки. Вероятно, в нем была взрывчатка, и его задача заключалась в том, чтобы расчищать путь другим танкам.

Глава 18

Конец

7 мая для обсуждения плана, только что разработанного верховным командованием, в штабе группы армий Шёрнера проходит совещание офицеров Люфтваффе. Предложено постепенно отступить всем Восточным фронтом, сектор за сектором, пока он не станет параллельным Западному фронту. Мы чувствуем, что вскоре будут приняты очень печальные для всех решения. Увидит ли Запад, даже сейчас, свою возможность выступить против Востока или он так и не сможет разобраться в ситуации?

8 мая мы вылетаем на поиски вражеских танков в окрестностях Оберлейтенсдорфа. Первый раз за всю войну никак не могу сконцентрироваться на задании, меня душит неопишное чувство горечи. Я так и не сумел уничтожить ни одного танка, они все еще находятся в горах, где мы не можем их достать. Поглощенный своими мыслями, поворачиваю назад.

Мы приземляемся и идем в диспетчерскую. Фридолина нет. Мне говорят, что он вызван в штаб группы. Значит ли это, что... Одним рывком сбрасываю с себя свою депрессию. «Ниерман, звоните в эскадрилью в Рейхенберге и скажите им о новой атаке, договоритесь о месте и времени встречи с эскортом». Я изучаю ситуационную карту... Что теперь можно предпринять? Куда запропал Фридолин? Вижу, как в стороне садится «Шторх» — это он. Броситься ему навстречу? Нет, лучше ждать здесь... похоже, слишком жарко для этого времени года... позавчера двое наших людей попали в засаду и были расстреляны чехами в гражданской одежде.. Почему Фридолина так долго нет? Слышу, как дверь открывается и кто-то входит. Я заставляю себя не оборачиваться. Кто-то приглушенно кашляет.

Ниерман все еще продолжает говорить по телефону... значит, это не Фридолин. Ниерман никак не может пробиться... смешно... Замечаю, что сегодня мой мозг воспринимает каждую деталь очень остро, все эти маленькие глупые частности, не имеющие ни малейшего значения.

Я оборачиваюсь кругом, дверь открывается... Фридолин. Его лицо осунулось, мы обмениваемся взглядами, и внезапно у меня пересыхает в горле. «Ну?» — это все, что я могу из себя выдавить. «Все кончено... безоговорочная капитуляция!» — голос Фридолина не громче шепота.

Конец... Чувствую себя так, словно я падаю в бездну. Затем в затуманенном сознании все проходит перед моими глазами: боевые друзья, которых я потерял, миллионы солдат, погибших в море, в воздухе, на поле боя... миллионы жертв, умерщвленных в своих домах по всей Германии... орды с Востока, которые сейчас наводняют нашу страну...

Фридолин внезапно взрывается: «Да брось ты этот чертов телефон, Ниерман. Войне конец!». «Мы сами решим, когда нам перестать сражаться», — говорит Ниерман. Кто-то хохочет. Смех слишком громкий, ненастоящий. Я должен сделать что-нибудь... сказать что-то... задать вопрос... «Ниерман, сообщите эскадрилье в Рейхенберге: через час у них приземлится «Шторх» с важными приказами». Фридолин заметил мое смущение и тут же начинает взволнованным голосом говорить о деталях:

«Отступление на запад определено невозможно... англичане и американцы настояли на безоговорочной капитуляции 8 мая... то есть сегодня. Нам приказано передать все русским без каких-либо условий до 11 часов вечера. Но поскольку Чехословакия оккупирована Советами, решено, что все немецкие войска должны как можно быстрее уходить на запад, чтобы не попасть в руки русских. Летный персонал идет по домам или куда-либо еще...»

«Фридолин, — прерываю я его, — постройте полк». Не могу больше сидеть и все это слушать. Но не будет ли еще хуже, если я сделаю то, что собираюсь... Что скажу своим людям? Они никогда не видели меня отчаявшимся, а сейчас я в самой пучине...

Фридолин прерывает мои мысли: «Полк построен». Я выхожу. Мой протез не позволяет мне идти надлежащим образом. Солнце сияет во всем своем весеннем великолепии, легкие дымки серебристо мерцают вдалеке. Я оставаюсь перед строем. «Мои боевые товарищи!» Я не могу продолжать. Вот стоит моя вторая группа, первая расквартирована в Австрии. Неужели я никогда их больше не увижу? И третья — в Праге. Где они сейчас, когда я так хочу их видеть вокруг себя... всех... и тех, кто выжил, и мертвых. Стоит сверхъестественная тишина, все глаза устремлены на меня. Я должен что-то сказать. «После того как мы потеряли так много друзей... после того как пролито столько крови дома и на фронте... непостижимый рок... лишил нас победы... мужество наших солдат... всего нашего народа... было беспримерным... война проиграна... Я благодарю вас за вашу верность, с которой вы... в этом полку... служили своей стране...» Пожимаю руки всем по очереди. Никто не произносит ни слова. Безмолвные рукопожатия говорят, что меня понимают. Когда я ухожу прочь в последний раз, слышу, как Фридолин командует: «Равняйся!».

«Равняйся!» — для многих и многих наших товарищей, которые пожертвовали своими молодыми жизнями. «Равняйся!» — для нашего народа, для его героизма, равного которому нет в истории. «Равняйся!» — для самого прекрасного наследия, какое мертвые когда-либо завещали потомкам. «Равняйся!» — для стран Запада, которые они старались защитить и сейчас попавшие в роковые объятия большевизма...

Что нам теперь делать? Война закончилась и для «Иммельмана»? Неужели мы не дадим немецкой молодежи возможность гордо вскинуть однажды головы, не сделаем какой-нибудь последний жест, например не спикируем всем полком на вражеский штаб или другую важную военную цель и своей смертью не поставим достойную точку в списке наших боевых вылетов? Весь полк будет со мной как один человек, я уверен в этом. Я ставлю вопрос перед группой. Ответ: нет. Возможно, это правильно... достаточно уже мертвых... и может быть, нас ждут другие миссии.

Я решил возглавить колонну, которая идет на запад. Это будет очень длинная колонна, потому что все соединения, находящиеся под моим командованием, включая зенитчиков, должны следовать вместе с наземным персоналом. Все будет готово к шести часам, затем мы тронемся в путь. Командир 2-й эскадрильи получает приказ подняться в воздух и со всеми самолетами лететь на запад. Когда коммодор узнает о моем намерении вести колонну, он приказывает мне из-за моей раны лететь пассажиром, а Фридолин возглавит марш. Под моим командованием остается эскадрилья в Рейхенберге. Я уже не могу связаться с ней по телефону, так что мне приходится лететь туда вместе с Ниерманом, чтобы проинформировать экипажи о новой ситуации. «Шторх» плохо набирает высоту, а она нужна, потому что Рейхенберг находится по ту сторону гор. Приближаюсь к аэродрому со всеми предосторожностями, со стороны долины. Вид у него какой-то заброшенный. Поначалу я никого не вижу и подруливаю к ангару с намерением воспользоваться телефоном в диспетчерской. Я как раз вылезаю из «Шторха», когда раздается страшный взрыв, и ангар взлетает на воздух у меня на глазах. Инстинктивно мы падаем ничком и ждем града камней. Они проделывают несколько дырок в крыле, но нас не задевают. Рядом с диспетчерской загорается грузовик с ракетами, и они взлетают в воздух, сверкая всеми цветами радуги. Символ катастрофы. Мое сердце начинает кровоточить при одной мысли об этом. Здесь никто не ждет моих новостей о том, что все кончено. По всей вероятности, обо всем знают откуда-то еще.

Мы забираемся в наш искалеченный «Шторх», и после бесконечно долгого разбега самолет неохотно поднимается в воздух. Мы летим назад, в Куммер, следуя вдоль той же долины. Все заняты сборами, порядок следования назначен самый выгодный с точки зрения тактики. Зенитные орудия рассредоточены по всей длине колонны так, чтобы они могли прикрыть ее в случае атаки, если кто-то попытается остановить наш марш. Наша цель — оккупированная американцами Южная Германия.

После того как колонна тронется, остальные, кроме тех, кто хочет дожидаться моего взлета, полетят кто куда. Многие из них получают шанс избежать плена, если смогут приземлиться где-нибудь неподалеку от своих домов. Я не могу так поступить, я намереваюсь приземлиться на аэродроме, оккупированном американцами: моя нога требует медицинского вмешательства, идея где-то спрятаться отпадает. Кроме того, меня могут узнать многие люди. Так почему мне не сесть на обычном аэродроме? Надеюсь, солдаты союзников будут обращаться по-рыцарски даже с побежденным врагом. Война окончена, и поэтому вряд ли меня арестуют и надолго задержат. Думаю, вскоре всем разрешат идти по домам.

Когда я стоял, наблюдая за погрузкой колонны, слышался гул высоко над нами. Это пятьдесят или шестьдесят русских бомбардировщиков, «Бостоны». Едва я успеваю подать тревогу, как на нас начинают со свистом сыпаться бомбы. Я лег на дороге, прижав к себе костыли. Если эти парни будут хорошо целиться, у нас при такой скученности будут огромные потери. Уже слышен грохот разрывов, бомбовый ковер ложится прямо в центре города, в километре от дороги, где выстроилась наша колонна. Бедные жители Нимеса! Русские заходят еще раз. Даже со второй попытки они не могут попасть в колонну.

Вот машины тронулись. Смотрю последний раз на свою часть, которая семь лет была моим миром и всем, что для меня имело значение. Кровь, пролитая за общее дело, скрепила нашу дружбу! Я отдаю им честь в последний раз.

Северо-западнее Праги, неподалеку от Кладно, колонна натывается на русские танки и очень сильную воинскую часть. Согласно условиям мира, все оружие должно быть сдано. Невооруженным солдатам гарантирован беспрепятственный проход. Но вскоре после сдачи оружия чехи нападают на наших беззащитных людей. Позверски, с отвратительной жестокостью, они безжалостно убивают немецких солдат. Лишь немногие сумели пробиться на запад, среди них мой молодой офицер разведки лейтенант Хауфе. Остальные попадают в руки чехов и русских. Среди тех, кто стал жертвой чешского терроризма, мой

самый лучший друг — Фридолин. Безмерная трагедия: ему довелось встретить такой конец уже после окончания войны. Это тоже заложники германской свободы.

Колонна тронулась, и я возвращаюсь на аэродром в Куммере. Катшнер и Фридолин все еще рядом со мной, затем они садятся в машину и едут навстречу своей роковой судьбе. Шесть других пилотов настояли на том, чтобы лететь на запад вместе со мной; мы пилотируем три Ю-87 и четыре ФВ-190. Среди них командир 2-й эскадрильи и лейтенант Швирблатт, который, как и я, потерял ногу и тем не менее проделал за последние недели огромную работу по уничтожению вражеских танков. Он всегда говорит: «Танкам все равно с одной ногой мы их уничтожим или с двумя!».

После тяжелого прощания с Фридолином и Катшнером — мрачное предчувствие говорит мне, что мы никогда уже не увидимся, — мы взлетаем последний раз. Странное и неопишное чувство: мы прощаемся с нашим миром. Решаем лететь в Китцинген, зная, что там большой аэродром, и, следовательно, полагая, что сейчас он занят американскими ВВС. В районе Сааца мы вступаем в воздушный бой с русскими, которые внезапно появляются из дымки и надеются, опьяненные победой, сделать из нас фарш. Но то, что им не удалось сделать за пять лет, не удается и сегодня, во время этого последнего боя.

Мы приближаемся к аэродрому с востока, напряженно гадая, будут ли стрелять по нам даже сейчас американские зенитки. Впереди уже виднеется большое летное поле. Я инструктирую своих пилотов по радио, что они могут разбивать свои самолеты при посадке, мы не собираемся передавать в руки американцев еще пригодные к бою машины. Приказываю отсоединить шасси и затем сорвать их при пробеге на большой скорости. Лучше всего резко затормозить одним колесом и с силой нажать на педаль с той же стороны. Я вижу толпу солдат на аэродроме, они построены, как на параде: вероятно, это что-то вроде парада победы — над ними развевается американский флаг. Сначала мы низко пролетаем над аэродромом, чтобы убедиться в том, что зенитки не будут стрелять по нам при

посадке. Некоторые участники парада смотрят на нас и неожиданно видят немецкую свастику над своими головами. Они тут же бросаются на землю. Мы приземляемся в соответствии с моим приказом. Только один из наших самолетов делает мягкую посадку и вырубивает на стоянку. Фельдфебель из 2-й эскадрильи, пилотировавший этот самолет, вез в хвосте своего самолета девушку и испугался, что в случае посадки на брюхо ущерб будет причинен не только самолету, но и его бесценному грузу. Он, конечно, «первый раз» ее видит. Так уж случилось, что она стояла одна на краю аэродрома и не хотела попасть к русским. Но его товарищи знают побольше.

Поскольку я летел первым, мой самолет лежит в самом конце взлетной полосы. Какой-то солдат уже стоит у пилотской кабины с направленным на меня револьвером. Я открываю кабину, и он тут же протягивает руку, чтобы сорвать мой Рыцарский Крест с Золотыми Дубовыми Листьями. Я отталкиваю его в сторону и снова закрываю кабину. Возможно, эта встреча закончилась бы для меня плохо, если бы рядом не затормозил джип с несколькими офицерами, которые устроили моему «приятелю» головомойку и предложили заниматься своим делом. Они подошли ближе и увидели мои мокрые от крови бинты на правой ноге, результат воздушного боя над Саацем. Первым делом они отвели меня на перевязочный пункт, где мне сменили повязку. Ниерман не позволяет мне пропасть из виду и следует за мной, как тень. Затем меня ведут в большую комнату, отгороженную в зале наверху, превращенную в нечто вроде офицерской столовой.

Здесь я встречаюсь с другими моими товарищами, которых доставили прямо сюда. Они становятся по стойке смирно и приветствуют меня так, как предписано фюре-ром. В дальнем конце комнаты — небольшая группа американских офицеров. Это спонтанное приветствие им не нравится, и они говорят тихо что-то друг другу. Они, очевидно, принадлежат смешанной части истребительной авиации, которая расквартирована здесь со своими самолетами. Ко мне подходит переводчик и спрашивает, говорю ли я по-английски. Он говорит, что их командир воз-

ражает против такого приветствия. «Даже если бы я мог говорить по-английски, — отвечаю я, — здесь все же Германия, и мы говорим только по-немецки. Что касается приветствия, нам приказали делать это именно так, и, являясь солдатами, мы выполняем наши приказы. Скажите своему командиру, что мы — летчики полка «Иммельман». Поскольку война закончена и никто не победил нас в воздухе, мы не считаем себя пленниками. Германский солдат не был побежден в равном бою, он был просто сокрушен ошеломляющей массой боевой техники. Мы приземлились здесь, потому что не хотели оставаться в советской зоне. Мы предпочли бы не обсуждать это, а иметь возможность умыться, привести себя в порядок и чего-нибудь поесть». Некоторые офицеры продолжают хмуриться, когда мы так усердно обливаемся водой, что на полу в столовой образовалась целая лужа. Мы устраиваемся здесь, как дома, почему бы нам не помыться? Кроме всего прочего, мы все еще в Германии. Разговариваем без всякого стеснения, затем едим.

Приходит переводчик и спрашивает нас от имени командира этой части, не могли бы мы поговорить с ним и его офицерами, когда закончим с едой. Это приглашение интересует нас как летчиков, и мы соглашаемся, но на все упоминания о том, «почему и где война была выиграна и проиграна» накладывается запрет. Извне доносятся звуки выстрелов и шум, цветные солдаты празднуют победу, набравшись спиртного. Не хотел бы я спускаться вниз на первый этаж, где всюду свистят пули, выпущенные по случаю праздника. Мы ложимся спать очень поздно.

Почти все, кроме того, что было у нас на себе, ночью украли. Самая ценная вещь, которую я потерял, — это мой полетный журнал, где описаны детали каждого боевого вылета, с 1-го и до 2513-го. Пропали также удостоверение о награждении бриллиантовым значком пилота, венгерская награда и много чего прочего, не считая часов и других вещей. Даже мой сделанный на заказ протез обнаружен Ниерманом под кроватью какого-то малого — возможно, тот хотел вырезать из него сувенир и продать его потом как «кусочек высокопоставленного джери».

Рано утром получил сообщение, что должен явиться в штаб 9-й американской воздушной армии в Эрлангене. Отказывался это делать, пока мои скорбные пожитки не будут возвращены. После долгих уговоров, когда мне сказали, что дело очень срочное и я получу свои вещи назад, как только вор будет пойман, я отправился вместе с Ниерманом. Нас в первую очередь допросили три офицера Генерального штаба. Они начали с того, что показали несколько фотографий, на которых, по их словам, были изображены жертвы злодеяний немцев в концентрационных лагерях. Они уверяли нас, что, сражаясь за эту мерзость, мы тоже несем вину. Они отказывались мне верить, что никогда в своей жизни я не видел ни одного концлагеря. Если какие-то эксцессы и имели место, это достойно всяческого сожаления и порицания, а истинные виновники должны быть наказаны. Я сказал, что подобные жестокости позволяли себе не только немцы, но и другие народы во все времена. Напомнил о Бурской войне. Следовательно, и к этим эксцессам нужно подходить с теми же критериями. Не могу поверить, что груды тел, изображенные на фотографиях, сняты в концлагерях. Я сказал, что мы видели такие картины, и не на бумаге, а на самом деле после воздушных атак на Дрезден, Гамбург и другие города, когда четырехмоторные бомбардировщики без всякого разбора буквально затопили их фосфором и бомбами огромной разрушительной силы. Тысячи женщин и детей стали жертвами той бойни. Я заверил джентльменов, что, если их очень интересуют жестокости, то они найдут обширный материал у своих восточных союзников.

Нам больше не показывали эти фотографии. Посмотрев на нас со злобой, офицер, составлявший протокол допроса, прокомментировал мои слова, когда я закончил говорить: «Типичный наци». Мне это не очень понятно: зачем называть кого-то «типичным наци» только за то, что он говорит правду? Знают ли эти джентльмены, что мы сражались за Германию, а не за какую-либо политическую партию? За нее погибли миллионы наших товарищей. Я сказал: «Наступит день, когда вы пожалеете о

том, что, разбив нас, тем самым уничтожили бастион против большевизма». Это мое утверждение показалось американцам пропагандой, и они отказались мне верить. Они сказали, что мы просто хотим разделить союзников и натравить их друг на друга. Через несколько часов нас доставили к командующему той воздушной армией, генералу Уайленду.

Генерал оказался немцем по происхождению, родом из Бремена. Он произвел на меня хорошее впечатление. В ходе нашей беседы говорю ему о пропаже уже упомянутых мною вещей, столь ценных для меня, в Китцингене. Спрашиваю его, часто ли происходят подобные инциденты. Он поднимает шум, но не из-за моей откровенности, а по поводу этого позорного воровства. Приказывает своему адъютанту проинструктировать командира части, расквартированной в Китцингене, чтобы они нашли мою собственность и судили виновников военно-полевым судом. Он просит меня быть его гостем в Эрлангене до тех пор, пока все не будет мне возвращено.

После беседы нас с Ниерманом на джипе отвезли в пригород, где в наше распоряжение предоставлена брошенная вилла. Часовой, поставленный у ворот, — напоминание о нашей ограниченной свободе. Появляется машина, которая должна отвести нас в офицерскую столовую на обед. Новость о нашем прибытии вскоре распространяется среди жителей Эрлангена, и часовому приходится все время вести переговоры с нашими многочисленными визитерами. Когда он не опасается внезапного визита своего начальства, он говорит нам: «Ich nich sehen».

Так мы проводим пять дней в Эрлангене. наших коллег, оставшихся в Китцингене, нам больше не довелось увидеть, у американцев нет никакого повода их задерживать.

14 мая у нас на вилле появляется капитан Росс, офицер разведки воздушной армии, он хорошо говорит по-немецки. Приносит нам записку от генерала Уайленда, в которой тот сожалеет о том, что поиски моих вещей пока ни к чему не привели, но только что пришел приказ немедленно доставить нас в Англию для допросов. После короткой остановки в Висбадене мы уже в спецлагере не-

подалеку от Лондона. Жилье и еда аскетические, английские офицеры обращаются с нами корректно. Пожилой капитан, заботам которого мы вверены, в гражданской жизни — дипломированный адвокат из Лондона. Он каждый день навещает нас с инспекцией и однажды видит на столе мои Золотые Дубовые листья. Смотрит на них задумчиво, качает головой и говорит тихо, почти со страхом: «Сколько человеческих жизней это стоило!». Когда я объяснил ему, что заслужил этот орден в России, он покидает нас с заметным облегчением.

Днем меня часто навещают английские и американские офицеры разведки, в разной степени любознательные. Я вскоре понимаю, что мы придерживаемся противоположных взглядов. Это не удивительно, если принять в расчет, что я совершил почти все боевые вылеты на самолете, обладающем невысокой скоростью, и мой опыт, следовательно, значительно отличается от опыта союзников, которые склонны преувеличивать значение каждого дополнительного километра в час, даже просто как гарантии безопасности. Они никак не могут поверить, что я сделал более 2500 боевых вылетов на таком низкоскоростном самолете. Они вовсе не заинтересованы в извлечении уроков из моего опыта. Они хвастаются своими ракетами, о которых я уже знаю и которые можно пускать с самого высокоскоростного самолета. Им не нравится, когда я говорю, что точность попадания этих ракет в цель гораздо меньше по сравнению с моими пушками.

Я не особенно возражаю против подобных допросов, мои успехи не связаны с какими-либо техническими секретами. Таким образом, наши разговоры — не больше чем дискуссия об авиации и о только что закончившейся войне. Британцы не скрывают уважения к достижениям противника, их отношение построено на понятиях о спортивной чести, и мы это приветствуем.

Каждый день в течение сорока пяти минут мы можем прогуливаться за колючей проволокой. Остальное время мы читаем и строим планы, чем будем заниматься теперь, после войны.

Примерно через две недели нас отправляют на север и интернируют в обычном американском лагере для военнопленных. В этом лагере много тысяч заключенных. Еды дают лишь самый минимум, и некоторые из наших товарищей, которые находятся здесь уже какое-то время, совсем ослабели от истощения. Моя культя доставляет мне неприятности, нужна новая операция. Начальник медицинской части лагеря отказывается сделать операцию на том основании, что я летал с одной ногой. Его совсем не интересует, что происходит с моей культей. Она вздулась, воспалилась, я страдаю от острых болей. Лагерное начальство не могло бы придумать лучшей пропаганды среди тысяч немецких солдат в пользу их бывших офицеров. Многие наши охранники хорошо знают немецкий, они эмигрировали в Штаты после 1933 года и говорят по-немецки не хуже нас. У солдат-негров добрый нрав, они предупредительны, за исключением тех случаев, когда напиваются.

Через три недели меня вместе с Ниерманом и большинством тяжелораненых переводят в Сауттемpton. Мы толпимся на борту грузового судна «Кайзер». Когда проходят сутки, а нам не приносят никакой еды, мы подозреваем, что так и будет продолжаться до самого Шербура, где американская команда попытается продать наши пайки на французском черном рынке. Группа ветеранов русского фронта, прознав об этом, вламывается в кладовую и берет распределение еды в свои руки. У моряков этого судна, которые узнают об этом рейде чуть позже, вытягиваются лица.

Поездку из Шербура в наш новый лагерь неподалеку от Карантана не назовешь приятной, поскольку французское гражданское население приветствует даже тяжелораненых немецких солдат градом камней. Нам не помогают воспоминания о том, какую комфортабельную жизнь нередко вели французские гражданские лица, находившиеся в Германии. Многие из них были достаточно благоразумны, чтобы продолжать свою жизнь в комфорте, когда мы сдерживали Советы на востоке. Те, кто сегодня бросает в нас камни, когда-нибудь очнутся.

Условия в новом лагере почти такие же, что и в Англии. И здесь мне поначалу отказывают в операции. Известно, когда меня отсюда выпустят, будут удерживать хотя бы из-за моего ранга. Однажды меня увозят на шербурский аэродром, и создается впечатление, что меня хотят передать «иванам». Это будет нечто для Советов: заполучить фельдмаршала Шёрнера и меня в качестве приза за войну, выигранную на земле и в воздухе! Компас показывает, что нас опять везут в Англию. Зачем? Мы приземляемся примерно в 30 километрах от моря на аэродроме, где находится школа командного состава Королевских военно-воздушных сил. Здесь я узнаю, что моего перевода добился майор Бадер, самый популярный летчик в английских ВВС. Во время войны он был сбит и летал, будучи на протезах. Он узнал, что я интернирован в карантанском лагере. Он сам был военнопленным в Германии и предпринял несколько попыток бежать. Может поведать истории, которые отличаются от выдумок злобных агитаторов, любыми средствами пытающихся заклеить нас, немцев, как варваров.

Это время, проведенное в Англии, стало настоящим лечением, отдыхом после лагерей для военнопленных. Здесь я снова открыл для себя, что существует уважение к достижениям противника, рыцарство, которое естественным образом присуще каждому офицеру, состоящему на службе в любой стране мира.

Бадер посылает меня в Лондон к человеку, который сделал ему протезы, в надежде, что тот сделает мне такие же. Отклоняю это щедрое предложение, так как не смогу оплатить заказ. Я потерял на Востоке все и еще не знаю, что может случиться в будущем. В любом случае я не смогу вернуть ему долг в фунтах стерлингов. Майор Бадер почти оскорблен, когда я отказываюсь воспользоваться его добротой и беспокоюсь об оплате. Он привозит того человека с собой, сделан гипсовый слепок. Протезист возвращается через несколько дней и говорит мне, что культя, должно быть, опухла, она в конце толще, чем у основания. Прежде чем он закончит изготовление протеза, необходимо провести операцию.

Через несколько дней от американцев приходит запрос относительно меня: оказывается, меня «одолжили» только на время, и я должен быть возвращен на место. Мой отдых подходит к концу.

В один из дней у меня состоялась многое разъясняющая дискуссия с курсантами летной школы Королевских ВВС. Один из них, не англичанин, надеясь, без всякого сомнения, разъярить или унижить меня, спросил, что, по моему мнению, со мной могут сделать русские, если я вернусь в свои родные места в Силезии. «Полагаю, русские достаточно умны, чтобы воспользоваться моим опытом, — ответил я. — В области борьбы с танками, которая неизбежна в любой новой войне, мои пояснения могут поставить противника русских в невыгодное положение. Я уничтожил более пятисот танков, и, если предположить, что в течение нескольких ближайших лет я буду готовить пять или шесть сотен пилотов, каждый из которых уничтожит по крайней мере сотню танков, вы сами можете сообразить, сколько танков должна будет выпустить промышленность противника, чтобы возместить все эти потери». Этот ответ породил всеобщее удивление, и меня взволнованно спрашивали, как это совместить с моим отношением в прошлом к большевизму. До сих пор мне не позволяли сказать что-нибудь пренебрежительное о России — их союзнике. Но теперь мне говорили о массовых депортациях на восток, рассказывали о случаях изнасилования и жестокостях, о кровавом терроре орд, нахлынувших из азиатских степей и мучающих покоренные народы. Это нечто новое для меня.

Теперь их взгляды уже соответствуют нашим, достаточно часто высказываемым, и выражены они в словах, которые нередко заимствованы из нашего лексикона. Командиры Королевских ВВС, которые пилотировали самолеты на стороне русских под Мурманском, делятся своими воспоминаниями, они крайне резкие. Из сбитых там почти никого не осталось в живых. «И вы хотите работать на русских!» — восклицают они. «Мне было очень интересно услышать ваше мнение о ваших союзниках, — от-

вечаю я. — Конечно, я не сказал ни слова о том, что думаю об этом сам. Я лишь ответил на вопрос, который вы мне задали». О России в моем присутствии больше никто не говорит.

Меня везут назад во французский лагерь, где я нахожусь еще какое-то время. Усилия немецких врачей, наконец-то, увенчались успехом, и меня переводят в госпиталь. За несколько дней до этого Ниермана освобождают в британской оккупационной зоне. Он несколько раз просил, чтобы его оставили со мной. Через неделю после того, как я покинул французский лагерь, я оказываюсь в санитарном поезде, который следует в госпиталь в Штарн-бергерзее. В Аугсбурге наш поезд направляют в Фурт. Здесь после пребывания в военном госпитале в апреле 1946 года мне удастся добиться освобождения.

Я — один из миллионов солдат, выполнивших свой долг и по воле Провидения выживших в этой битве. Это мои воспоминания о войне с СССР, в которой молодые немцы и многие другие европейцы, убежденные в нашей правоте, отдали свои жизни. Эта книга не является ни прославлением войны, ни реабилитацией определенной группы людей и тех приказов, которые они отдавали. В ней только мой опыт говорит голосом правды.

Я посвящаю эту книгу погибшим на войне и молодежи. Это новое поколение живет сейчас в хаосе послевоенного периода. Пусть оно тем не менее сохранит веру в свою страну и надежду на лучшее будущее. Погибает лишь тот, кто смирился с поражением!

Содержание

Об авторе этой книги	3
Глава 1. От зонтика к пикирующему бомбардировщику	8
Глава 2. Война против Советов	19
Глава 3. Полет в плохую погоду	26
Глава 4. Битва за Ленинград	34
Глава 5. Под Москвой	47
Глава 6. Тренировка и практика	57
Глава 7. Сталинград	67
Глава 8. Отступление	76
Глава 9. «Штука» против танка	82
Глава 10. На Кубани и под Белгородом	88
Глава 11. Назад к Днепру	101
Глава 12. Все дальше на запад	106
Глава 13. Отступление к Днестру	125
Глава 14. Роковое лето 1944-го	154
Глава 15. Битва за Венгрию	196
Глава 16. Рождество, 1944	203
Глава 17. Последние месяцы смертельной борьбы	230
Глава 18. Конец	256

Научно-популярное издание

РУДЕЛЬ ГАНС-УЛЬРИХ

ПИЛОТ «ШТУКИ»

Ответственный за выпуск *Ю. Г. Хацкевич*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.04.03.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать
высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 14,3+0,84.

Тираж 5000 экз. Заказ 997.

ООО «Харвест».

Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.02.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,

д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество

«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».

220600, Минск, ул. Красная, 23.

ПИЛОТ «ШТУКИ»

Книга «Пилот "Штуки"» написана немецким летчиком-асом Гансом-Ульрихом Руделем, прошедшим во вторую мировую войну путь от простого солдата до полковника Люфтваффе и получившим за боевые заслуги и исключительную храбрость специально учрежденную награду — «Золотые Дубовые Листья с Мечами и Бриллиантами к Рыцарскому кресту». Рассказ о жизни и быте пилотов Люфтваффе, о том, как действовали немецкие летчики, — это отчет Руделя, пилота пикирующего бомбардировщика, о его службе в военно-воздушных силах Германии на протяжении всей войны. Для всех, кто интересуется военной историей.

ISBN 985-13-1625-3

9 789851 316256